Джин Вулф

Пыточных дел мастер

Коготь Миротворца
Джин Вулф

Аннотация
Джин Вулф. Коготь Миротворца
Глава 1. Деревня Сальтус
Глава 2. Человек во мраке
Глава 3. Балаган
Глава 4. Букет
Глава 5. Ручей
Глава 6. Синий свет
Глава 7. Наемные убийцы
Глава 8. Похитители
Глава 9. Повелитель листьев
Глава 10. Теа
Глава 11. Текла
Глава 12. Ночницы
Глава 13. Коготь Миротворца
Глава 14. Вестибюль
Глава 15. Призрачное свечение
Глава 16. Иона
Глава 17. Сказка об ученом и его сыне
  Часть 1. Твердыня магов
  Часть 2. Явление героя
  Часть 3. Встреча с принцессой

Часть 4. Битва с великаном
Часть 5. Смерть ученого
Глава 18. Зеркала
Глава 19. Кладовые
Глава 20. Картины
Глава 21. Гидромантия
Глава 22. Олицетворения
Глава 23. Иолента
Глава 24. Пьеса доктора Тапоса
Глава 25. Нападение на иеродулов
Глава 26. Расставание
Глава 27. К Траксу
Глава 28. Наложница Абайи
Глава 29. Пастухи
Глава 30. Снова торговец
Глава 31. Очищение
ПРИЛОЖЕНИЯ

Аннотация

Главный герой книги – молодой палач Северьян из Нессуса, изгнанный из гильдии, отправляется в путь, чтобы искупить свою вину. Но никто не знает, какова конечная цель Северьяна. Каждый сделанный им шаг, любой предмет, попавший ему в руки, странные люди и таинственные существа, встречающиеся ему в дороге, – звенья одной цепи, загадочные инструменты судьбы.

Джин Вулф утверждает, что всего лишь перевел рукопись, неведомо как попавшую к нему из далекого будущего.

Джин Вулф
Коготь Миротворца

Шипы твои и ныне силу источают, из бездн твоих струится музыка сама.
И сердце бедное в тенях, как в розах, утопает, и, точно крепкое вино, твоя ночная тьма.

Глава 1
Деревня Сальтус

Единственный луч света во мраке озарял лицо Морвенны, прекрасное, обрамленное волосами, почти такими же темными, как мой плащ. Кровь с ее шеи каплями падала на камень. Губы шевелились, но беззвучно. Зато в пространстве между ними я видел (словно был Предвечным Богом, приникшим глазом к некой прорехе в Вечности, дабы лицезреть Мир Времени) ферму, Стахиса, ее мужа, бьющегося в агонии на постели, и маленького Чада, который пытался охладить водой из пруда свое пылающее от лихорадки лицо.

На улице визжала, как ведьма, Евсебия, обвинительница Морвенны. Я попытался дотянуться до решетки, чтобы велеть ей умолкнуть, но тут же мрак темницы поглотил меня. Когда наконец я увидел свет, он тянулся зеленой дорогой от Врат Скорби. Кровь струилась по щеке Доркас, и, несмотря на оглушительные вопли и визг множества людей, я слышал звук капель, падающих на землю. Столь велико было могущество Стены, что она разделяла мир надвое так же нерушимо,

как простой линией между переплетами отделены друг от друга рядом стоящие книги. Теперь перед нами возвышался лес, существовавший, наверное, с самого рождения Урса. Его деревья были подобны скалам, закутанным в зеленое покрывало. Между ними пролегала дорога, вытоптанная в молодой траве, а по ней стремился людской поток. В воздухе стоял запах дыма от горящей одноколки.

Навстречу людям продвигались пятеро всадников на боевых конях, чьи исполинские копыта были инкрустированы лазуритом. Головы всадников венчали небесно-голубые шлемы, с плеч ниспадали накидки того же цвета, а наконечники длинных копий источали синее сияние.

Сходство воинов было еще разительней, чем у братьев. Встречаясь с ними, толпа расступалась, как разбивается волна прибоя о скалу. Доркас вырвали из моих объятий, и я обнажил «Терминус Эст», чтобы проложить к ней дорогу, и вдруг увидел, что заношу меч над головой мастера Мальрубиуса, который неподвижно стоял среди бегущих людей. Рядом с ним сидел мой пес Трискель. Тогда я понял, что сплю, и одновременно понял, что видения, в которых он мне являлся ранее, не были снами.

Я отбросил одеяла. До моего слуха доносился перезвон с Колокольной Башни. Пора вставать, пора бежать на кухню, застегивая на ходу одежду, крутить вертел под присмотром Брата Кока и стянуть колбаску — сочную, аппетитную, еще почти пылающую — из кухонного очага. Время умываться, время прислуживать подмастерьям, время повторять задание к уроку мастера Палаэмона.

Я проснулся в спальне учеников, но все было не на своих местах: плоская стена вместо ниши, квадратное окно вместо перегородки. Ряды узких, жестких коек исчезли, а потолок казался слишком низким.

И тут я очнулся. Деревенские запахи — аромат цветов и листвы, так похожий на тот, которым всегда веяло из-за полуразрушенной стены некрополя, но теперь смешанный с жарким духом хлева, — проникали через открытое окно. Звенели колокола на какой-то звоннице, расположенной неподалеку, сзывая тех немногих, кто еще сохранил надежду узреть приход Нового Солнца, хоть еще было и очень рано: старое солнце лишь слегка приподняло покрывало ночи с лица древнего Урса, и, кроме звона колоколов, ничто не нарушало покоя в деревне.

Прошлой ночью Иона обнаружил, что в наших кувшинах для умывания не вода, а вино. Я прополоскал рот глотком вина, и его терпкость освежала лучше, чем вода, которая тем не менее была мне нужна, чтобы умыться и пригладить волосы. Перед сном я свернул плащ, спрятав Коготь внутри, и подложил его под голову. Теперь я развернул его и, вспомнив, как Агия однажды попыталась сунуть руку в кожаную ташку на моем поясе, опустил Коготь в голенище сапога.

Иона еще спал. По моим наблюдениям, люди во сне выглядят моложе, но Иона казался старше или, вернее, — просто древним. Такие лица, с прямым носом и плоским лбом, мне приходилось видеть на старинных картинах. Я засыпал тлеющие угли пеплом и вышел, не потревожив его.

Я умылся из колодезного ведра во дворе гостиницы. Улица уже не безмолвствовала — она была оживлена чмоканием множества копыт по лужам, оставленным вчерашним дождем, и глухими ударами рогов симитаров. Все животные были выше человеческого роста, черные или пегие, с глазами навыкате, почти скрытыми жесткой гривой, падавшей на морду. Отец Морвенны, вспомнил я, торгует скотом — может быть, это его стадо, хотя вряд ли. Я подождал, пока пройдет

последний неуклюже переваливающийся зверь, и увидел людей, которые погоняли стадо. Их было трое — простолюдины в запыленной одежде, у каждого острое бодило длиной в человеческий рост, а с ними их злые, бдительные, беспородные псы.

Вернувшись в гостиницу, я заказал завтрак, и мне подали горячий хлеб, свежее масло, яичницу из утиных яиц и взбитый шоколад с перцем. (Последнее было верным знаком того, что жители деревни вывезли свои обычаи с севера, но тогда я еще этого не знал.) Гномоподобный лысый хозяин, который, без сомнения, видел, как прошлым вечером я говорил с алькальдом, нависал над столом, утирал нос рукавом, осведомлялся о качестве каждого блюда (надо сказать, еда была очень вкусной), обещал гораздо лучший ужин и на чем свет стоит бранил кухарку, свою жену. Он обращался ко мне «сьер» не потому, что принимал меня, как бывало в Нессусе, за знатного господина, путешествующего инкогнито, а потому, что в этой глуши палач, будучи представителем власти, считался важной персоной. Как большинство пеонов, он не мог представить себе, сколь велико число сословий, занимающих более высокое положение, чем то, к которому

принадлежал он сам.

— Удобна ли постель? Одеял не маловато? Принести еще?

Я кивнул, потому что рот мой был набит едой.

— Будет исполнено. Трех хватит? Не тесно ли вам вдвоем с тем, другим господином?

Я уже собирался сказать, что предпочел бы отдельную комнату (я не сомневался в честности Ионы, но все же опасался, что Коготь может оказаться слишком сильным искушением для любого человека, и, кроме того, я не привык спать вдвоем), но мне пришло в голову, что у Ионы не хватит денег, чтобы заплатить за целую комнату.

— Ты там будешь нынче, сьер? Когда пробьют стену? Каменщик мог бы разобрать кладку, да поговаривают, что Барнох там, внутри, еще шевелится. Может, кой-какие силенки у него и остались. Возьмет да тяпнет за руку.

— Как официальное лицо — нет. Но посмотреть приду, если смогу.

— Все собираются. — Лысый человечек потер руки, которые скользили, словно смазанные жиром. — А ты знаешь, что у нас будет ярмарка? Алькальд объявил. Ну и голова наш алькальд! Возьми обыкновенного человека. Разве бы он до

чего особенного додумался, если бы увидал вас здесь, в моей гостинице? Ну, может статься, подрядил бы твою милость покончить с Морвенной. А он — нет. Он свое дело знает. На шаг вперед видит. Можно сказать, вся ярмарка так и выскочила у него из головы: и разноцветные палатки, и ленты, и жареное мясо, и жженый сахар. Сегодня? Сегодня мы взломаем проклятый дом и вытащим оттуда Барноха, как старого барсука. Это подогреет народ, станут собираться со всей округи. Потом мы посмотрим, как ты управишься с Морвенной и этим парнем. А завтра примешься за Барноха. С каленого железа начнешь? Вроде так положено? Кто ж не захочет посмотреть? На следующий день ему конец, и сразу палатки долой. Нечего им тут шляться, когда деньги кончатся, а то начнут побираться, да драки затевать, да все такое. Все продумано! Вот каков наш алькальд!

После завтрака я снова вышел на улицу и увидел, как идея алькальда воплощается в жизнь. Крестьяне стекались в деревню с корзинами фруктов и тюками домотканой одежды на продажу, вели скот. Несколько аборигенов тащили шкуры, связки черных и зеленых птиц, подстреленных ядовитыми стрелами. Теперь я жалел, что при мне нет накидки, которую продал мне брат

Агии, потому что мой черный плащ привлекал любопытные взоры. Я уже собирался вернуться в гостиницу, как вдруг послышался знакомый звук. Я часто слышал его, когда в Цитадели маршировал гарнизон.

Стадо, которое я видел раньше, уже спустилось к реке. Скоро его погрузят на баржи и отправят в последний путь к скотобойням Нессуса. Солдаты же, наоборот, шли от реки, то ли потому, что офицеры решили взбодрить их маршем, то ли отряд направлялся в места, удаленные от Гьолла. Когда они вклинились в густеющую толпу, раздался приказ «Запевай!», и сразу вслед за этим послышались удары кнута и вопли прибитых неудачников.

Солдаты явно принадлежали к племени келау, каждый был вооружен пращой с ручкой длиной кубита в два, и у каждого на поясе висела сума из раскрашенной кожи с зажигательными снарядами. Лишь несколько человек казались старше меня, а почти все — моложе, но позолоченные кольчуги, богатые перевязи и ножны длинных кинжалов указывали на принадлежность к элитным войскам эрентариев. Повинуясь приказу, они запели, но не о войне или женщинах, как почти во всех солдатских песнях, а старинные

народные куплеты, сложенные поколениями моряков и воинов.

Мне в детстве говорила мать:
«Сын, вытри слезы да в кровать.
Еще немного, а потом
Навек забудешь отчий дом.
Ведь ты родился в миг, когда
На землю падала звезда».

Отец, давая тумака,
Твердил: «Жизнь будет нелегка.
Учись терпеть. Как может сметь
Из-за царапины реветь
Тот, кто явился в мир, когда
На землю падала звезда?»

Один мудрец шепнул: «Юнец,
В сраженье ждет тебя конец.
Я вижу кровь, огонь и дым.
Простишься с жизнью молодым,
Коль ты родился в миг, когда
На землю падала звезда».

Пастух сказал: «Смиренен будь.

Не сам ты выбираешь путь.
Мы – те же овцы: нас ведет
Пастух, что на небе живет,
К Вратам Восхода, и туда
На землю падает звезда».

И так далее… Куплет за куплетом — то загадочные (во всяком случае, мне они казались загадочными), то шутливые, то явно состряпанные наспех только для того, чтобы сохранить рефрен.

— Приятно на них взглянуть, верно? — Это был хозяин гостиницы, чья лысая голова едва доставала мне до плеча. — Сразу видать — южане. Заметил, как много рыжих и веснушчатых? Они там у себя привыкли к холоду, так что им в горах в самый раз будет. От этой песни так и хочется встать в строй. Сколько их, как ты думаешь?

В поле зрения появились вьючные мулы, нагруженные запасами продовольствия. Их подгоняли остриями мечей.

— Тысячи две. Может, две с четвертью.

— Благодарствую, сьер. Люблю я провожать войска. Не поверишь, сколько таких парней уже мимо нас прошло. А назад — раз, два и обчелся. Ну, война есть война. Я все говорю себе, что они

просто еще воюют, но все мы знаем — многие остаются там на веки вечные. И все равно, когда мужчина слышит такую песню, ему хочется быть вместе с ними.

Я спросил, известно ли ему что-нибудь о войне.

— О да, сьер. Вот уж несколько лет мы тут следим, что да как и, по правде говоря, вроде бы все одно и то же, если вы понимаете, про что я толкую. Ни туда, ни сюда. Мне иной раз приходит в голову, что наш Автарх и ихний назначили место, где сражаться, а когда люди кончатся, оба разойдутся по домам. Жена моя, дурища, та и вовсе не верит, что война идет на самом деле.

Толпа сомкнулась за последним погонщиком мулов. С каждым произнесенным нами словом она становилась все гуще. Плотники торопливо забивали в землю опоры, воздвигали шатры и палатки, сужая и без того готовую лопнуть под напором толпы тесную улицу. Оскаленные маски на высоких шестах, казалось, вырастали прямо из земли, как молодые деревья.

— А куда же тогда, она думает, идут солдаты? — спросил я хозяина.

— Она говорит, ищут Водалуса. Как будто Автарх — да источают его руки золото, да лижут

враги его пятки — пошлет целую армию за одним жалким бандитом.

Из этой речи до меня дошло только одно слово: «Водалус».

Я отдал бы все на свете за возможность стать одним из вас — тех, кто жалуется, что с каждым днем воспоминания тускнеют. Мои не тускнеют. Они остаются со мной навсегда — столь же яркие, как изначальное впечатление, — и до конца жизни держат меня в плену.

Наверное, я отвернулся от хозяина и шагнул в толпу, где толкались нищие и старались перекричать друг друга торговцы, но я никого не видел. Я ощущал под ногами усыпанную костями дорожку некрополя и сквозь колышущийся речной туман видел высокую фигуру Водалуса. Видел, как он передает ружье своей подруге и вынимает из ножен меч. Тогда я об этом не думал, но теперь (вот что значит повзрослеть) меня поразила экстравагантная нелепость этого жеста: он, который в сотнях подпольных листовок клялся, что сражается за прошлое, за высокую древнюю цивилизацию, ныне утраченную Урсом, отвергает надежное оружие этой цивилизации.

Может быть, мои воспоминания не гаснут именно потому, что прошлое существует только

в воспоминаниях. Водалус, который хотел воскресить прошлое, сам пребывал в настоящем. То, что мы можем быть лишь тем, что мы есть, всегда останется нашим неискупимым грехом.

Не сомневаюсь, что, если бы я был одним из вас, чья память меркнет, я не увидел бы его тем утром, когда локтями прокладывал дорогу в толпе, и, возможно, избежал бы той смерти при жизни, которая держит меня в тисках даже сейчас, когда я пишу эти строки. А может быть, и не избежал бы. Вернее всего, нет. В любом случае ожившие чувства были слишком сильны. Я не мог выбраться из ловушки памяти и снова восхищался тем, что меня восхитило когда-то. Так мушка, залетевшая в кусок янтаря, навек остается пленницей давным-давно погибшей сосны.

Глава 2
Человек во мраке

Дом разбойника ничем не отличался от остальных деревенских жилищ: сложенный из нетесаного камня, одноэтажный, с плоской массивной крышей из того же материала. Дверь и единственное окно, выходящее на улицу, закрывала грубая кладка. Около сотни зевак слонялись поблизости, переговариваясь и показывая на дом, но изнутри не доносилось ни звука, а из трубы не шел дым.

— Так принято в этих местах? — спросил я Иону.

— Да, такова традиция. Наверное, слышал пословицу: «Неправда, полуправда и немножко правды — это и есть традиция».

— Мне кажется, он мог бы без труда выбраться оттуда. Можно было пробиться через окно или через дверь ночью или сделать подкоп. Если он действительно шпионил для Водалуса, то должен был знать, что его ждет, и мог заранее запастись едой, водой и инструментами.

Иона отрицательно покачал головой.

— Перед тем как заложить окна и двери, они

всегда врываются в дом и забирают все, что найдут: продукты, инструменты, свечи. Ну и конечно, ценные вещи.

Звучный голос произнес:

— Да, обладая малой толикой здравого смысла, позволю я польстить себе самому и согражданам, именно так мы и делаем.

Это был алькальд, который незаметно подошел к нам и встал позади. Мы обменялись приветствиями. Алькальд был приземистым, крепко сбитым человеком, чье открытое лицо несколько портили какие-то слишком уж умные глаза.

— Я узнал тебя, мастер Северьян, хоть ты и сменил платье. Это новое? Похоже на то. Если оно тебя не устраивает, скажи мне. Мы хотим, чтобы у нас на ярмарке торговали честно. Пусть только кто-нибудь попробует тебе не угодить — утопим в реке, можешь быть уверен. Одного-двух в год утопить полезно, чтобы остальные не распускались.

Он сделал шаг назад и осмотрел меня с головы до ног, потом кивнул сам себе, как бы одобряя мой вид.

— Словно на тебя шито. Надо сказать, фигура у тебя прекрасная. И лицо красивое. Бледноватое немного, но наше жаркое северное солнце это скоро поправит. Как бы там ни было, одежда тебе

к лицу и носиться будет долго. Если спросят, где купил, скажи: на ярмарке в Сальтусе. Нам на пользу пойдет.

Я обещал, что скажу, хотя гораздо больше беспокоился о «Терминус Эст», который спрятал в своей комнате, чем о том, как выгляжу и как будет носиться платье, только что купленное у уличного торговца.

— Я полагаю, ты и твой помощник пришли посмотреть, как мы будем выволакивать наружу этого негодяя? Сейчас начнем. Как только Месмин и Себальд принесут стенобитное орудие. Так у нас называется эта штука, хотя, честно говоря, это просто обыкновенное бревно. И не такое уж большое, иначе деревне пришлось бы слишком много платить тем, кто будет им орудовать. Так или иначе, оно свое дело сделает. Я думаю, вам еще не успели рассказать, что у нас тут произошло восемнадцать лет назад?

Иона и я помотали головами.

Алькальд выпятил грудь, как это принято у политиков, когда им представляется возможность произнести более двух фраз кряду.

— Я все это хорошо помню, хотя и был тогда всего лишь подростком. Женщина. Имя забыл, но мы всегда называли ее Матушка Лихорадка. Ее

тоже замуровали в доме. Вот точно так же, как Барноха, — занимаются-то этим всегда одни и те же люди. Но тогда был конец лета, время сбора яблок. Я точно помню: все пили свежий сидр, а сам я ел яблоко, пока смотрел.

На следующий год, когда взошла пшеница, кто-то пожелал купить дом. Собственность преступника переходит деревне, как вам известно. Те, кто делает работу, получают вместо платы всё, что найдут в доме, а сам дом и землю забирает деревня.

Короче говоря, мы взяли стенобитное орудие и пробили дверь, думая вымести старушечьи кости и запустить в дом нового владельца. — Алькальд засмеялся, запрокинув голову. В этом смехе было что-то жутковатое, призрачное, а может быть, так казалось из-за того, что его почти заглушал гул толпы. Я спросил:

— Она не умерла?

— Это смотря что ты имеешь в виду. Женщина, так долго пробывшая в полной темноте, может превратиться в довольно странную тварь, вроде тех, что встречаются в гнилом дереве. Мы в Сальтусе почти все рудокопы и под землей многое повидали, но тут мы взяли руки в ноги да врассыпную, а потом вернулись с горящими фа-

келами. Свет ей пришелся не по нраву, не говоря уж об огне.

Иона коснулся рукой моего плеча и указал на толпу, которая пришла в движение. Несколько мужчин с деловитым видом расталкивали народ, прокладывая себе дорогу. На них не было ни шлемов, ни доспехов, но некоторые несли остроконечные пики, а остальные — палки с медными навершиями. Мне сразу вспомнился отряд охранников-добровольцев, который пропустил к некрополю Дротта, Роша, меня и Эату много лет назад. За этими вооруженными людьми четверо мужчин несли стенобитное орудие, о котором говорил алькальд, — грубое бревно примерно двух пядей в поперечнике и шести кубитов в длину.

При их появлении толпа выдохнула в едином порыве, потом все оживленно заговорили, послышались одобрительные возгласы. Алькальд оставил нас и отправился отдавать распоряжения. Людям с пиками очистили место вокруг замурованного дома, а когда мы с Ионой стали проталкиваться поближе, алькальд велел им пропустить нас вперед.

Я думал, что, как только все будет готово, они начнут ломать стену без предварительных церемоний. Однако я недооценивал алькальда. В

последний момент он взобрался на крыльцо и помахал над головой шляпой, призывая к тишине.

— Привет вам, гости и соседи! Прежде чем вы успеете трижды вздохнуть, мы взломаем заслон и вытащим разбойника Барноха. Мертвым или — как мы надеемся, потому что времени прошло еще недостаточно, — живым. Вы знаете, в чем он повинен. Он вошел в сговор с приспешниками предателя Водалуса. По его доносам они убивали честных людей. Все вы сейчас думаете, и справедливо, что столь подлое преступление надо карать без пощады. Да, говорю я! Да, говорим все мы! Сотни и тысячи покоятся ныне в могилах по вине Барноха. А скольких постигла еще более страшная участь!

Прежде чем упадут эти камни, я призываю вас: задумайтесь! Водалус потерял шпиона. Он будет искать другого. Как-нибудь глухой ночью, и, как я думаю, уже скоро, к одному из вас придет незнакомец. Говорить он будет складно…

— Совсем как ты! — раздался чей-то возглас, и все засмеялись.

— Куда лучше, чем я. Я всего лишь простой рудокоп, как вам известно. Сладкая речь и, наверное, немного денег, вот что я думаю. Так вот, прежде чем сказать ему «да», вспомните дом

Барноха таким, каким видите его сейчас — с каменной кладкой вместо двери. Представьте себе собственный дом без окон и дверей. Представьте в нем себя.

А теперь представьте, какое зрелище вас ожидает. Говорю вам всем и особенно гостям: то, что вы сейчас увидите, — только начало. Ярмарка в Сальтусе сегодня только открывается. Мы наняли лучшего мастера в Нессусе, и в ближайшие дни вы станете свидетелями казни по меньшей мере двух человек. Казни по всем правилам искусства, когда голова человека летит с плеч долой от одного удара. Один из осужденных — женщина, и потому нам потребуется стул. Это то, что многие из вас, кичащиеся своей образованностью, никогда не видели и не увидят. Вы также полюбуетесь, как этого человека, — алькальд шлепнул ладонью по стене, — этого Барноха, поведет к смерти наиопытнейший проводник. Может, преступник сумел проделать дыру в стене, как это часто бывает, и тогда он сейчас слышит меня.

Его голос поднялся до крика.

— Барнох! Если можешь, перережь себе глотку! Потому что, если ты этого не сделаешь, скоро тебе придется пожалеть, что до сих пор не подох с голоду!

На мгновение наступила полная тишина. Я был близок к отчаянию, поняв, что мне вскоре предстоит продемонстрировать свое ремесло на соратнике Водалуса. Алькальд поднял правую руку, а потом резко опустил.

— Ну, молодцы, давайте!

Четверо с бревном вслух произнесли «раз, два, три» и бегом ринулись на замурованную дверь. Однако, пока двое первых карабкались по ступенькам, они почти остановились, и бревно ударило в камень с громким стуком, но без какого-либо видимого результата.

— Ничего, ребята, — ободрил их алькальд, — давайте еще разок. Покажите всем, какие силачи растут у нас в Сальтусе.

Они повторили попытку. На этот раз те, что впереди, более ловко взбежали на крыльцо, и камни содрогнулись от удара. В воздух поднялось облачко пыли. К четверке присоединился доброволец из толпы — плотный парень с черной бородой, и они ударили снова. Звук от удара не стал громче, но с ним слился треск, похожий на треск ломаемой кости.

— Еще разок, и готово, — сказал алькальд.

Он оказался прав. От следующего удара кладка провалилась внутрь дома, оставив дыру размером

с человеческую голову. После этого «молодцы» обходились без разбега: они молотили бревном о камни, раскачивая его на руках, пока не образовалось отверстие, в которое мог пройти человек.

Кто-то еще раньше положил у двери факелы. Теперь мальчишка сбегал в соседний дом и зажег их от очага. Он передал их людям с пиками. Выказав гораздо больше храбрости, чем обещали его умные глаза, алькальд достал из-за пояса короткую дубинку и первым шагнул в дом. Зрители столпились за охранниками, а поскольку Иона и я стояли в первых рядах, мы оказались у самого отверстия.

Из него шел зловонный дух, гораздо отвратительнее, чем я ожидал. Повсюду валялась разломанная мебель. По-видимому, перед приходом карателей Барнох запер комоды и шкафы, и они крушили мебель, чтобы добраться до содержимого. На кособоком столе я заметил свечу, сгоревшую до самого основания. Люди, стоявшие позади меня, старались протиснуться вперед, а я, пораженный увиденным, пятился назад.

В глубине дома послышалось движение, торопливые нетвердые шаги, кто-то вскрикнул, потом раздался нечеловеческий вопль.

— Взяли! — воскликнул мужчина, стоявший по-

зади меня, и это известие прокатилось по толпе.

Из темноты выбежал толстенький человечек с факелом в одной руке и пикой в другой.

— С дороги! Все назад! Ведут!

Не знаю, что я ожидал увидеть. Может быть, какое-нибудь омерзительное существо со свалявшейся гривой до пят. Но увидел я призрак. Барнох был большого роста; он и остался высоким, но сгорбился и совсем высох. Кожа его так побледнела, что, казалось, она светится, точно гнилое дерево. Ни на голове, ни на лице не осталось ни единого волоска. Позже я узнал, что он сам вырвал на себе все волосы. Но страшнее всего были его глаза: выпученные, явно незрячие и такие же черные, как провал рта. Когда он заговорил, я стоял к нему спиной, но понял, что это его голос.

— Меня освободят. Водалус! Водалус придет за мной!

Как бы я хотел, чтобы мне никогда не доводилось быть узником. Ибо голос его отбросил меня в те удушливые дни, что я провел в камере под Башней Сообразности. Я тоже мечтал, что меня освободит Водалус, грезил о начале восстания, которое сметет животную вонь и упадок нынешнего времени и вернет высокую, сияющую культуру былого Урса.

Но спасли меня не Водалус и его призрачная армия, а заступничество Мастера Палаэмона и, несомненно, Дротта, Роша и еще нескольких друзей, которые убедили братьев, что убивать меня слишком опасно, а судить слишком неприлично.

А Барноху спасения ждать было неоткуда. Я, которому надлежало быть его товарищем, стану пытать его раскаленным железом, вздерну на дыбу и отрублю ему голову. Я пытался убедить себя, что, возможно, он действовал только ради денег, но тут раздался звон — несомненно, это острие пики звякнуло о камень, — и мне показалось, я слышу звон монеты, которую вручил мне Водалус, а я уронил ее на каменный пол полуразрушенного мавзолея.

Иногда, когда все наше внимание сосредоточено на воспоминаниях, зрение выходит из-под контроля рассудка и само по себе выделяет из массы деталей какой-либо предмет с ясностью, недостижимой в обычном состоянии. Так было и со мной. В надвигающейся волне лиц я видел лишь одно запрокинутое, озаренное солнцем. Лицо Агии.

Глава 3
Балаган

Время остановилось, как будто мы двое и окружавшие нас люди превратились в фигуры на картине: поднятое лицо Агии, мои широко раскрытые глаза, а вокруг крестьяне в ярких одеждах с узлами и котомками. Потом я шевельнулся, и она тут же пропала из виду. Я было бросился за ней, но мне пришлось пробиваться сквозь плотную толпу зевак, и сердце мое успело ударить не меньше сотни раз, прежде чем я добрался до места, где она стояла.

Она исчезла. Только толпа бурлила, как вода под веслом, вокруг Барноха, а он вопил от боли, не в силах выдержать солнечных лучей. Я тронул за плечо одного из рудокопов и выкрикнул свой вопрос ему прямо в ухо, но оказалось, что он не обратил внимания на стоявшую рядом с ним женщину и не имел представления, куда она могла подеваться. Некоторое время я шел за теми, кто сопровождал Барноха, пока не убедился, что ее нет среди зрителей, потом, не придумав ничего лучшего, стал заглядывать во все палатки и

ларьки, расспрашивая крестьянок, торговавших ароматными хлебцами с кардамоном, и продавцов жареного мяса.

Когда я описываю происходившее, неторопливо сплетая пунцовую вязь чернил в Обители Абсолюта, складывается впечатление, что я действовал спокойно и методично. Это совсем не так. Я задыхался и обливался потом, выкрикивал вопросы и устремлялся дальше, не успев выслушать ответ. Подобно образу, что мы видим во сне, стояло перед моим мысленным взором лицо Агии: широкое, с плоскими щеками и мягким округлым подбородком, веснушчатая, бронзовая от загара кожа и раскосые, веселые и дерзкие глаза. Я не мог представить себе, почему она здесь оказалась, знал только, что она здесь, и единственного взгляда на нее было достаточно, чтобы оживить во мне боль, которую я испытал, когда услышал ее крик.

«Вы не видели тут женщину вот такого роста с каштановыми волосами?» Я повторял этот вопрос снова и снова, подобно тому дуэлянту, что без конца выкрикивал: «Кадро из Семнадцати Камней», пока эта фраза не стала столь же бессмысленной, как пение цикады.

— Да тут все девушки такие.

— Как ее зовут?

— Женщину? Конечно, я могу достать тебе женщину.

— Где вы ее потеряли?

— Не беспокойся, скоро отыщется. Ярмарка-то не так уж велика — не заблудится. А вы не назначили место встречи? Попробуй моего чаю — у тебя такой усталый вид.

Я вынул монету.

— Угощу бесплатно. У меня сегодня дела идут неплохо. Ну, если уж ты так настаиваешь… Стоит всего один аэс. Вот, держи.

Пожилая женщина пошарила рукой в кармане передника, подцепив пригоршню мелких монет и снова высыпав их в карман, потом налила почти кипящий чай в глиняную чашку и предложила мне соломинку из какого-то блестящего металла. Я отстранил ее.

— Да она чистая. Я все мою после каждого покупателя.

— Я к ним не привык.

— Тогда осторожнее — очень горячо, — продолжала она. — А ты смотрел на выставке? Там полно народу.

— Там, где скот? Смотрел.

Я пил чай, пряный и слегка горьковатый.

— Она знает, что ты ее ищешь?

— Не думаю. Даже если она меня заметила, то вряд ли узнала. Я… одет не так как всегда.

Старуха фыркнула и заправила выбившуюся седую прядь под косынку.

— На ярмарке-то? Конечно, не как всегда. На ярмарку все надевают самое лучшее, и любая девушка, если у нее есть хоть капля разума, об этом вспомнит. Может, поискать ниже по реке, где приковали преступника?

Я покачал головой.

— Похоже, она просто исчезла.

— Однако ты все еще надеешься, правда? Это заметно, потому что ты все смотришь по сторонам, а не на меня. И правильно. Думаю, ты ее найдешь, хотя, говорят, в последнее время здесь творятся удивительные вещи. Ты знаешь, что поймали зеленого человека? Прямо здесь, вон на том месте, где сейчас стоит балаган. Говорят, зеленые люди знают все на свете, если, конечно, удается заставить их говорить. А потом собор. Ты слышал о соборе?

— Собор?

— Говорят, по городским меркам это ненастоящий собор. А что ты из города, я сразу поняла — по тому, как ты пьешь. Но мы здесь, в окрест-

ностях Сальтуса, других не видывали, а этот был красивый, с висячими лампадами. А окна были затянуты цветным шелком. Я сама-то неверующая, то есть мне сдается, что если Панкреатору до меня нет дела, то и мне до него дела нет, ведь правда? И все равно то, что они сделали, это просто позор. Знаешь, они его сожгли.

— Ты говоришь о Храме Пелерин?

Старуха с глубокомысленным видом покачала головой.

— Ну вот, ты ошибаешься, так же как они. Не Храм Пелерин, а Собор Когтя. То есть они не имели никакого права поджигать его.

— Они снова раздули пожар, — пробормотал я себе поднос.

— Что ты сказал? — насторожилась старуха. — Я не расслышала.

— Я говорю, они его подожгли. Наверное, бросили факел на соломенный пол.

— Именно так. А потом стояли поодаль и смотрели, как он полыхает. А ты знаешь, что он вознесся к Вечным Полям Нового Солнца?

На другом конце прохода загремел барабан. Когда он на мгновение затих, я ответил:

— Я знаю, что есть люди, которые будто бы видели, как собор поднялся в воздух.

— В том-то и дело, что поднялся. Когда об этом услышал мой внучатый племянник, он полдня ходил как пришибленный. Потом смастерил что-то вроде шляпы из бумаги и стал держать над плитой. Она поднялась в воздух, и тогда он решил, что нет ничего особенного в том, что собор вознесся — никакого чуда. Вот что значит быть глупцом. Он никогда не поймет, что все на свете имеет причину и что собор вознесся, потому что так и должно было быть. Ему не дано видеть Руку, правящую природой.

— А сам он его видел? — спросил я. — Я имею в виду собор?

Она не поняла.

— А как же. Он там не раз бывал.

Наш разговор прервали выкрики человека с барабаном. Так обычно зазывал народ доктор Талос, только голос барабанщика был куда грубее, а ему самому, без сомнения, было далеко до изощренности безошибочного расчета доктора.

— Всё знает! Всё про всех! Зелен, как крыжовник! Убедитесь сами! (Настырный бой барабана: бум! бум! бум!)

— Как ты думаешь, может зеленый человек знать, где Агия?

Старуха улыбнулась.

— Так вот, значит, как ее зовут. Запомню — вдруг кто-нибудь о ней заговорит. Может, и знает. Деньги у тебя есть — почему не попробовать?

«Действительно, почему не попробовать?» — подумал я.

— Привезен из джунглей Севера. Никогда не ест! Ближайший родич кустов и трав! Бум! Бум! Предсказывает будущее и видит прошлое!

Увидев, что я приближаюсь к его палатке, хозяин перестал бить в барабан.

— Один аэс посмотреть. Два аэса — поговорить. Три — побыть наедине.

— Как долго наедине? — поинтересовался я, отсчитывая три аэса.

Барабанщик криво ухмыльнулся.

— Сколько пожелаешь.

Я отдал ему деньги и шагнул внутрь.

Очевидно, хозяин был уверен, что долго я там не пробуду, поэтому я ожидал вони или чего-либо подобного. Но в палатке стоял лишь легкий запах, похожий на аромат сухих лекарственных трав. В центре, в пыльном солнечном луче, пробивавшемся через дыру в полотняной крыше, сидел прикованный человек цвета бледного нефрита. На нем было нечто вроде юбочки из увядающих листьев. Рядом с ним стоял глиняный кувшин, до

краев наполненный прозрачной водой.

Мы довольно долго молчали. Я разглядывал его, а он смотрел в землю.

— Это не краска, — заговорил я. — Не похоже на краску. И волос у тебя не больше, чем у человека, которого вытащили из замурованного дома.

Он взглянул на меня, потом снова опустил взгляд. Даже белки глаз его имели зеленоватый оттенок.

Я попытался поддеть его.

— Если ты и вправду растение, у тебя должна быть трава на голове.

— Нет, — произнес он мягко. Если бы голос не был таким глубоким, можно было бы подумать, что говорит женщина.

— И все-таки ты — растение? Говорящее растение?

— Ты не сельский житель.

— Несколько дней назад я покинул Нессус.

— И немного образован.

Я вспомнил мастера Палаэмона, потом мастера Мальрубиуса и мою бедную Теклу и пожал плечами.

— Я умею читать и писать.

— И тем не менее мало что знаешь. Я не говорящее растение, как тебе следовало догадаться

сразу. Даже если бы растение встало на тот единственный из миллиона путей эволюции, который ведет к появлению разума, совершенно невероятно, чтобы растительная форма повторила внешний облик человека.

— То же самое можно сказать и о камне, но ведь существуют же статуи.

Несмотря на то, что лицо зеленого человека выражало тихое отчаяние (оно было даже более печальным, чем лицо моего друга Ионы), уголки его рта дрогнули.

— Неплохо сказано. Тебе не хватает научного подхода, но ты образован лучше, чем думаешь.

— Напротив, мы занимались именно науками, хотя в них не было ничего похожего на твои загадочные умствования. Кто ты?

— Великий провидец. И великий лжец, как каждый, кто попал в ловушку.

— Если скажешь, кто ты, я попробую помочь тебе.

Он посмотрел на меня, и мне показалось, словно на вершине высокого стебля вдруг открылись глаза и появилось человеческое лицо.

— Я тебе верю, — медленно проговорил он. — Почему же из сотен людей, которые входили в эту палатку, одному тебе ведома жалость?

— Как раз жалость мне неведома, но я воспитан в уважении к справедливости и хорошо знаком с алькальдом этой деревни. Зеленый человек остается человеком, и если он попал в рабство, то его хозяин обязан объяснить, почему и как он им завладел.

Зеленый человек продолжал:

— Должно быть, с моей стороны глупо доверять тебе, но я почему-то доверяю. Я свободный человек и прибыл из будущего изучать ваше время.

— Не может быть.

— Зеленый цвет, который повергает вас в такое изумление, всего-навсего то, что вы называете ряской. Мы видоизменяли речные водоросли, пока у них не появилась способность существовать в организме человека, и тогда, наконец, окончилась наша вечная битва с солнцем. Эти крошечные растения живут и умирают в нас. Живые и мертвые — они питают наше тело, никакой другой пищи нам не требуется. Покончено с голодом, а людям не надо больше трудиться, чтобы добыть пищу.

— Но тогда вам не обойтись без солнечного света.

— Правильно, — согласился зеленый человек. — Здесь мне его не хватает. В моей эпохе

солнце светит ярче.

Эти простые слова вызвали во мне волнение, которого я не испытывал с тех пор, как увидел снесенную крышу часовни в Разбитом Дворе нашей Цитадели.

— Выходит, пророчество о том, что взойдет Новое Солнце, сбудется? И значит, Урс ждет вторая жизнь? Если, конечно, ты не лжешь.

Зеленый человек рассмеялся, запрокинув голову. Позже мне довелось услышать хохот альзабо, рыщущих по плато высокогорья: их смех страшен, но смех зеленого человека был еще ужасней, и я отшатнулся.

— Ты не человек, — сказал я. — Может, когда-то и был им, но не теперь.

Он снова засмеялся.

— Подумать только, я на тебя надеялся. Жалкое я создание. Я уже смирился с мыслью, что погибну здесь, среди людей, которые есть не что иное, как ходячий прах, но при малейшем проблеске надежды все мое смирение исчезло. Я настоящий человек, друг мой. А вот ты — нет, и через несколько месяцев я умру.

Я подумал о его родичах. Как часто видел я замерзшие стебли цветов под зимним ветром у стен мавзолея в некрополе.

— Я понимаю. Еще немало будет теплых солнечных дней, но когда они уйдут, ты сгниешь вместе с ними. Разбросай свои семена, пока не поздно.

Он вздохнул:

— Не веришь, что я такой же человек, как и ты, не можешь меня понять и все-таки жалеешь. Может быть, ты прав, к нам действительно пришло другое солнце, но мы об этом забыли. Если мне удастся вернуться в свое время, я расскажу о тебе.

— Если ты и вправду из будущего, почему ты не можешь вернуться туда и спастись?

— Потому что я прикован.

Он вытянул ногу, и я увидел браслет, который стягивал ее под коленом. Его бледно-зеленая плоть набухла вокруг браслета, подобно тому как древесина обрастает вокруг железного кольца.

Полог палатки поднялся, внутрь заглянул хозяин.

— Ты все еще здесь? Там другие ждут.

Он бросил многозначительный взгляд на зеленого человека и исчез.

— Он хочет сказать, что мне пора тебя выпроваживать, а то он закроет дыру в крыше. Все, кто платит за то, чтобы посмотреть на меня, сразу уходят, как только я предсказываю их будущее, и

я открою тебе твое. Сейчас ты молод и силен. Но прежде чем этот мир десять раз обернется вокруг солнца, ты потеряешь силу, и она к тебе больше не вернется. Если ты вырастишь сыновей, то знай, что взрастил врагов. Если…

— Довольно, — перебил я. — Все, о чем ты говоришь, это судьба каждого человека. Ответь честно на один вопрос, и я уйду. Я ищу женщину по имени Агия. Где я найду ее?

На мгновение его глаза закатились под лоб, так что видна была лишь узкая полоска зелени под ресницами. Тело мелко задрожало. Он встал и вытянул руки с растопыренными пальцами, похожими на тонкие ветки. Потом раздельно произнес:

— На земле.

Дрожь прекратилась, он снова сел. Казалось, он разом постарел и побледнел.

— Ты просто мошенник, — бросил я, поворачиваясь лицом к выходу. — А я глупец, что тебе хоть сколько-нибудь верил.

— Нет, — прошептал зеленый человек. — Послушай. По дороге сюда я прошел через все ваше будущее. И кое-что осталось со мной, хотя и многое туманно. Я сказал тебе правду, и если ты действительно в ладах с алькальдом, можешь

ему передать: вооруженные люди ищут человека по имени Барнох, чтобы освободить его.

Я вынул из сумки точильный камень, переломил его о верхушку кола, державшего цепь, и протянул половину зеленому человеку. С минуту он не мог понять, что это значит. Потом я увидел, что его охватывает великая радость, словно он уже купался в свете своего дня. Свете, который был ярче нашего.

Глава 4
Букет

Выйдя из балагана, я взглянул на небо. Горизонт на западе уже поднялся почти до половины небесного купола: скоро мой черед. Агия пропала, как пропали все мои надежды отыскать ее, пока я метался из одного конца ярмарки в другой. Однако меня несколько утешало пророчество зеленого человека, которое я истолковал как обещание на встречу с ней раньше, чем она или я умрем. Мелькнула и мысль, что раз она пришла посмотреть, как Барноха выволакивают на свет, то придет посмотреть и на казнь Морвенны и конокрада.

Эти мысли волновали меня по дороге в гостиницу. Но не успел я дойти до комнаты, которую занимали мы с Ионой, как их вытеснили воспоминания о Текле и о том, как я достиг звания подмастерья. И те и другие были вызваны простой необходимостью сменить новую одежду на черное платье, которое носят члены нашей гильдии. Так сильна во мне сила ассоциаций, что они возникли еще до того, как я увидел плащ и меч:

плащ висел на вешалке в комнате, а «Терминус Эст» был спрятан под матрацем.

Еще когда я прислуживал Текле, меня удивляло, как легко я предугадываю, о чем она поведет разговор. Это зависело просто-напросто от того, с чем я приходил к ней в камеру. Если, например, это была какая-нибудь любимая ее еда, украденная с кухни, я уже ждал, что последует описание пиршества в Обители Абсолюта. Вид пищи точно определял тему ее рассказа. Мясо — обед после охоты, писк и крики пойманной живьем дичи в подвалах, ищейки, охотничьи соколы и леопарды. Сладости — угощение, которое устраивала одна из великих шателен для нескольких избранных друзей, изысканно интимный ужин, полный очаровательных сплетен. Фрукты — вечер под открытым небом, сумерки в огромном парке Обители Абсолюта, освещенном тысячами светильников, жонглеры, лицедеи, танцовщицы, огни фейерверка.

Часто она ела стоя — не реже, чем сидя, — и расхаживала из одного угла камеры в другой, что составляло ровно три ее шага, держа тарелку в левой руке и жестикулируя правой.

— Представь себе, Северьян: они все взлетают и трещат в небе, рассыпаются зелеными и пунцо-

выми искрами, а бураки бухают, как гром!

Бедняжка, она не могла поднять руку выше головы, чтобы показать, как взлетают ракеты, потому что голова ее почти доставала до потолка.

— Но я вижу, тебе со мной скучно. Еще минуту назад, когда ты принес эти персики, у тебя был такой счастливый вид, а сейчас ты даже не улыбаешься. Мне просто становится лучше, когда я вспоминаю все это. Как будет прекрасно снова побывать на таком празднике!

Мне не было скучно. Мне просто было больно видеть ее, молодую женщину, наделенную поразительной красотой, в этой темнице…

Иона доставал «Терминус Эст», когда я вошел в комнату. Я налил себе стакан вина.

— Ну, как ты? — спросил он.

— А ты? Ведь для тебя это в первый раз.

Он пожал плечами.

— Я всего лишь подручный. Тебе уже приходилось делать это раньше? Я спрашиваю потому, что ты так молод.

— Да, приходилось. Правда, с женщиной ни разу.

— Как ты думаешь, она невиновна?

Я снял рубашку. Вынув руки из рукавов, я обтер полой лицо и покачал головой.

— Уверен, что невиновна. Я говорил с ней прошлой ночью — они приковали ее у самой воды, где больше всего комаров. Я же тебе рассказывал.

Иона потянулся за вином, его железная рука звякнула о стакан.

— Ты говорил, что она красива и что у нее черные волосы, как у…

— Как у Теклы. Но у Морвенны прямые, а у Теклы вились.

— Как у Теклы, которую ты, кажется, любил, как я полюбил твою подругу Иоленту. Надо признаться, у тебя было гораздо больше времени, чтобы влюбиться, чем у меня. Ты говоришь, Морвенна сказала, что ее муж и ребенок умерли от неизвестной болезни — может быть, от дурной воды. Муж был намного старше ее.

Я сказал:

— Думаю, примерно твоего возраста.

— И там была женщина, старше ее, которая хотела его заполучить, и теперь она терзает пленницу.

— Только словами.

В гильдии лишь ученикам позволено носить рубахи. Я натянул штаны и опустил плащ (цвета сажи — чернее, чем сама темнота) на обнажен-

ные плечи.

— Обычно в подобных случаях преступников побивают камнями, прежде чем передать властям. И когда они попадают к нам в руки, они уже изувечены: зубы выбиты, иногда даже кости переломаны. Женщин обычно насилуют.

— Ты говоришь, она красива. Может, люди считают ее невиновной. Может, ее пожалеют.

Я поднял «Терминус Эст», вынул из ножен и отбросил тонкий футляр в сторону.

— И у невиновных есть враги. Они боятся ее.

Мы вместе вышли из комнаты.

Когда я входил в гостиницу, мне пришлось проталкиваться сквозь толпу выпивох. Теперь они расступались, освобождая нам дорогу. На мне была маска, а на плече я нес обнаженный «Терминус Эст». Лишь только мы показались на улице, ярмарочный шум стал затихать, пока не стихло все, кроме приглушенного шепота, словно мы пробирались через лес.

Казнь должна была состояться в самом центре ярмарки, где уже собралась толпа. Причетник в красном стоял у помоста, сжимая в руке требник. Это был старик, как большинство людей его звания. Подле него ждали оба преступника, окруженные теми же вооруженными людьми, что

вели Барноха. На алькальде была желтая мантия для торжественных случаев и золотая цепь.

По древнему обычаю, палач не должен касаться ступеней (хоть я и видел, как Мастер Гурло с трудом, опираясь на меч, взбирается на помост во дворе перед Колокольной Башней). Вряд ли здесь кто-нибудь, кроме меня, знал об этой традиции, но я не стал ее нарушать. Толпа издала рев, подобный звериному, когда я прыжком взлетел на помост, а за моей спиной, как крылья, взметнулись полы плаща.

— Создатель, — вещал причетник, — мы знаем: те, кто сейчас умрет, не более греховны в глазах твоих, чем все мы. Их руки обагрены кровью. Наши тоже.

Я внимательно осмотрел плаху. Обычно все подобные приспособления, не принадлежащие самой гильдии, бывают из рук вон плохи. «Широкая, как табурет, твердая, как лоб дурака, и вогнутая, как тарелка». Моя вполне отвечала двум первым определениям из нашей старинной присказки, но, по милости Святой Катарины, была хотя бы слегка выпуклой. Хотя глупая твердая древесина наверняка должна была затупить мужскую сторону клинка, мне повезло в том, что предстояло иметь дело с двумя клиентами

разного пола, и я мог использовать оба лезвия.

— …воля твоя очистит в сей час дух их, дабы удостоиться им благодати. Мы узрим их там, хоть ныне здесь терзаем их плоть…

Я стоял, широко расставив ноги, опершись на меч, как будто распоряжаюсь всей церемонией, хотя на самом деле не знал даже, который из преступников вытащил короткую ленточку.

— Ты, о герой, что сокрушит черного червя, пожирающего солнце, ты, для кого небеса расступаются, подобно завесе, ты, обретающийся в морской пучине, где плещутся великие Эребус, Абайя и Сцилла, ты, живущий и в самом крохотном семечке дальнего леса, во тьме, где не зрит человеческое око…

Женщина — Морвенна — поднималась по ступеням. Перед ней шел алькальд, а сзади человек с железной пикой, которой он подгонял ее. В толпе кто-то выкрикнул непристойную фразу.

— Возымей жалость к тем, кто не ведал жалости. Возымей жалость к нам, которые не изведают жалости ныне.

Причетник закончил, и вступил алькальд:

— Самое омерзительное и противоестественное…

Голос его срывался на крик. То было совсем не

похоже ни на его обыденную речь, ни на риторический тон, которым он вещал у дома Барноха. Некоторое время я рассеянно слушал (выискивая в толпе Агию), и только потом до меня дошло, чего он боится. Ему ведь придется стоять совсем рядом с осужденными. Я улыбнулся под маской.

— ... уважения к твоему полу. Но тебе выжгут клеймо на правой и левой щеке, отрубят ноги и отделят голову от тела.

(Я надеялся, что у них хватит ума не забыть о требующейся мне жаровне с углями.)

— Силой высочайшей справедливости, облекающей мою недостойную руку по милости Автарха, чьи мысли звучат в сердцах подданных подобно музыке, я объявляю... я объявляю...

Дальше он забыл. Я шепнул:

— Я объявляю, что твой час пришел.

— Я объявляю, что твой час пришел, Морвенна.

— Если ты желаешь вознести мольбы Миротворцу, выскажи их в сердце своем.

— Если ты желаешь вознести мольбы Миротворцу, выскажи их.

— Если ты желаешь говорить с детьми человеческими, говори, ибо это будут твои последние слова.

Алькальд овладел собой и произнес всю фразу целиком:

— Если ты желаешь говорить с детьми человеческими, говори, ибо это будут твои последние слова.

Негромко, но отчетливо Морвенна произнесла:

— Я знаю, что большинство из вас считает меня виновной. Я невиновна. Я не совершала и никогда не совершила бы тех ужасных дел, в которых меня обвиняют.

Толпа придвинулась ближе.

— Здесь немало свидетелей тому, что я любила Стахиса. И любила ребенка, которого он подарил мне.

Мой взгляд привлекло цветное пятно — темно-пурпурное, казавшееся почти черным при свете яркого весеннего солнца. Это был огромный траурный букет роз, какой обычно несут наемные участники похоронной процессии. Женщина, державшая его, была Эвсебией, той самой, что мучила Морвенну у реки. Я видел, как она исступленно вдыхала аромат роз. Унизанные острыми шипами стебли помогли ей проложить дорогу в толпе, и она оказалась у самого основания помоста.

— Это тебе, Морвенна. Умри, прежде чем они

увянут.

Я постучал по доскам кончиком меча, призывая народ к тишине.

Морвенна продолжала:

— Добрый человек, который читал для меня молитвы и который говорил со мной, прежде чем меня привели сюда, умолял меня простить тебя, Эвсебия, если я раньше тебя обрету блаженство. До сих пор не в моей власти было исполнять просьбы, но на его мольбу я откликнусь. Я уже простила тебя.

Эвсебия собиралась что-то сказать, но я взглядом заставил ее замолчать. Ухмыляющийся беззубым ртом мужчина, стоявший рядом с ней, помахал мне рукой, и я, вздрогнув, узнал в нем Гефора.

Иона поставил на помост пылающую жаровню. Из нее торчала, по-видимому, рукоятка клейма с каким-нибудь приличествующим случаю знаком, но стула нигде не было. Я бросил на алькальда многозначительный взгляд. С таким же успехом можно было взглянуть на столб. Наконец я сказал:

— Ваша честь, у нас есть стул?

— Я послал за ним. И за веревкой.

— Когда? (Люди уже начали переминаться с

ноги на ногу и переговариваться.)

— Только что.

Накануне вечером он уверял меня, что все будет готово вовремя, но напоминать ему об этом сейчас не имело смысла. С тех пор я не раз убеждался, что никто так не теряется на помосте, как среднего ранга чиновник. Он разрывается между страстным желанием находиться в центре внимания (что явно невозможно во время исполнения казни) и вполне обоснованным опасением, что ему не хватает опыта и воспитания, дабы вести себя надлежащим образом. Самый трусливый клиент, карабкающийся на помост в полной уверенности, что ему сейчас выколют глаза, в девяти случаев из десяти ведет себя достойнее. Даже на монаха, не привыкшего слышать людские голоса и застенчивого до слез, и то можно положиться с большим основанием.

Кто-то выкрикнул:

— Ну давайте начинайте!

Я посмотрел на Морвенну. С осунувшимся от голода лицом, чистым румянцем, со своей печальной улыбкой и огромными темными глазами — она была как раз тем типом осужденного, который может пробудить нежелательное сочувствие в зрителях.

— Можно посадить ее на плаху, — сказал я алькальду и, не удержавшись, добавил: — Тем более что эта плаха ни для чего больше не пригодна.

— Связать нечем.

Я уже и так позволил себе слишком много лишних замечаний и потому подавил желание высказать свое мнение о тех, кто нуждается в том, чтобы осужденных привязывали.

Вместо этого я положил «Терминус Эст» плашмя на помост за плахой, посадил Морвенну, воздел руки в древнем жесте приветствия и, сжав ее запястья левой рукой, приложил клеймо к обеим щекам, потом поднял над головой все еще раскаленное почти добела железо. От вопля Морвенны толпа на мгновение застыла — теперь народ разом взревел.

Алькальд приободрился, словно стал другим человеком.

— Пусть они увидят ее, — сказал он.

Я надеялся избежать этого, но мне пришлось помочь Морвенне встать. Рука об руку, как в деревенском танце, мы медленно совершили круг по помосту. Гефор был вне себя от восторга, и, хотя я старался не внимать ему, все равно слышал, как он хвастается своим знакомством со мной всем, стоящим вокруг.

Я взглянул на алькальда, и после паузы, вызванной его явным желанием найти повод для отсрочки, он дал сигнал продолжать.

Морвенна прошептала:

— Скоро конец?

— Все уже почти позади.

Я снова усадил ее на плаху и взялся за меч.

— Закрой глаза. Старайся думать о том, что все, кто жил, умерли. Даже Миротворец, который восстанет, как Новое Солнце.

Ее бледные веки с длинными ресницами опустились, и она не видела поднятого меча. Взмах стального клинка снова заставил всех умолкнуть, и, когда наступила полная тишина, я бросил острие меча на ее ноги выше колен. Сочный звук от соприкосновения стали с рассекаемой плотью слился с треском сломанных костей, таким же явственным, как молниеносные удары кулачного бойца, добивающего соперника. Еще мгновение Морвенна сидела на плахе, потеряв сознание, но не падая, и в тот же миг я сделал шаг назад и срезал ее шею мягким горизонтальным взмахом, требующим гораздо больше сноровки, чем обычный удар сверху вниз.

Честно говоря, только увидев фонтан крови и услышав, как ее голова упала на помост, я понял,

что мне это удалось. До этого, сам не осознавая, я волновался почище алькальда.

Настала минута, когда — также в соответствии с древней традицией — членам гильдии позволяется забыть об обычной, неприступной манере держаться. Мне хотелось смеяться и прыгать. Алькальд тряс меня за плечо и что-то лепетал. Я не слышал, что он говорил — какой-то радостный вздор. Я поднял меч и голову, взяв ее за волосы, и торжественно обошел помост. На сей раз не один круг, а снова и снова, три, четыре раза. Порыв ветра окрасил мою маску, руку и обнаженную грудь алыми брызгами. В толпе выкрикивали неизбежные шуточки: «А моей жене (мужу) волосы не укоротите?» «Плачу полмеры колбасы!» «Можно мне взять ее шляпку?» Я рассмеялся им в ответ и уже собирался швырнуть им голову, когда кто-то схватил меня за колено. Это была Эвсебия, и прежде чем она успела произнести хоть слово, я уже знал, что она охвачена неудержимым стремлением выговориться, которое я часто наблюдал у клиентов в нашей башне. Ее глаза горели от возбуждения, а лицо исказилось от стараний привлечь мое внимание, поэтому она казалась одновременно и моложе и старше, чем раньше. Я не слышал, что она кричит, и наклонился к ней.

— Невиновна! Она была невиновна!

Сейчас было не время объяснять, что не я судил Морвенну. Я только кивнул.

— Она отняла у меня Стахиса. И теперь она мертва. Понимаешь? Она ни в чем не виновата, но я так рада!

Я снова кивнул и сделал еще один круг по помосту, высоко подняв голову.

— Это я убила ее! — прокричала Эвсебия. — Я, а не ты!

Я крикнул ей в ответ:

— Считай как хочешь!

— Невиновна! Я ее хорошо знала. Она всегда была такой хитрой. Я боялась, что она припасет яду и умрет раньше.

Гефор схватил ее за руку, показывая на меня:

— Это мой хозяин! Мой!

— Их убил кто-то другой! Или болезнь…

Я воскликнул:

— Истинное правосудие в руках Творца!

Толпа все еще бурлила, хотя и начала понемногу успокаиваться.

— Но она украла моего Стахиса, и теперь её нет! — И громче, чем прежде: — Какое счастье! Её нет! — С этими словами Эвсебия погрузила лицо в цветы, словно желая, чтобы её легкие

разорвались, заполненные до отказа пьянящим ароматом.

Я бросил голову в корзину и вытер лезвие меча куском алой фланели, которую мне подал Иона. Когда я снова взглянул на Эвсебию, она лежала бездыханной в кругу зевак.

Тогда я не особенно задумывался над происшедшим, решив, что ее сердце не выдержало радостного потрясения. Но тем же вечером алькальд велел аптекарю осмотреть ее букет, и тот обнаружил в цветах сильный неведомый яд без запаха. Вероятно, он был у Морвенны в руке, и она бросила его в букет, когда после клеймения я проводил ее по помосту.

Позвольте мне прервать повествование и обратиться к вам как разумное существо к себе подобным, хоть мы и разделены, быть может, множеством эонов. События, что уже описаны мною — от запертых ворот до ярмарки в Сальтусе, — охватывают почти всю мою взрослую жизнь, а то, что осталось, занимает по времени едва ли больше нескольких месяцев. И все же я не добрался еще и до половины рассказа. И дабы мой труд не переполнил впоследствии хранилища, подобного библиотеке старого Ультана, я буду опускать некоторые подробности. Я останавли-

вался на казни Агилюса — брата Агии, — потому что Агия играет немаловажную роль в моем повествовании, а на казни Морвенны, поскольку ей сопутствовали необычные обстоятельства. Но я не стану описывать другие подобные события, если только они не имели особого интереса. Ежели вы находите удовольствие в описании чужой боли и смерти, вас ждет разочарование. Достаточно будет сказать, что я совершил предписанные законом процедуры над конокрадом и казнил его. В дальнейшем, когда я буду говорить о своем путешествии, вам следует помнить, что я совершал таинства нашей гильдии, когда того требовали соображения выгоды, хотя отдельных случаев я упоминать не стану.

Глава 5
Ручей

Тем вечером мы с Ионой ужинали в своей комнате одни. Я познал сладость популярности, хотя, надо замерить, через некоторое время становится довольно утомительным отвечать на одни и те же простодушные вопросы и вежливо отклонять приглашения выпить. У нас с алькальдом возникло некоторое недоразумение по поводу вознаграждения за мои труды. Я-то считал, что помимо четверти всей суммы, которую мне выплатили вперед при найме, я должен получать плату за каждого клиента после его смерти, но алькальд рассчитывал расплатиться со мной лишь после того, как будет покончено со всеми тремя. Я никак не хотел принимать это условие, тем более — после предупреждения зеленого человека (которое я из верности Водалусу и не подумал передать алькальду). Но после того, как я пригрозил, что на следующий день им придется обходиться без меня, все благополучно утряслось, и мне заплатили.

И вот теперь мы с Ионой сидели за бутылкой

вина. На столе стояло большое блюдо с дымящейся едой, дверь была заперта на засов, а хозяину было велено отвечать, что меня нет. И было бы совсем славно, если бы вино в чаше не напоминало бы мне то, другое, гораздо лучше, которое Иона обнаружил в нашем кувшине для умывания накануне. А случилось это сразу же после того, как я проверил, на месте ли Коготь, и на миг достал его.

Наверное, Иона наблюдал за мной и видел, что я не могу оторвать взгляда от бледно-красной жидкости в его чаше, потому что он сказал:

— Ты должен помнить, что не отвечаешь за приговор. Если бы тебя здесь не оказалось, их все равно убили бы, а в менее искусных руках они страдали бы больше.

Я спросил, почему он заговорил об этом.

— Я вижу, что ты расстроен… тем, что творилось сегодня.

— Почему расстроен? Мне казалось, все прошло неплохо, — удивился я.

— Знаешь, что сказал осьминог, когда вылез из постели русалки? «Не могу упрекнуть тебя в недостатке мастерства — совсем наоборот. Только почему бы тебе не быть малость повеселее?»

— Нас всегда потом охватывает тоска. Так го-

ворил мастер Палаэмон, и в отношении меня это вполне справедливо. Он считал это обычным явлением, просто чем-то вроде похмелья, и тогда его слова казались мне чудовищными, но теперь я не уверен, что он был не прав. Ты всё видел или был слишком занят?

— Я почти всё время стоял позади тебя, на ступеньках.

— Значит, тебе было хорошо видно. После того как мы решили не ждать, пока принесут стул, всё шло очень гладко. Я показал свое искусство в полной мере, все мною восхищались. А потом наступает расплата. Мастер Палаэмон говаривал, что бывает «похмелье от публики» и «похмелье от ответственности». Некоторые из нас подвержены обоим видам, другие — одному из двух, а бывает, что и никакому. Вот у меня похмелье от толпы точно есть. Не думаю, что в Траксе мне представится случай удостовериться насчет второго.

— А что это такое? — Иона опустил глаза на вино в чаше.

— Палач, скажем, мастер в Цитадели, иногда имеет дело с экзультантами очень высокого ранга. Предположим, имеется какой-либо особо чувствительный заключенный, который, возможно, располагает важными сведениями. Как

правило, на допрос такого заключенного отряжают высокопоставленного чиновника. Очень часто он не имеет представления о наиболее тонких процедурах, поэтому начинает задавать вопросы мастеру и делиться с ним своими опасениями по поводу здоровья или характера подопечного. В таких обстоятельствах палач чувствует, что играет видную роль в особо важных событиях…

— А потом, когда все кончается, ощущает душевный упадок. Да, кажется, я понимаю.

— Тебе приходилось когда-нибудь видеть неудачную казнь?

— Нет. Ты будешь есть это мясо?

— Мне тоже не приходилось, но я слышал рассказы других, и это ужасно. Например, когда клиент от удара летит в толпу. Или же когда приходится несколько раз рубить голову. Или когда палач теряет уверенность в себе и не может продолжать. Вспрыгивая на тот помост, разве я мог знать наверняка, что со мной не произойдет ничего подобного? А если бы такое случилось, я был бы конченым человеком.

— И все-таки это жуткий способ добывать пропитание, как сказала лягушка аисту.

— На самом деле я не… — Я замолчал, потому что уловил какое-то движение у стены. Сначала я

подумал, что это крыса, а я их не выношу. Слишком уж часто я видел искусанных ими узников в подземелье.

— Что там?

— Что-то белое. — Я обошел стол, чтобы разглядеть получше. — Листок бумаги. Подсунули под дверь.

— Очередная женщина, которая жаждет спать с тобой, — предположил Иона.

Но я уже разворачивал записку. Она была начерчена бледной тушью на куске пергамента. Несомненно — женским почерком. Я придвинулся к свече и стал читать:

> Дорогой мой Северьян!
>
> От одного из добрых людей, которые помогают мне, я узнала, что ты находишься в деревне Сальтус, недалеко отсюда. Это слишком хорошо, чтобы быть правдой, но я так хочу узнать, можешь ли ты простить меня.
>
> Клянусь, не в моей воле было облегчить страдания, что ты вынес из-за меня. Сначала я жаждала все тебе рассказать, но они и слышать об этом не хотели. Они считают, что никто не должен об этом

знать, кроме тех, кто имеет на это право (то есть никто, кроме них самих). Наконец, они прямо объявили, что, если я не стану повиноваться им во всем, они откажутся от этого плана и оставят меня умирать. Я знала, что ты готов умереть за меня, и потому смеяла надеяться, что при случае ты предпочел бы свои страдания моей смерти. Прости меня.

Но теперь я уже не в темнице и почти свободна. Я могу распоряжаться собой до тех пор, пока повинуюсь простым и гуманным приказам доброго Отца Инира. И сейчас я расскажу тебе все в надежде, что ты простишь меня.

Ты помнишь, как меня арестовали. Вспомнишь, наверное, и о том, как заботился твой мастер Гурло о моих удобствах, как часто приходил он ко мне в камеру и говорил со мной или приглашал к себе, где меня допрашивали другие. Все потому, что мой покровитель. Отец Инир, просил его быть особенно внимательным ко мне.

Наконец, когда стало ясно, что Автарх не собирается выпускать меня на свобо-

ду, Отец Инир сам решил способствовать моему вызволению. Я не знаю, чем он пригрозил мастеру Гурло или как подкупил его. Но этого оказалось достаточно, и за несколько дней до моей смерти – ты думал, что это смерть, дорогой Северьян, – он поведал мне о своем плане. Разумеется, мало было просто освободить меня. Все следовало организовать таким образом, чтобы меня не преследовали. Итак, нужно было разыграть мою смерть; и в то же время Отец Инир получил строгий наказ ни в коем случае не допустить моей кончины.

Теперь ты, наверное, сам можешь догадаться, как нам удалось распутать этот узел. Было решено, что мастер Гурло даст мне какое-то снадобье, чтобы казалось, будто я близка к смерти, но настолько безвредное, чтобы не представлять для меня реальной угрозы. Потом ты бы увидел меня в агонии, а я попросила бы у тебя нож, дабы самой прервать свои мучения. Все вышло, как было задумано. Ты оставил мне нож, и я сделала неглубокий надрез на руке, сидя на корточках под

дверью, чтобы кровь вытекла наружу; потом сделала такой же надрез на горле и легла ничком на кровать, чтобы ты увидел меня, если заглянешь в камеру.

Ты приходил? Я лежала неподвижно, как мертвая. Глаза мои были закрыты, но, казалось, физически чувствовала твою боль. Я с трудом сдерживала рыдания и до сих пор помню, как боялась, что ты увидишь слезы, струившиеся по моим щекам. Наконец, я услышала твои удаляющиеся шаги, встала, перевязала руку и умылась. Вскоре пришел мастер Гурло и забрал меня. Еще раз прости.

Теперь я хотела бы с тобой увидеться, и если Отцу Иниру, как он торжественно обещал, удастся добиться моего помилования, мы могли бы никогда больше не разлучаться. Но приезжай немедленно – я жду гонца, и если он прибудет, мне придется сразу же отправиться в Обитель Абсолюта, чтобы упасть в ноги Автарху, чье имя подобно трижды благословенному бальзаму, окропляющему недостойные души его рабов.

Обо всем этом никто не должен знать.

Поезжай на северо-восток от Сальтуса, пока не наткнешься на ручей, впадающий в Гьолл. Двигайся вверх по течению, и ты увидишь, что ручей вытекает из каменоломни.

Здесь я должна поделиться с тобой величайшим секретом, и эту тайну ни в коем случае никому нельзя открывать. Каменоломня эта – сокровищница Автарха, где спрятано несметное множество монет, золота, серебра и драгоценных камней на случай, если его когда-нибудь лишат Трона Феникса. Сокровищницу охраняют люди Отца Инира, но тебе не надо их бояться. Им приказано подчиняться мне, и я велела им пропустить тебя. Когда войдешь в каменоломню, снова иди вверх по ручью, пока не увидишь место, где он изливается из каменной стены. Здесь я буду ждать тебя, и здесь я пишу это письмо в надежде, что ты простишь меня.

Текла.

Невозможно описать, какая неистовая радость охватила меня. Я снова и снова перечитывал

послание. Иона, глядя на мое лицо, сначала вскочил со стула, решив, что я вот-вот лишусь чувств, потом отшатнулся от меня как от помешанного. Когда наконец я сложил письмо и спрятал его в ташку, он не стал задавать вопросов — ибо Иона был истинным другом, — но весь его вид выражал готовность прийти на помощь.

— Мне нужен твой скакун, — сказал я. — Можно его взять?

— Конечно, но…

Я уже отпирал дверь.

— Я не могу взять тебя с собой. Если все будет в порядке, позабочусь, чтобы его тебе вернули.

Пока я бежал по лестнице и по двору, письмо звучало у меня в голове, как будто я слышал голос самой Теклы, и на подходе к конюшне я и вправду был уже в состоянии помешательства. Я искал мерихипа Ионы и вдруг вместо него увидел перед собой громадного боевого коня, выше человеческого роста в холке. Трудно представить, откуда он мог взяться в этой мирной деревне, да я и не задумывался об этом. Без колебаний я вскочил ему на спину, выхватил «Терминус Эст» и одним взмахом перерубил повод, державший коня на месте.

В жизни не встречал лучшего скакуна. Одним

прыжком он вылетел из конюшни и понесся по улице. Я с замиранием сердца ждал, что он вот-вот споткнется об одну из натянутых повсюду веревок, но конь ступал с уверенностью профессионального танцора. Улица вела на восток, к реке. Когда дома кончились, я повернул налево. Он перемахнул стену играючи, как сорванец — через жердочку, и вот мы уже на всем скаку пересекали пастбище, где в изумрудном лунном сиянии удивленно поднимали рога быки.

Я и ныне не бог весть какой наездник, а тогда был еще хуже. Думаю, что, хотя и сидел в высоком седле, я уже через пол-лиги вывалился бы из него, попадись мне животное похуже, но мой украденный конь, несмотря на поразительную резвость, двигался плавно, как тень. Наверное, мы и были похожи на тень — вороной конь и я — в своем черном плаще. Он не замедлял бега до тех пор, пока мы, подняв тучу брызг, не пересекли ручей, о котором говорилось в письме. Здесь я заставил его остановиться — поводом, а больше — словами, которые он понимал не хуже человека. Ни на том, ни на другом берегу не было тропы, и нам так и не удалось отыскать ее — дальше деревья подступали к самой воде. Тогда я направил коня прямо в русло ручья (хотя животное слегка

заупрямилось), и мы стали продвигаться вверх, карабкаясь на пенные перекаты, как человек взбирается по ступеням, и переплывая глубокие омуты.

Так мы шли вверх по ручью более одной стражи. Нас обступал лес, совсем как тот, через который ехали мы с Ионой, после того как расстались с Доркас, доктором Талосом и остальными у Врат Скорби. Постепенно берега становились все выше и каменистей, а низкорослые деревья на них начали пригибаться к земле. Из воды торчали камни. По прямым углам я понял, что их касалась рука человека, а мы находимся вблизи шахт и каменоломен, и под нами — развалины какого-то великого древнего города. Ручей стал глубже. Несмотря на всю свою сноровку, мой конь иногда оступался на скользких камнях, поэтому мне пришлось спешиться и вести его в поводу. По обе стороны открывались узкие дремлющие ущелья. Каждое из них казалось совсем черным меж отвесных склонов, но оживлялось то тут, то там зеленоватыми пятнами лунного света, и в каждом негромко пела водяная струя — но то был единственный звук, и ничто больше не нарушало окутывавшую их тишину.

Наконец мы вступили в самое узкое и глубокое

из ущелий, и в конце его, в чейне или около того от места, где лунный свет скользил по крутой стене, я увидел темный проём. Здесь ручей брал свое начало, словно слюна, изливающаяся из отверстого рта обращенного в камень титана. Я нашел на берегу клочок суши, где мог уместиться мой конь, и привязал его повод к карликовому дереву.

Когда-то, без сомнения, ко входу в каменоломню поднимались по деревянной лестнице, но она уже давно сгнила и обрушилась. Хоть древняя стена казалась неприступной, я все же сумел отыскать на ней несколько точек опоры и медленно пополз наверх.

Я уже дотянулся руками до края провала, когда услышал (или же мне показалось, что услышал) какой-то звук внизу. Я замер и оглянулся. Грохот водопада мог перекрыть любой шум, кроме разве что сигнала военной трубы или взрыва. В нем потонул и этот звук, но все же что-то проникло в мое сознание — может, удар камня о камень или всплеск, раздавшийся при падении в воду какого-то предмета.

Долина казалась мирной и сонной. Потом я увидел, как мой конь тронулся с места — на мгновение в лунном свете появилась его гордая голова

и настороженные уши, — поэтому я решил, что это он бьет подкованным копытом о землю, недовольный слишком короткой привязью. Я подтянулся и перевалился в каменный лаз, и это, как я понял впоследствии, спасло мне жизнь.

Любой человек, сохраняющий хоть каплю разума и знающий, куда ему предстоит попасть, запасся бы лампой и свечами. Но я был настолько потрясен известием о воскрешении Теклы из мертвых, что мне это и в голову не пришло. Я двинулся вперед, в темноту. Через дюжину шагов лунный свет, проникавший из долины, совсем померк. Я брел по воде — как раньше, когда вел коня вверх по ручью. «Терминус Эст» висел у меня на левом плече, но я не опасался намочить его — свод был так низок, что мне приходилось идти, согнувшись вдвое. Так я продвигался довольно долго, не переставая тревожиться, что выбрал не ту дорогу, и Текла будет тщетно ждать меня где-нибудь в другом месте.

Глава 6
Синий свет

Я настолько привык к звуку струящейся воды, что, спроси меня кто-нибудь в тот момент, я предположил бы, будто иду в полной тишине, но когда узкий туннель внезапно открылся в просторную пещеру, я сразу догадался об этом по изменившемуся тону журчания воды, хотя меня по-прежнему окружала все та же непроглядная тьма. Я сделал шаг вперед, потом другой и смог распрямиться — теперь над головой не нависал каменный свод. Я поднял руки — ничего; взял «Терминус Эст» за ониксовую рукоять, не вынимая его из ножен, и пошарил вокруг клинком — ничего.

Тогда я совершил то, что вы, читающие эти строки, сочтете невообразимой глупостью. В свое оправдание должен напомнить: в письме было сказано, что стража предупреждена о моем появлении и не причинит мне вреда. Я стал выкрикивать имя Теклы.

И эхо откликнулось:

— Текла… Текла… Текла…

Потом снова тишина.

Я вспомнил, что мне следовало найти место, где вода вытекает из стены, а я его до сих пор не обнаружил. Может быть, этот ручей так же долго вьется здесь, по подземным галереям, как снаружи — по долинам. Я снова двинулся вперед, но, опасаясь падения, ощупывал при каждом шаге землю ногой.

Я прошел не более десяти шагов, когда услышал отдаленный, но явственный шум, который не заглушала плавно текущая вода. Еще шагов через десять я увидел свет.

Этот свет не был изумрудным сиянием сказочных лунных лесов, как не был и красноватым пламенем факелов или золотистым отблеском свечей, которыми могли бы освещать путь стражники, он не походил даже на пронзительно-белый луч, тот, что я иной раз видывал в ночи, когда флайеры Автарха кружили над Цитаделью. Скорее он представлял собой нечто вроде светящегося тумана, то бесцветного, то зеленовато-желтого. Невозможно было оценить, далеко ли он или близко. Казалось, он вообще не имеет источника. Мгновение он колебался перед моими глазами, и я рванулся к нему по воде. Потом появилось еще одно мерцающее пятно.

Мне нелегко сконцентрироваться на том, что произошло в несколько следующих минут. Вероятно, у каждого из нас в подсознании таится что-либо ужасное — так в нашем подземелье, на самом нижнем его уровне, обитали узники, чей разум давно подвергся разрушению или трансформировался в сознание, не имеющее ничего общего с человеческим. И точно так же, как эти узники, наши воспоминания о пережитом ужасе вопят и молотят о стену своими цепями, но их почти никогда не извлекают из бездны на божий свет.

То, что я пережил под землей, всегда неотступно следует за мной. Иногда мне удается надежно запереть подспудные глубины памяти, но время от времени они вторгаются в сознание. (Не так давно, когда ночью «Самру» проходил вблизи устья Гьолла, я смотрел за борт. Я видел, что каждый раз, когда весло погружается в воду, появляется пятно фосфоресцирующего света, и на миг мне показалось, что те, из-под холма, все-таки пришли за мной. Теперь я обладаю властью над ними, но и это не умалило моего страха.) Как я уже говорил, к первому источнику света присоединился второй, потом третий, четвертый, но я все равно шел вперед. Скоро их стало бесчис-

ленное множество, но, поскольку я не знал, что это такое, они успокаивали и вселяли надежду. Я думал, что каждый из этих приглушенно сияющих огней, должно быть, исходит от какого-то неизвестного мне источника в руках тех самых стражей, о которых говорилось в письме. Пройдя еще дюжину шагов, я увидел, что отдельные вспышки собираются воедино, образуя нечто вроде стрелы, острие которой было обращено в мою сторону. Потом я услышал рев, хоть и весьма неотчетливый, напоминавший тот, что обычно доносился из башни, называемой Медвежьей, когда там начинали кормить зверей. Даже тогда, наверное, мне удалось бы спастись, если бы я немедленно бросился бежать от этого света. Но я медлил. Рев приближался. Теперь он уже не был похож на звериное рычание — скорее такие звуки могла бы издавать совершенно обезумевшая от ярости толпа. Я увидел, что отдельные световые пятна не бесформенны, как мне казалось раньше. Каждое из них имело очертание звезды с пятью неравными лучами.

И вот тогда — слишком поздно — я рванулся назад. К этому времени неверный свет, исходивший от звезд, стал достаточно сильным, и я увидел расплывчатые контуры предметов, которые окру-

жали меня. По обеим сторонам громоздились прямоугольные глыбы, наводя на мысль, что они — создания рук человеческих. Казалось, я попал в пределы погребенного града (только здесь не было разрушений, вызванных тяжестью многих слоев почвы), где рудокопы Сальтуса добывают свои сокровища. Меж этих глыб стояли группы невысоких узких колонн, объединенных той же беспорядочной регулярностью, что я не раз отмечал, глядя на поленницы дров — когда каждое полено торчит, и все же вместе они образуют единое целое. Колонны излучали мягкое сияние, отражая мертвенный свет движущихся звезд, превращая его в менее зловещий или по крайней мере — более красивый.

С минуту я гадал, что это за колонны, потом снова перевел взгляд на звездные фигуры и в первый раз разглядел их по-настоящему. Играла ли когда-нибудь с вами дурную шутку ночь — когда вы стремитесь к тому, что кажется освещенным оконцем деревенского домика, а вместо этого упираетесь в бойницу могучей крепости? Или, быть может, вам приходилось карабкаться, оступаясь, скользя и едва не падая, по круче, а потом взглянуть вниз и увидеть под ногами невообразимо глубокую бездну? Если да, вы поймете, что

я почувствовал в ту минуту. Звезды являлись не просто вспышками света, они имели человеческую форму и казались маленькими лишь потому, что пещера была огромной. Я даже не мог представить, что могут существовать столь обширные помещения. И эти люди, не похожие на людей — со слишком широкими плечами, пригнувшиеся к земле, — двигались прямо на меня. Это они издавали неописуемый рев.

Я повернулся и тут же почувствовал, что не могу бежать по воде. Тогда я вскарабкался на берег, где возвышались темные громады. К тому времени преследователи находились уже совсем близко. Часть из них стала обходить меня с обеих сторон, дабы отрезать мне выход из пещеры.

Вид их вселял ужас, но я даже не могу толком объяснить, чем именно. Тела их были похожи на обезьяньи — волосатые, приземистые, с короткими ногами, длинными руками и толстой шеей. Такие клыки я видел раньше только у смилодонов — загнутые, с зазубренными краями, и каждый — на палец выступал из-под верхней челюсти. Но даже не это и не призрачный свет, исходивший от их шерсти, вызывали обуявший меня ужас. Кошмарными были их лица, может быть, именно огромные белые глаза. И эти глаза

говорили, что передо мной именно люди — такие же, как я. Как старость заключена в разлагающуюся плоть, как женщина, принужденная весь век обитать в своем слабом теле и потому становящаяся беззащитной жертвой грязных домоганий, так и эти люди существовали в обличье мерзких тварей и знали об этом. Взгляд каждого из них кричал о сем знании, когда они окружили меня, и — самое страшное — глаза были единственной частью их тела, которая не источала свет.

Я набрал воздуху, чтобы снова выкрикнуть «Текла!», но в тот миг я понял всё и обнажил «Терминус Эст».

Один из них, крупнее или, быть может, смелее, чем прочие, приближался ко мне. В руке он держал короткую булаву, рукоять которой когда-то служила бедренной костью. Он стоял вне досягаемости меча и угрожал мне, издавая грозное рычание и ударяя себя в грудь булавой.

Позади меня раздался плеск. Я обернулся как раз вовремя, чтобы заметить обезьяночеловека, подбиравшегося ко мне по руслу ручья. Я взмахнул мечом, и он отшатнулся, но конец острия полоснул его по груди ниже подмышки. И столь совершенен был мой клинок, столь прекрасно закалена его сталь и заточено лезвие, что одного

легкого касания хватило, чтобы рассечь грудину врага.

Он упал в ручей, а вода унесла прочь его труп. Но еще до удара я успел заметить, что он ступает по воде с явным страхом, и вода точно так же тормозит его движения, как мои. Я повернулся лицом к нападающим, ступил в ручей и начал пятиться по течению к выходу из пещеры. Я знал, что спасение мое — в жерле узкого туннеля, куда эти твари никогда не дадут мне добраться.

Они все теснее смыкались вокруг меня, их собралось уже не меньше нескольких сотен. Свет, исходивший от них, стал таким ярким, что теперь я явственно видел: прямоугольные глыбы — это и впрямь здания, очевидно, весьма древние, возведенные из серого камня и испещренные пометом летучих мышей. Колонны неправильной формы оказались штабелями болванок, в которых каждый следующий слой был уложен поперек предыдущего. По цвету я определил, что это серебро. В каждом штабеле было не меньше сотни болванок, и не менее нескольких сотен таких колонн скрывал в себе подземный город.

Все это я успел рассмотреть, пока сделал по воде полдюжины шагов. На седьмом они догнали меня — по меньшей мере два десятка, подступав-

шие со всех сторон. У меня не было времени на отдельные удары, чисто срезающие противнику голову: мой меч чертил безостановочные круги, и его песня наполняла подземелье, эхом отражалась от свода и стен, отчетливо слышалась даже сквозь рев и визг.

В такие минуты чувство времени теряется. Я хорошо помню, как они нападали, а я яростно отбивался, но теперь мне кажется, что все это произошло в одно мгновение. Вот рухнули двое, пятеро, целый десяток. Вода вокруг меня казалась черной от крови в мертвенном свете, а они все наступали. Я почувствовал удар по плечу, подобный удару кулака великана. «Терминус Эст» выскользнул из руки, и на меня навалилась груда тел, пока под ее тяжестью я не ушел с головой под воду. В плечо, как два кинжала, вонзились клыки врага, но, я думаю, он слишком боялся утонуть, и не мог драться под водой, как на суше. Я воткнул пальцы в его широкие ноздри и свернул ему шею, хотя она была куда прочнее, чем человеческая.

Я ушел бы от них, если б мог задержать дыхание настолько, чтобы проплыть под водой до выхода. Обезьянолюди потеряли меня из виду, но мои легкие уже разрывались, и мне удалось проплыть по течению совсем немного. Я поднял голову над

поверхностью воды. В то же мгновение они снова набросились на меня.

Без сомнения, для каждого наступает минута, когда он, по всем законам, должен умереть. Так вот, для меня это был тот самый миг. Всю жизнь, отпущенную мне сверх этой минуты, я расцениваю как незаслуженный дар.

Я лишился оружия, правая рука кровоточила и онемела. Теперь обезьянолюди осмелели. Это дало мне шанс выиграть еще несколько мгновений жизни, ибо, стремясь прикончить меня, они сбились в такую кучу, что мешали друг другу. Я ударил одного ногой в лицо. Второй вцепился в мой сапог. В тот же миг брызнула искра синего пламени. Не знаю, что мною руководило — инстинкт или озарение, — но я схватил ее. В руке я держал Коготь.

Он словно вобрал в себя весь мертвенный свет и окрасил его цветом жизни; он изливал поток чистого сапфирового сияния, наполнившего пещеру. Обезьянолюди вдруг отпрянули прочь, будто услышали удар грома, а я поднял камень высоко над головой. Чего я ожидал, на что надеялся (если я еще мог на что-то надеяться), я теперь и сам не знаю.

Случилось невероятное. Обезьянолюди не бро-

сились наутек, вопя от ужаса, и не возобновили нападения. Они стали медленно приближаться, пока первый не оказался в нескольких шагах от меня, потом опустились на четвереньки, касаясь лицом пола. Было совсем тихо — точно я только что вошел в пещеру. Я слышал лишь плеск воды, но теперь видел все — от серебряных штабелей рядом со мной до разрушенной стены в самом конце пещеры, по которой, как пятна бледного света, спустились ко мне обезьянолюди.

Я стал пятиться назад. Обезьянолюди смотрели на меня, и лица их были человеческими лицами. И тогда я понял, откуда эти звериные клыки, огромные круглые глаза, плоские уши. Эоны и эоны борьбы за жизнь во мраке подземелий — вот что это было. Мудрецы говорят, когда-то мы были обезьянами и резвились в лесах, поглощенных затем пустынями. И так давно это было, что в нашем языке не сохранилось названия этим лесам и пустыням. Старики снова становятся детьми, когда прожитые годы затуманивают их разум. Разве не может случиться так, что человечество, подобно старику, вернется в свое забытое детство, если умрет старое солнце и нам придется сражаться с сородичем за кость в темноте? Я видел перед собой наше будущее — по крайней мере,

возможное — и сожалел о тех, кто одерживал победу в подземных схватках больше, чем о тех, кто пролил их кровь нынешней бесконечной ночью.

Итак, я сделал шаг назад, потом другой — никто из них не пытался препятствовать мне. И тут я вспомнил о «Терминус Эст». Я клял бы себя всю жизнь, если бы оставил меч даже ради спасения собственной жизни в самой жестокой битве. Выйти отсюда безоружным — нет, этого я не мог вынести. Я начал осторожно продвигаться вперед, надеясь в сиянии Когтя заметить отблеск клинка.

При моем движении лица странных уродливых людей просветлели. По их выражению я понял: они надеются, что я останусь с ними, и Коготь с его синим сиянием тоже останется с ними навсегда. Сколь ужасным все это кажется теперь, когда я вывожу слова на бумаге, но тогда я не испытывал никакого ужаса. Несмотря на их звериный облик, на каждом лице я узрел выражение благоговения и подумал тогда (да и теперь так думаю), что если эти люди подземных городов Урса в чём-то и уступают нам, то во многом другом они, наделенные благодатью животного простодушия, лучше, чем мы.

Я шарил взглядом по всему ручью, от берега до

берега, но ничего не видел, хотя мне казалось, что Коготь разгорается все ярче и ярче, пока, наконец, каждый острый выступ на своде пещеры не стал отбрасывать четкую угольно-черную тень. В конце концов я крикнул скорчившимся фигурам:

— Мой меч… Где мой меч? Кто из вас взял его?

Мне не пришло бы в голову заговорить с ними, если бы я не был вне себя от страха потерять меч, но, казалось, меня поняли. Они начали что-то бормотать друг другу и, не поднимаясь, показывать мне жестами, что не собираются больше нападать на меня. Многие протягивали свои дубинки и копья с костяными наконечниками.

Потом, заглушая журчание воды и бормотание обезьянолюдей, послышался новый звук, и в мгновение ока все затихли. Если бы великан-людоед вгрызался в самое основание мира, скрежет его зубов не отличался бы от этого звука. Русло ручья под моими ногами задрожало, а вода, такая прозрачная прежде, замутилась от ила, будто по ней пролегла дымчатая лента. Далеко внизу кто-то шагнул — так могла бы тронуться с места башня в Судный День, когда, как сказано, все города Урса двинутся в путь, чтобы встретить восход Нового Солнца.

И еще один шаг.

Обезьянолюди тут же поднялись и, пригнувшись к земле, бросились в дальний конец пещеры, беззвучно и быстро, как стая летучих мышей. С ними ушел и свет. Казалось, как я в глубине души и подозревал, Коготь светил для них, но не для меня.

Из недр земли донесся третий шаг, а вместе с ним погас последний луч, но в это мгновение, в последнем отблеске, я заметил на дне «Терминус Эст». Я нагнулся, сунул Коготь обратно в сапог и поднял меч. И вдруг осознал, что моя рука вновь обрела былую силу.

Послышался четвертый шаг. Я повернулся и бросился бежать, нащупывая дорогу концом меча. Думаю, теперь я могу сказать, что за существо, обитающее в сердцевине мира, проснулось подо мною. Но тогда я этого не знал, как не знал и того, что его пробудило: рёв ли обезьянолюдей, свет Когтя или ещё что-нибудь. Я понял только, что глубоко под нами есть нечто, обратившее в бегство обезьянолюдей, невзирая на их ужасный облик и огромную численность, так же легко, как ветер уносит искры костра.

Глава 7
Наемные убийцы

Когда я вспоминаю, сколько времени мне потребовалось, чтобы вернуться по туннелю к выходу, мне кажется, что прошло больше стражи. Полное спокойствие — не мой удел, ибо душу мою непрерывно терзает безжалостная память. Но тогда я, несомненно, находился в том состоянии предельного возбуждения, когда кажется, будто три шага тянутся полжизни. И, уж конечно, я был напуган. С той поры как я вышел из мальчишеского возраста, меня никогда не называли трусом, и многие отдавали должное моей храбрости. Я не колеблясь выполнял долг служения нашей гильдии, бился один на один и участвовал в массовых сражениях, взбирался на неприступные горные вершины, несколько раз едва не утонул. Но я уверен — разница между теми, кого называют храбрецами, и теми, на ком поставлено клеймо трусости, заключается лишь в том, что последние испытывают страх заранее, перед опасностью, а первые — после.

Очевидно, никто не может испытывать страха

непосредственно в минуты большой и неотвратимой опасности: разум слишком сосредоточен на действиях, необходимых, чтобы встретить ее или избежать. Таким образом, трус является трусом, поскольку осознает свой страх слишком рано. Люди, которых считают трусливыми, могут поражать своей храбростью, если не предупредить их об опасности заранее.

Например, мастер Гурло, которого в детстве я считал человеком беззаветной храбрости, был, без сомнения, трусом. В то время, когда Дротт был капитаном учеников, мы с Рошем по очереди прислуживали мастеру Палаэмону и мастеру Гурло. Однажды вечером мастер Гурло отдыхал в своей келье. Он велел мне остаться, чтобы наполнять его чашу, и разоткровенничался:

— Эй, парень, ты знаешь эту клиентку по имени Ия? Дочь армигера, довольно хорошенькая.

Будучи учеником, я почти не имел дела с клиентами. Я покачал головой.

— Она приговорена к поруганию.

Я не имел никакого понятия, о чем он говорит, и потому ответил:

— Да, мастер.

— Это самая оскорбительная кара, которой можно подвергнуть женщину. Или мужчину.

Половой акт с палачом. — Он постучал себя в грудь и, вскинув голову, взглянул на меня. По сравнению с туловищем его голова была непропорционально маленькой, и если бы он носил рубашку или сюртук (чего, конечно, никогда не делал), то казалось бы, будто его одежда с подкладными плечами.

— Да, мастер.

— Почему бы тебе не проделать это вместо меня? Ты молодой парень, в самом соку. Только не говори мне, что ты еще не оброс шерстью где следует.

Наконец я понял, о чем идет речь, и сказал, что вряд ли такое разрешается, ведь я всего лишь ученик, но если он прикажет, я готов повиноваться.

— Еще бы ты не повиновался. Она не так плоха, знаешь ли. Только долговяза, а я не люблю высоких. Наверняка в этой семейке замешался какой-нибудь экзультант. Как говорят, кровь делает свое дело, хотя только нам, пожалуй, известно, что это значит на самом деле. Ну как, хочешь это сделать?

Он протянул чашу, а я наполнил ее вином.

— Если изволишь приказать, мастер.

На самом деле, при мысли об этом я чувствовал величайшее возбуждение — я еще никогда не

обладал женщиной.

— Да нет, тебе нельзя,. Придется мне. Ведь все узнают. Да и потом, я должен засвидетельствовать наказание — подписать бумагу. Вот уже двадцать лет я — мастер гильдии и подделывать бумаги не стану. Может, ты думаешь, мне это не под силу?

Подобное предположение у меня никогда не возникало, как никогда не возникало обратное (о том, что он еще сохранил мужскую силу) — относительно мастера Палаэмона, чьи седые волосы, согбенные плечи и линзы на глазах наводили на мысль, что он так и родился дряхлым стариком.

— Вот, смотри, — сказал мастер Гурло и стал приподниматься со стула. Он принадлежал к тем людям, которые могут держаться на ногах и внятно говорить даже в состоянии сильного опьянения. Он уверенно направился к комоду и достал оттуда синий фарфоровый сосуд. Мне на мгновение показалось, что он вот-вот его уронит.

— Это редкое и сильное средство. — Он снял крышку и показал мне темно-коричневый порошок. — Никогда не подводит. Рано или поздно тебе придется его попробовать, так что знай. Надо брать ровно столько, сколько уместится у тебя

под ногтем, понимаешь? Если возьмешь больше, два дня не сможешь показываться на людях.

Я сказал:

— Буду помнить, мастер Гурло.

— Конечно, это яд. Все снадобья — яд, а это самое лучшее. Если проглотишь вот столько, прощайся с жизнью. И нельзя принимать второй раз, пока не сменится луна, ясно?

— Может, вам попросить Брата Корбиниана отмерить дозу, мастер?

Брат Корбиниан был нашим аптекарем. Я боялся, что мастер Гурло возьмет и проглотит столовую ложку порошка прямо у меня на глазах.

— Мне? Мне это ни к чему.

Он с презрительным видом закрыл крышку и сунул сосуд на полку.

— Это хорошо, мастер.

— Кроме того, — он подмигнул мне, — у меня кое-что есть. — Он достал из сумки железный фаллос в полтора вершка длиной.

Наверное, вам покажется странным, но некоторое время я не мог понять, для чего предназначена эта вещь, несмотря на несколько преувеличенный реализм в ее оформлении. У меня возникла дикая мысль, что от вина мастер впал в детство и ведет себя как мальчишка, который не видит

большой разницы между своим деревянным скакуном и настоящей лошадью. Мне стало смешно.

— «Поругание» — вот как они говорят. Тут-то и есть для нас лазейка.

Он похлопал железным фаллосом по ладони, и теперь мне кажется, что этот жест был сродни угрозе обезьяночеловека, который бил себя в грудь булавой.

Наконец я всё понял и содрогнулся от отвращения. Окажись я в подобных обстоятельствах сейчас, я испытывал бы иные чувства. Мое отвращение никак не было связано с сочувствием к девушке, я о ней даже и не думал. Скорее я испытывал нечто вроде презрения к мастеру Гурло, который, несмотря на свое могучее телосложение и силу, вынужден полагаться на бурый порошок или, того хуже, на железный фаллос. Этот предмет выглядел так, будто его отпилили от какой-нибудь статуи, и не исключено, что так оно и было. И в то же время я видел мастера Гурло в другой ситуации, когда нужно было действовать быстро, дабы не дать клиенту умереть раньше времени, и он все проделал как следует без всякого порошка или железного фаллоса и без каких-либо затруднений.

Значит, мастер Гурло был трусом. Тем не менее,

может статься, его трусость гораздо лучше той храбрости, что мог бы проявить я, окажись на его месте, ибо смелость не всегда является добродетелью. По общепринятым понятиям, я проявил чудеса храбрости, сражаясь с обезьянолюдьми, но ведь храбрость эта на деле была не чем иным, как следствием глупости, отчаяния и внезапности. Теперь, в туннеле, когда никакой реальной причины для страха не существовало, я дрожал от ужаса, и хоть едва не раскроил череп о низкий свод, не мог заставить себя замедлить шаг, пока не увидел впереди отверстие, в которое проникал благословенный свет луны. Я сделал последний рывок и, решив, что наконец-то в безопасности, вытер клинок меча полой плаща и вложил его в ножны.

Потом я повесил меч на плечо и стал спускаться, нащупывая носками мокрых сапог выбоины в скале, служившие мне ступеньками при подъеме. Едва я успел поставить ногу на третью, как две стрелы ударили в камень прямо у меня над головой. Одна из них, наверное, была с наконечником старинной работы, потому что она вонзилась в скалу и осталась там, сияя белым пламенем. Помню, какое изумление охватило меня, и как я надеялся — те несколько мгновений, пока следу-

ющий выстрел едва не выжег мне глаз, — что у их арбалетов нет приспособления, которое само подает новую стрелу на тетиву после каждого выстрела и не требует долгой перезарядки.

Когда в скалу вонзилась третья стрела, я понял, что надеялся зря, и прыгнул вниз, не дожидаясь, пока промазавший стрелок исправит свою ошибку.

Я помнил, что под скалой, где водопад переходит в ручей, есть глубокая яма. И снова я с головой погрузился в воду, но, поскольку одежда моя все равно была мокра до нитки, это не имело особого значения, даже наоборот: вода успокоила боль от искр, попавших на лицо и руки.

Теперь не могло быть и речи о том, чтобы затаиться под водой. Поток подхватил меня как щепку и выбросил на поверхность. К счастью, я вынырнул довольно далеко от скалы и потому, когда выбрался на берег, оказался у них за спиной. Двое мужчин и женщина смотрели в другую сторону.

Обнажив — в последний раз за сегодняшний день — «Терминус Эст», я крикнул:

— Сюда, Агия!

Я уже и раньше подозревал, что это она, но когда женщина обернулась (быстрее, чем оба ее

спутника), я явственно увидел ее лицо в лунном свете. Лицо это внушало мне ужас (несмотря на его красоту, хотя Агия никогда не считала себя красивой), ибо видеть его — означало, что Текла все-таки мертва.

Ближайший ко мне мужчина оказался настолько глуп, что попытался поднять арбалет к плечу, вместо того чтобы стрелять сразу, не целясь. Я бросился вперед и подсек ему ноги, и в ту же секунду стрела другого, как метеор, пронеслась у меня над головой.

Пока я выпрямлялся, второй бросил арбалет и вынул кинжал. Агия действовала быстрее: тот еще не успел достать оружие из ножен, а она уже рассекла мне кожу на шее коротким мечом. Я уклонился от ее первого удара и парировал второй, хоть клинок «Терминус Эст» не годится для фехтования. Потом я стал наступать.

— Заходи сзади! — крикнула она второму стрелку. — Я его удержу!

Тот не отвечал. Рот его широко открылся, он замахнулся кинжалом. Прежде чем я успел понять, что смотрит он вовсе не на меня, что-то блестящее пронеслось мимо моего уха. Потом я услышал омерзительный треск черепа. Агия мгновенно обернулась, грациозно, как кошка, и

ее меч поразил бы обезьяночеловека, если бы я не успел выбить отравленный клинок из ее руки и швырнуть его в воду. Тогда она попыталась спастись бегством, но я, схватив ее за волосы, рывком бросил на землю.

Обезьяночеловек невнятно бормотал над телом убитого: хотел ли он взять что-нибудь или просто дивился его внешности — не знаю. Я наступил Агии на горло, а обезьяночеловек выпрямился и обернулся ко мне, потом пригнулся к земле, как тогда, в пещере, и протянул ко мне руки. Одной не было. Я узнал чистый срез, который мог сделать только мой меч. Он снова забормотал что-то непонятное.

Я попытался ответить:

— Да, это моя работа. Прости. Теперь мы в мире.

Его лицо сохраняло умоляющее выражение, и он снова заговорил. Кровь все еще сочилась из обрубка. Я подумал, что, наверное, у обезьянолюдей есть особый внутренний механизм, зажимающий вены, какой, говорят, есть у тилакодонов, ведь обычный человек без вмешательства врача давно бы умер от такой раны.

— Я отрубил ее, — сказал я, — но тогда мы сражались. Это было до того, как твой народ увидел

Коготь Миротворца.

Потом мне пришло в голову, что он, должно быть, последовал за мной наружу, чтобы еще раз взглянуть на камень, превозмогая невыносимый страх перед существом, дремавшим под землей и разбуженным нами. Я сунул руку за голенище, вынул Коготь и тут же понял, как глупо было с моей стороны, что сапог с его драгоценным содержимым оказался так близко от Агии: при виде камня ее глаза загорелись алчностью. Обезьяночеловек все так же на коленях пополз ко мне, протянув к Когтю свой жалкий обрубок.

На минуту мы все застыли и, наверное, являли собой весьма странную скульптурную группу при столь жутком освещении. Но тут изумленный возглас — то был голос Ионы — «Северьян!» раздался с высоты, и, как звук трубы в конце пьесы уносит прочь вымышленную жизнь, этот крик положил конец нашей немой сцене. Я опустил Коготь и сжал его в ладони, обезьяночеловек исчез за скалой, а Агия начала извиваться и корчиться под моей стопой.

Легким ударом меча плашмя я заставил ее успокоиться, но не отпускал ногу, пока Иона не присоединился ко мне. От нас двоих ей уже было не уйти.

— Я решил, что тебе может понадобиться помощь, — сказал Иона. — Теперь вижу, что ошибался. — Он окинул взглядом трупы помощников Агии.

Я ответил:

— Это нельзя назвать настоящей битвой.

Агия уже сидела, потирая шею и плечи.

— Их было четверо, и мы бы тебя взяли. Только вдруг течение вынесло трупы этих огненных людей-тигров. Тогда двое испугались и сбежали.

Иона почесал затылок железной рукой. Звук вышел, будто кто-то скребет щеткой по блюду.

— Так, значит, мне и вправду не показалось. Я уже начал сомневаться.

Я спросил, что он видел.

— Светящееся существо в меховой мантии, поклонявшееся тебе. А у тебя в руке — чаша с горящим вином. Или то был ладан? Что это?

Он нагнулся и поднял что-то с земли на том месте, где стоял на коленях обезьяночеловек.

— Булава.

— Да, я вижу. — На конце костяной ручки была жильная петля. Иона продел в нее кисть. — Кто эти люди, что пытались убить тебя?

— И убили бы, — вмешалась Агия, — если бы не этот плащ. Мы заметили, как он выбирается

из дыры, а потом, во время спуска, плащ совсем скрыл его. Мои люди не видели цели — только руки.

Я в общих чертах поведал Ионе о том, как судьба свела меня с Агией и ее братом-близнецом, и о смерти Агилюса.

— Стало быть, она пожаловала сюда, чтобы присоединиться к брату. — Иона перевел взгляд с нее на окрашенный пурпуром клинок «Терминус Эст» и слегка пожал плечами. — Я оставил там моего мерихипа, надо за ним приглядеть. Тогда смогу потом сказать, что ничего не видел. Значит, письмо написала эта женщина?

— Мне следовало сразу догадаться. Я говорил ей о Текле. Ты о ней почти не знаешь, а она знала. Помню, я рассказывал ей, когда мы проходили через Ботанические Сады в Нессусе. В письме были ошибки, да и многое другое, чего Текла никогда бы не написала, но я не обратил на это внимания, пока читал.

Я шагнул в сторону и засунул Коготь поглубже в сапог.

— Тебе и вправду лучше заняться своим животным. Мое, видно, сорвалось с привязи, значит, нам придется ехать по очереди.

Иона кивнул и стал карабкаться вверх по скло-

ну.

— Ты ждала меня здесь, правда? — спросил я Агию. — Я услышал что-то, и конь насторожился. Это была ты. Почему ты не убила меня сразу?

— Мы были там, наверху. — Она показала на обрыв. — Я хотела, чтобы эти люди, которых я наняла, стреляли, когда ты будешь подниматься вверх по ручью. Но они оказались такими же тупыми и упрямыми, как все мужчины, и заявили, что нечего зря тратить стрелы, потому что эти твари, которые живут там, внутри, и так тебя убьют. Тогда я столкнула вниз камень, самый большой, какой только могла сдвинуть, но было уже поздно.

— Это они рассказали тебе о каменоломне?

Агия пожала обнаженными плечами, которые в лунном свете превратились в нечто более драгоценное и прекрасное, чем человеческая плоть.

— Ты сейчас меня убьешь — так какая разница? Все местные жители рассказывают разные истории об этом месте. Говорят, в ненастные ночи эти твари выходят наружу и крадут скот из коровников, а иногда врываются в дома и уносят детей. Ходят еще слухи, что они охраняют сокровища, которые спрятаны внутри. На всякий случай в письме я упомянула и об этом. Подумала, что

если ты не захочешь прийти за своей Теклой, то, может, придешь за сокровищами. Северьян, позволь мне встать к тебе спиной. Не хочу это видеть.

При этих словах я почувствовал, что у меня словно гора упала с плеч. Я не был уверен, что смогу нанести удар, глядя ей в лицо.

Я занес мой «железный фаллос» и подумал, что хотел спросить Агию еще о чем-то, но теперь не мог вспомнить, о чем именно.

— Давай, — сказала она. — Я готова.

Я покрепче уперся ногами в землю, а пальцы нащупали на конце рукоятки голову женщины, которой отмечена женская сторона клинка.

Чуть позже она повторила:

— Давай!

Но в это время я уже выбирался из ущелья наверх.

Глава 8
Похитители

Мы возвращались в гостиницу в полном молчании. Продвигались так медленно, что небо на востоке посветлело, прежде чем мы добрались до деревни. Иона расседлывал мерихипа, когда я произнес первые слова:

— Я не убил ее.

Он, не глядя на меня, кивнул:

— Знаю.

— Ты что, подсматривал? А говорил, что не хочешь этого видеть.

— Я услышал ее голос, когда ты уже почти нагнал меня. Она не оставит тебя в покое?

Я подождал, пока он отнесет небольшое седло в кладовку, и потом ответил:

— Уверен, что не оставит. Я не взял с нее слова, если ты это имеешь в виду. Все равно она бы его не сдержала.

— Тогда на твоем месте я бы все-таки ее убил.

— Да, — подтвердил я, — это было бы правильно.

Мы вместе вышли из конюшни. Стало уже

почти светло, и мы без труда нашли колодец и широкие двери гостиницы.

— Не думаю, что это было бы правильно — просто говорю, что именно так бы и поступил на твоем месте. Представил бы себе, как в меня втыкают кинжал во сне и я умираю на какой-нибудь грязной постели, и тогда опустил бы ей на голову эту штуку. Но это было бы неправильно.

Иона поднял булаву обезьяночеловека и взмахнул ею, грубо пародируя удар меча. Навершие булавы сверкнуло в луче солнца, и мы оба затаили дыхание.

Оно было из чистого золота.

Ни у кого из нас не было ни малейшего желания участвовать в ярмарочных развлечениях, которые еще ждали тех, кто бражничал всю ночь напролет. Мы прошли к себе в комнату и приготовились ко сну. Иона предложил поделить золото пополам, но я отказался. У меня и без того денег было в избытке, да еще те, что уже заплатил алькальд. До сего времени Иона жил за мой счет, поэтому теперь я радовался, что ему больше не придется чувствовать себя в долгу передо мной. А еще мне стало стыдно, что он полностью доверяет мне, а я так старательно скрывал (и до сих пор скрываю) от него Коготь. Я решил, что должен

все рассказать ему, но вместо этого постарался осторожно вытащить ногу из мокрого сапога, так чтобы Коготь провалился в носок.

Проснулся я около полудня и, удостоверившись, что Коготь на месте, разбудил Иону, который сразу же спросил:

— На ярмарке наверняка есть золотых дел мастера, и они дадут мне за эту штуку неплохую цену. По крайней мере, с ними можно будет поторговаться. Пойдешь со мной?

— Надо сперва поесть, а потом мне уже будет пора на помост.

— Тогда за дело.

— Да.

Я поднял плащ — он был сильно порван, а сапоги сморщились, но все еще не просохли.

— Кто-нибудь из прислуги зашьет. Конечно, как новый он не станет, но все же будет куда лучше, чем сейчас. — Иона распахнул дверь. — Пойдем, если голоден. А почему у тебя опять такой задумчивый вид?

В большом зале гостиницы, управляясь с отменным кушаньем, пока жена хозяина приводила в порядок мой плащ, я рассказал Ионе обо всем, что произошло со мной в пещере, закончив на том, как услышал шаги неведомого существа

под землей.

— Странный ты человек, — только и сказал Иона.

— Между прочим, на мой взгляд, ты куда более странный. Ты, похоже, чужестранец, хоть и не слишком афишируешь это.

Он улыбнулся.

— Какоген?

— Нет, чужестранец.

Иона сначала покачал головой, затем кивнул:

— Да, может быть. Но ты! У тебя есть талисман, с помощью которого ты можешь повелевать ночными кошмарами, и ты обнаружил настоящий клад. И рассказываешь об этом, будто треплешься о погоде.

Я взял кусок хлеба.

— Да, это странно, согласен. Но тайна — в Когте, а не во мне. Что до моей откровенности с тобой… А почему бы и нет? Если бы, например, я похитил твое золото, то мог бы продать его и выручить деньги, но не думаю, что кому-нибудь пойдет на пользу, если он завладеет Когтем. Не знаю, почему я так думаю, но это — факт. И, несомненно, Агия украла его. А серебро…

— Украла и положила тебе в карман?

— В ташку, которая висела у меня на поясе. По-

нимаешь, она же думала, что ее брат убьет меня. Потом они собирались предъявить права на мое тело — не впервой — и получить «Терминус Эст» и все, что при мне было. Она завладела бы моим мечом, одеждой и камнем. Но если бы меня стали обыскивать и нашли Коготь, то виноват был бы я, а не она. Я помню…

— Что?

— Пелерин. Они задержали нас, когда мы пытались выбраться. Иона, как ты думаешь, правда ли, что есть люди, которые могут читать мысли другого человека?

— Конечно.

— Не все так думают. Мастер Гурло говаривал, будто это возможно, а вот мастер Палаэмон и мысли об этом не допускал. Но все-таки мне кажется, что верховная жрица Пелерин читала чужие мысли, по крайней мере, до некоторой степени. Она словно знала, что в отличие от меня Агия что-то скрывает. Она заставила Агию раздеться, чтобы они могли обыскать ее, а меня не тронули. Потом они уничтожили храм, и, думаю, это случилось потому, что Коготь был утрачен. Ведь если на то пошло, это был храм Когтя.

Иона задумчиво кивнул.

— Но я хотел тебя спросить совсем о другом, —

продолжал я. — Что ты думаешь об этих шагах? Всем известно об Эребусе и Абайе и других морских существах, которые когда-нибудь выйдут на сушу. Но мне почему-то кажется, ты знаешь о них больше, чем другие.

Лицо Ионы, такое открытое минуту назад, вдруг стало замкнутым и настороженным.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что ты был моряком и из-за истории о семенах — ты рассказывал ее у ворот. Ты, наверное, видел книгу в коричневом переплете. Я в нее часто заглядывал. В ней заключены все тайны мира. По крайней мере, так говорят мудрецы. Я не прочел и половины, хотя мы с Теклой обычно каждые несколько дней читали по кусочку, а потом спорили о прочитанном. Но я успел заметить, что все объяснения в этой книге очень незамысловатые. Они даже кажутся ребяческими.

— Как моя история?

Я кивнул.

— Может, твоя история как раз из этой книги. Когда я впервые принес ее Текле, то подумал, что это книга для детей или же для взрослых, которые любят все детское. Но когда мы стали обсуждать некоторые мысли, я понял, что их можно выразить либо таким способом, либо вообще никак.

Если бы тот же автор хотел описать новый рецепт приготовления вина или лучший способ любовного соития, он мог бы пользоваться точным и сложным языком. Но в этой книге он должен был выражаться именно так: «В начале всего был только гексамерон». Или же: «Созерцать недвижный образ — не то же самое что созерцать саму недвижность». Тот, кого я слышал под землей… был один из них?

— Не знаю. — Иона поднялся. — Я собираюсь выйти и продать булаву, но сначала хочу сказать тебе то, что рано или поздно все жены говорят своим мужьям: прежде чем расспрашивать дальше, подумай хорошенько, а вправду ли ты хочешь узнать ответы?

— Еще один вопрос, — остановил я его, — последний. Обещаю, что не стану больше спрашивать. Когда мы проходили сквозь Стену, ты сказал, что существа, которых мы в ней видели, — воины и что они поставлены там против Абайи и прочих. А обезьянолюди такие же воины? И если да, то что толку в воинах человеческого роста, если наши противники размером с гору. И почему у древних автархов не было воинов-людей?

Иона завернул булаву в тряпку и теперь стоял, перекидывая ее из одной руки в другую.

— Это целых три вопроса, а точный ответ я знаю лишь на второй. Попробую ответить и на два остальных, но требую, чтобы ты сдержал слово: обо всем этом мы с тобой говорим в последний раз. Начнем с последнего. Прежние автархи, которые звались иначе, да и автархами-то не были, держали людей-воинов. Но воители, созданные благодаря очеловечиванию зверей или, быть может, посредством преображения людей в зверей, более надежны, они были необходимы, потому что народ, ненавидевший правителей, ненавидел этих прислужников-нелюдей еще больше. Следовательно, от них можно было требовать того, чего люди терпеть не стали бы. Возможно, поэтому их и поставили в Стену. Могут быть и другие объяснения. — Иона замолчал и отошел к окну. Он смотрел не на улицу, а в небо. — Не знаю, кто твои обезьянолюди — такие же помеси или нет. Тот, кого я видел, выглядел вполне по-человечески, за исключением шкуры, и потому я склонен с тобой согласиться: это люди, но они сильно изменились в результате жизни под землей, среди останков древнего города. Урс теперь очень стар, и, конечно, за все прошедшие времена люди накопили немало сокровищ. Золото и серебро не меняются, но их стражи могли

претерпеть метаморфозы более удивительные, чем те, что превращают виноград в вино и песок в жемчуг.

Я заметил:

— Но ведь мы тоже каждую ночь живем в темноте, и нам приносят сокровища из подземных городов. Почему же мы не изменились?

Иона не ответил, и я вспомнил о своем обещании не задавать больше вопросов. Но когда он обернулся ко мне, его глазах я увидел нечто, говорившее мне, что я сказал страшную глупость. Мы изменились. Он отвернулся и снова посмотрел в небо.

— Хорошо, — сдался я, — на этот вопрос можешь не отвечать. Но еще один. Как могут люди противостоять морским чудовищам?

— Ты прав: Эребус и Абайя огромны, как горы. Признаюсь, я даже удивился, что тебе это известно. У большинства людей не хватает воображения, чтобы представить себе что-нибудь действительно огромное, больше, Чем, скажем, корабль или дом. Истинные размеры этих существ таковы, что пока они находятся в этом мире, они никогда не смогут покинуть воду: их собственный вес сокрушит их. Не думай, что они станут молотить о Стену кулаками или швы-

ряться в нее булыжниками. Но с помощью своих мыслей они вербуют рабов и заставляют их восставать против всех неугодных им законов.

Иона открыл дверь и выскользнул в уличную суету. Я остался на месте, сидел, опираясь локтями на стол, и вспоминал сон, который видел, когда мне пришлось делить ложе с Балдандерсом. «Земля не в силах носить нас», — говорили гигантские женщины.

Теперь я подошел к той части моего повествования, где не могу не сказать о том, о чем прежде избегал упоминать. Читатели мои не могли не заметить, что я, не опасаясь утомить их, со всеми подробностями описываю происходившее много лет назад и передаю каждое слово своих тогдашних собеседников, как, впрочем, и каждое слово, вылетавшее из моих собственных уст. Наверное, вы сочтете, что это всего лишь прием, избранный мною, дабы пригладить сие повествование. Но истинная причина заключается в том, что я отношусь к кругу людей, которым ниспослано проклятие так называемой абсолютной памяти. «Нельзя помнить всё» — много раз мне приходилось слышать это нелепое утверждение. Действительно, я не смогу воспроизвести порядок книг на полках в библиотеке мастера Ультана.

Но я помню в сотни раз больше, чем вы могли бы поверить: положение каждого предмета на столе, мимо которого я проходил в детстве, и то, что я уже вызывал в памяти определенную сцену, и даже чем этот памятный эпизод отличается от последующих воспоминаний о нем.

Именно эта способность сделала меня любимым учеником мастера Палаэмона, и, я думаю, именно ей обязано своим появлением на свет данное повествование, ибо, если бы он не благоволил ко мне, я бы не отправился в Тракс, унося с собой его меч.

Говорят, слишком сильно развитая память обычно неразрывно связана с недостатком здравого смысла — что ж, не берусь судить об этом. Но в том, что она таит в себе другую опасность, я не раз убеждался на собственном опыте. Когда мой разум погружается в прошлое, как сейчас или же как в тот раз, когда я вспоминал свой сон, сидя за столом в гостинице, он достигает таких глубин, что я словно заново живу в давно ушедшем дне, во времени, где прошлое соприкасается с настоящим. Всякий раз память выносит это прошлое из бездны неизмененным, а видения становятся такими же реальными, как я сам. И сейчас я могу закрыть глаза и войти в камеру Теклы, как тем

зимним днем, и скоро мои пальцы ощутят тепло ее одежды, а запах ее проникнет в мои ноздри, как аромат увядающих от пламени очага лилий. Я снимаю с нее платье и обнимаю это тело цвета слоновой кости, чувствуя, как лицо мое прижимается к ее соскам…

Теперь вы, наверное, понимаете, как легко можно проводить целые часы, а то и дни, предаваясь воспоминаниям. Иногда я так глубоко погружаюсь в них, что пьянею, как от вина или дурмана. Так было и теперь. Поступь, которую я слышал в пещере обезьянолюдей, все еще раздавалась у меня в ушах. В поисках объяснения я вернулся в один из своих снов, уверенный, что теперь я знаю, кем он был послан, и надеясь раскрыть в нем нечто большее, чем предвидел отправитель. Снова я мчался верхом на увенчанном митрой коне с перепончатыми крыльями. Под нами пролетали пеликаны, разрезая воздух ритмичными, жесткими взмахами крыльев, кружились и пронзительно кричали чайки. Снова я падал в бездну, со свистом рассекая воздух, и все же в какой-то миг словно завис между волной и тучей. Я выгнулся, опустил голову, вытянул ноги, вошел в воду, и там, в чистой голубизне, передо мной предстала голова со змеями вместо волос,

многоголовый зверь, а потом — колеблемые водоворотом песчаные сады далеко внизу. Великанши воздели руки, подобные стволам сикамор, с длинным амарантовым ногтем на каждом пальце. Потом внезапно я, который был слеп раньше, прозрел и понял, зачем Абайя послал мне этот сон и почему стремился вовлечь меня в великую и последнюю битву Урса.

Тирания воспоминаний сковала мою волю. Я видел гигантских одалисок, смотрел на их сад и понимал, что это всего лишь сон, вернувшийся благодаря ухищрениям памяти, но не мог вырваться за его пределы. Чьи-то руки подхватили меня как куклу, и, пока я бродил меж прислужницами Абайи, меня вытащили из глубокого кресла в гостинице Сальтуса. И все равно еще сотню ударов сердца я не мог освободить разум из плена моря и его зеленовласых женщин.

— Он спит.

— Глаза у него открыты.

Третий голос:

— Меч принести?

— Тащи. Без дела не останется.

Великанши растаяли. Мужчины в одеждах из оленьих шкур и грубой шерсти схватили меня с двух сторон, а третий, с исполосованным

шрамами лицом, приставил короткий нож к моему горлу. Тот, что стоял справа, держал мой «Терминус Эст». Это был тот самый доброволец с черной бородой, который помогал взламывать замурованный дом.

— Кто-то идет.

Человек со шрамами скользнул прочь. Я услышал, как отворилась дверь и возглас Ионы, когда его рывком втащили внутрь.

— Это твой хозяин, верно? Так вот, дружище, попробуй только двинуться или закричать — убьем обоих.

Глава 9
Повелитель листьев

Они поставили нас лицом к стене, связали руки. Плащи накинули нам на плечи, так чтобы пут не было видно, поэтому, когда нас вели через двор, казалось, будто мы прогуливаемся, заложив руки за спину. Во дворе огромный балушитер переминался с ноги на ногу под тяжестью паланкина. Один из мужчин ударил животное по передней ноге рукоятью бодила, чтобы заставить его опуститься на колени, и нас водрузили к нему на спину.

В Сальтус мы с Ионой ехали по дороге, пролегавшей между горами отходов из шахт и каменоломен, холмами, сложенными в основном из обломков шлака и битого камня. Получив поддельное письмо, я проскакал другой дорогой — большая часть моего пути тогда шла по лесу, прилегавшему к деревне. Теперь, игнорируя наезженные тропы, мы лезли напролом через груды отбросов. Сюда рудокопы сваливали весь хлам, извлеченный из недр погребенного под землей прошлого, все то, что в глазах жителей деревни

считалось совсем уж неприглядным мусором. Отходы громоздились огромными грудами, в десятки раз выше могучей спины балушитера. Сюда сносили непристойные статуи, теперь валявшиеся вповалку, замершие в наклонном положении или разваливавшиеся на куски, а также — человеческие кости, на которых еще сохранились лохмотья высохшего мяса и пучки волос. И еще там были десятки тысяч мужчин и женщин — из тех, что в надежде на грядущее возрождение пожелали навек уберечь свои тела от тления. Теперь они валялись, как пьяницы после попойки, их хрустальные саркофаги были разбиты, руки и ноги раскинуты в гротескных позах, одежда истлела, а остекленелый взор устремлялся в небо.

Сначала мы с Ионой пытались хоть что-нибудь выведать у наших похитителей, но они ударами заставляли нас молчать. Теперь, когда балушитер прокладывал себе путь сквозь этот хаос, они немного оттаяли, и я снова спросил, куда нас везут. Человек со шрамами ответил:

— В дикие места, где живут свободные мужчины и прекрасные женщины.

Я подумал об Агии и спросил, не ей ли он служит. Он засмеялся и замотал головой.

— Я служу Водалусу из Леса.

— Водалусу!

— А-а, — проговорил он, — так ты его знаешь. — Он толкнул локтем в бок парня с черной бородой, который сидел в паланкине рядом с нами. — Не трусь, Водалус обойдется с тобой, как с лучшим другом. Он знает, что ты с радостью согласился расправиться с одним из его людей.

— Конечно, я его знаю, — сказал я и уже собирался поведать человеку со шрамами о своей встрече с Водалусом, чью жизнь я спас в тот памятный год, перед тем как стал капитаном учеников. Но потом я засомневался, вспомнит ли меня Водалус, и сказал только, что если бы я знал, что Барнох — его человек, то ни за что не согласился бы пытать беднягу. Конечно, я солгал. Я знал, кто такой Барнох, и, приняв предложение алькальда, успокаивал свою совесть мыслью, будто смогу избавить его от лишних мучений. Моя ложь не имела успеха: все трое разразились хохотом — даже погонщик, восседавший на шее балушитера.

Когда веселье улеглось, я спросил:

— Прошлой ночью я ездил на северо-восток от Сальтуса. Сейчас мы направляемся туда же?

— Так вот где ты был. Наш хозяин приходил за

тобой, но вернулся с пустыми руками.

Человек со шрамами ухмыльнулся. Я видел — ему доставляет удовольствие мысль о том, что он достиг успеха там, где сам Водалус потерпел неудачу.

Иона шепнул:

— Мы продвигаемся на север. Это видно по солнцу.

— Да, — подтвердил человек со шрамами, который, видимо, отличался острым слухом. — На север, но недолго.

А потом, чтобы скоротать время, он принялся расписывать, как его господин обращается с пленными. Большинство из этих приемов показались мне донельзя примитивными. Подобными способами можно достигнуть определенного театрального эффекта, но нельзя причинить жертве истинных мучений.

Тени деревьев упали на паланкин, будто чья-то невидимая рука накинула покрывало. Блеск бесчисленного множества осколков стекла и устремленные ввысь взоры мертвых глаз остались позади. Мы вступили в прохладную сень древнего леса. Среди этих могучих стволов даже балушитер, который был в три раза выше человеческого роста, казался крошечным суетливым

зверьком, а мы, сидевшие у него на спине, вполне сошли бы за гномов из детской сказки, что держат путь в крепость-муравейник к королю эльфов.

Мне подумалось, чти еще задолго до моего рождения эти деревья вряд ли были ниже: они стояли, как стоят сейчас, когда я ребенком играл среди кипарисов и мирных плит нашего некрополя, и пусть пройдет столько же времени со дня моей смерти, сколько прошло его для тех, кто покоится под этими плитами, деревья по-прежнему будут стоять, впитывая последние лучи умирающего солнца. Я видел, как мало тянет моя жизнь на весах бытия, хоть для меня она и драгоценна. И от этих мыслей во мне родилось удивительное чувство: я готов был цепляться за каждый ничтожный шанс выжить, и в то же время мне было почти все равно, сумею ли я спастись. Думаю, что остался жив благодаря этому чувству. Оно сослужило мне такую добрую службу, что я постарался сохранить его на всю жизнь. И впоследствии мне довольно часто, хоть и не всегда, удавалось вызвать его в себе.

— Северьян, что с тобой?

То были слова Ионы. Я взглянул на него с некоторым удивлением.

— А в чем дело?

— У тебя вдруг стало такое лицо, будто ты болен.

— Я просто размышлял о том, что это место кажется мне знакомым, и пытался понять, почему. Думаю, потому, что оно напоминает мне летние дни в нашей Цитадели. Эти деревья почти такие же высокие, как башни, а некоторые из башен поросли плющом, и потому в тихий летний день свет между ними приобретает зеленоватый оттенок. И здесь так же тихо, как там…

— Да?

— Иона, ты, наверное, не раз сидел в лодке.

— Да, случалось.

— Мне всегда хотелось покататься в лодке, но впервые мне это удалось, только когда мы с Агией переправились на остров, где расположены Ботанические Сады. И еще раз — когда мы пересекали Птичье Озеро. Покачивание лодки так похоже на движения этого зверя, и плывет она столь же беззвучно, разве что иногда раздастся плеск, когда весло уходит в воду. Теперь мне кажется, что я плыву через Цитадель по ленивой воде.

При этих словах Иона так помрачнел, что я рассмеялся, встал и высунулся из паланкина. Я хотел каким-нибудь невинным замечанием, о деревьях или же о лесной почве, успокоить его

и дать понять, что у меня просто разыгралось воображение.

Однако стоило мне начать подниматься, как человек со шрамами вскочил и, приставив острие кинжала к моему горлу, велел сесть на место. Чтобы позлить его, я отрицательно покачал головой.

Он замахнулся кинжалом.

— Садись, или кишки выпущу!

— И откажешься от заслуженной славы? Не думаю. К тому же что, по-твоему, сделает Водалус, когда ему доложат, что я был у тебя в руках, а ты меня прирезал?

И тут удача повернулась к нам лицом. Бородатый, который держал «Терминус Эст», попытался обнажить его. Никогда не имея дело с таким длинным клинком, он не знал, как с ним обращаться. А поступать надо следующим образом: взяться за рукоять правой рукой и за верх ножен — левой, а потом одновременно развести обе руки в стороны. Вместо этого он стал тащить клинок вверх, будто выдергивал сорняк из земли. В это мгновение балушитер тяжело перевалился на другой бок, бородач потерял равновесие и налетел на человека со, шрамами. Оба наткнулись на лезвия меча (эти лезвия резали волос на лету),

и оба поранились. Человек со шрамами отпрянул назад, а Иона, подставив ему подножку, умудрился перекинуть его через край паланкина.

Чернобородый отбросил меч. Он не мог оторвать взгляда от своей раны, длинной, хотя, без сомнения, неглубокой. Я знал это оружие как свои пять пальцев: хватило одного мгновения, чтобы, бросившись на дно паланкина, схватить рукоять, а потом, зажав лезвие между пятками, перерезать путы, которые стягивали мои запястья. Чернобородый опомнился, выхватил нож и мог бы убить меня, если бы Иона не лягнул его между ног.

Бородач согнулся пополам, и задолго до того, как он выпрямился, я уже стоял над ним, а мой меч был готов к удару.

Резкое сокращение мускулов спины рывком распрямило его тело, как часто случается, если осужденный не стоит на коленях. Думаю, фонтан крови был первым тревожным знаком, который заметил погонщик (так быстро все происходило). Только тогда он оглянулся, и я достал его точным горизонтальным взмахом, держа меч в одной руке и перегнувшись через борт паланкина.

Едва его голова со стуком ударилась о землю, как балушитер ступил между двумя огромными

деревьями, которые росли так близко друг к другу, что, казалось, он протиснулся меж ними, как мышь проскальзывает в узкое отверстие в стене. Нашим взорам предстала открытая поляна, где трава росла так же густо, как хлеба в поле, а на ней играли пятна солнечного света, ярко-золотые, без примеси зеленого оттенка. Здесь, под пологом цветущих виноградных лоз, и воздвиг свой трон Водалус. Случилось так, что именно в ту минуту он восседал на нем рядом с шатленой Теа и вершил суд над своими подданными.

Иона ничего этого не видел, потому что все еще лежал на дне паланкина, перерезая кинжалом веревку на руках. Но я, видевший все, встал во весь рост на вогнутой, колышущейся спине балушитера и держал в руке меч, красный до самой гарды. Сотни лиц разом повернулись в мою сторону, среди них — лица сидевших на троне экзультанта и его подруги. И в их глазах я узрел то, что видели они: огромный зверь с окровавленной фигурой наездника без головы, и я, возвышавшийся за его спиной, в угольно-черном плаще, с обнаженным мечом.

Если бы я спрыгнул и попытался бежать или заставил балушитера прибавить скорости, скорее всего меня бы убили. Но я не сделал ни того, ни

другого. Движимый тем чувством, что снизошло на меня, когда я лицезрел давным-давно умерших людей среди отходов штолен и вечные деревья, я остался стоять на месте. Балушитер, которым теперь никто не правил, твердо рысил вперед (приспешники Водалуса расступались, давая ему дорогу), пока не уперся в высокий помост с навесом. Тогда зверь встал как вкопанный, мертвец скатился с него на помост к ногам Водалуса, а я, свесившись с паланкина, плашмя ударил животное мечом — сначала по одной, затем по другой ноге, и оно подогнуло колени.

На лице Водалуса появилась тонкая усмешка, в которой разом отразилось несколько ощущений, но одним из них, может быть, самым явственным, было удовольствие.

— Я послал своих людей поймать человека, который отрубает головы, — проговорил он. — Похоже, им это удалось.

Я отсалютовал мечом, подняв рукоять на уровень лица, как нас учили делать, когда кто-нибудь из экзультантов приезжал посмотреть на казнь в Большом Дворе.

— Сьер, они доставили вам человека, который не позволяет рубить головы, — было время, когда твоя собственная могла скатиться на свежераз-

рытую землю, если бы не я.

Он взглянул на меня более внимательно — на лицо, а не на меч и плащ, и чуть погодя произнес:

— Да, ты и был тем юнцом. Неужели это случилось так давно?

— Довольно давно, сьер.

— Мы поговорим об этом наедине, а сейчас я должен вернуться к делам. Стань здесь. — Он указал на землю слева от себя.

Мы с Ионой слезли с балушитера, которого увели два конюха. Оставалось ждать и слушать, как Водалус отдает приказы, разрабатывает планы, карает и жалует. Все это заняло не меньше стражи. Я думал о том, что вся хваленая пышность человеческих построек — колонны и арки — всего лишь попытка воплотить в мертвом камне стволы и кроны леса. Здесь мне казалось, что между ними почти нет разницы, кроме той, что одни — серые или белые, а другие коричневые и зеленые. Потом я решил, что теперь знаю, почему все воины Автарха и бесчисленные вассалы экзультантов не смогли одолеть Водалуса: он занимал самую неприступную крепость Урса, гораздо более внушительную, чем Цитадель, с которой я ее сравнивал.

Когда наконец толпа вокруг Водалуса рассеялась и все — мужчины и женщины — постепенно заняли свои места на поляне, он сошел к нам с помоста. Говорил он, склонившись надо мной, будто над ребенком:

— Некогда ты оказал мне услугу. За это я сохраню тебе жизнь, но, может быть, тебе придется погостить у меня некоторое время. Убедившись, что твоей жизни ничто не угрожает, согласен ли ты снова послужить мне?

Клятва, которую я принес Автарху по случаю своего возвышения, не обладала достаточной силой, чтобы противостоять воспоминаниям о том туманном вечере, когда я открыл сию страницу своей жизни. Клятвы — всего лишь слабые соратники чести. Благодеяния, которые мы оказываем другим, связывают нас гораздо сильнее, ибо они приспешники духа: человек, спасенный тобою однажды, всю жизнь имеет на тебя права. Я часто слышал, что благодарности в природе нет. Это неправда. Те, кто так говорит, не там искали. Человек, совершающий благодеяние, на миг достигает вершин духа, уподобляясь Панкреатору и в благодарность за это возвышение будет служить другому до смерти. Так я ответил Водалусу.

— Хорошо сказано! — воскликнул он и хлопнул

меня по плечу. — Идем, тут неподалеку нас ждет ужин. Если вы со своим другом разделите нашу трапезу, я расскажу, что надо сделать.

— Сьер, однажды я уже нанес бесчестье своей гильдии. Прошу только, чтобы от меня не потребовалось бесчестить ее снова.

— Никто ни о чем не узнает, — бросил он.

И этот ответ меня удовлетворил.

Глава 10
Теа

Мы вместе с остальными пешком прошли пол-лиги в глубь леса, где под деревьями стояли накрытые столы. Меня посадили по левую руку от Водалуса, и пока все ели, я только притворялся, что тоже ем, а сам во все глаза смотрел на Водалуса и его даму, чей образ столь часто всплывал в моем воображении, когда я лежал на койке рядом с другими учениками в нашей башне.

Я спас Водалуса, когда был еще мальчишкой, по крайней мере в духовном плане, а мальчику все взрослые мужчины кажутся большими и могучими, если, конечно, они не совсем недомерки. Теперь я видел, что он и вправду был так же высок, как Текла, если не выше, а сводная сестра Теклы — Теа — не уступала им в росте. Тогда я уверился в том, что в их жилах течет кровь экзультантов, а не простых армигеров, как, например, сьер Рахо.

Сначала я влюбился в Теа — влюбился потому, что она принадлежала человеку, которого я спас. А Теклу я полюбил именно потому, что она была

похожа на Теа. И вот теперь (так проходит осень, затем зима и весна, и наступает лето, знаменуя собой конец и начало годового цикла) я снова полюбил Теа, ибо она походила на Теклу.

Водалус заметил:

— Ты, я вижу, большой поклонник женской красоты.

Я потупился.

— Мне редко приходилось бывать в хорошем обществе, сьер. Прошу простить меня.

— Я разделяю твое восхищение, так что прощения просить не стоит. Но надеюсь, ты изучал эту лебединую шею не из профессиональных интересов?

— Ни в коем случае, сьер.

— Рад это слышать. — Он взял блюдо с жареными рябчиками, выбрал одного и положил мне на тарелку. Это был знак особой милости. — Но, должен признаться, я слегка удивлен. Легко предположить, что человек, занимающийся твоим ремеслом, смотрит на нас, простых смертных, как мясник на скот.

— На это мне нечего ответить, сьер. Я не обучался ремеслу мясника.

Он рассмеялся.

— В точку! Я уже почти жалею, что ты согласил-

ся служить мне. Если бы ты остался просто моим пленником, мы могли бы приятно проводить время в беседах, пока ты расплачиваешься — а именно так я и собирался поступить с тобой — за жизнь несчастного Барноха. Но решено, и завтра утром ты отправишься в путь. И все же думаю, что мое поручение хорошо отвечает твоим наклонностям.

— Должно отвечать, если это твое поручение, сьер.

— Тебе нечего делать на помосте. — Он улыбнулся. — Мы найдем для тебя занятие получше. Но если ты хочешь сослужить мне добрую службу, то должен уяснить расположение фигур на доске и правила игры, которую я веду. Назовем стороны белой и черной, и в честь цвета твоего одеяния, дабы ты не забывал, на чьей стороне, мы будем черными. Несомненно, тебе говорили, что мы, черные, просто бандиты и бунтовщики. Имеешь ли ты какое-нибудь представление о том, к чему мы стремимся?

— Поставить мат Автарху?

— Было бы неплохо, но этот мат — всего лишь первый шаг в достижении конечной цели. Ты явился из Цитадели — видишь, мне известно кое-что о твоей жизни — этой великой тверды-

ни минувших времен, поэтому ты должен хоть слегка ощущать прошлое. Разве тебе никогда не приходило в голову, что человечество было гораздо богаче и счастливей в ушедшие эпохи?

— Всем известно, — ответил я, — что мы давно утратили славу древних времен.

— Мы обретем ее вновь. Всё станет, как прежде. Люди Урса вновь будут бороздить межзвездное пространство, от галактики к галактике, и властвовать над дочерьми солнца.

Шатлена Теа, которая, должно быть, слушала, что говорит Водалус, хотя ничем не обнаруживала своего присутствия, взглянула сначала на него, потом на меня и произнесла мягким воркующим голосом:

— Известно ли тебе, палач, как наш мир получил свое нынешнее название? Люди восхода пришли к своему тогдашнему повелителю, а имя ему было «Война». Но они считали это имя неблагозвучным и боялись, что другие не пойдут за ними. Потому они дали ему другое имя — Дар. Однако в их языке был хитрый фокус: одно и то же слово означало и «подарок», и «настоящее». По крайней мере, так объяснял нам с сестрой наш наставник, хотя трудно понять, как можно допускать такую путаницу в словоупотреблении.

Водалус слушал ее так, словно ему не терпелось говорить самому, но он был слишком хорошо воспитан, чтобы перебивать даму.

— Тогда другие, которые должны были переправить свой народ в самый отдаленный из обитаемых миров, тоже вступили в эту игру и назвали тот мир «Скальд» — Мир Будущего. А наш, таким образом, стал называться Урсом — Миром Прошлого.

— Боюсь, ты ошибаешься, — возразил ей Водалус. — Мне известно из самых достоверных источников, что наш мир носил это название с глубокой древности. Но твое заблуждение столь очаровательно, что я предпочел бы, чтобы оказалась права ты, а не я.

В ответ на это Теа улыбнулась. Водалус снова повернулся ко мне.

— Хотя сказка нашей дорогой шатлены и не объясняет, почему Урс зовется Урсом, но в ней есть одна важная мысль: в те времена человечество путешествовало на своих кораблях из одного мира в другой, покоряло новые миры и возводило на них города Человека. То были великие дни, когда отцы отцов наших отцов стремились к господству над Вселенной.

Он замолчал, и, поскольку от меня, видимо,

ждали какого-то отклика, я сказал:

— Сьер, нам недостает мудрости тех веков.

— А-а, ты целишь в самую сердцевину. И все же, несмотря на всю свою проницательность, ты ошибаешься. Нет, нам не хватает не мудрости. Нам не хватает силы. Процесс познания шел вполне гладко, но к тому времени, когда люди узнали всё, что им требуется для господства, истощилась сила мира. Сейчас мы влачим жалкое существование на останках наших предшественников. И пусть немногие летают по воздуху на своих флайерах, за день покрывая десятки тысяч лиг, все остальные ползают по поверхности Урса и не могут пройти расстояние от горизонта до горизонта до того, как солнце не скроется на западе. Минуту назад ты говорил о необходимости поставить мат этому жалкому идиоту Автарху. Я хочу, чтобы ты знал: есть две великие силы, которые рвутся к власти. Белые стремятся сохранить всё как есть. Черные — направить Человека на путь, который вернул бы ему господство над миром. Я назвал их черными случайно, но следует помнить, что именно ночью мы видим звезды. Днем при свете солнца они незаметны. Так скажи, какой из двух сил ты хочешь служить?

Ветер едва шевелил ветки деревьев. Мне по-

казалось, что все, кто сидел за столом, разом замолчали в ожидании моего ответа.

— Конечно, черным!

— Хорошо! Но, как умный человек, ты должен понимать, что путь ко второму завоеванию мира будет нелегким. Те, кто не влеком страстной жаждой перемен, так и будут пребывать в нерешительности и никогда не расстанутся со своими сомнениями. Весь груз ложится на нас. Мы должны решиться!

За столом снова наступило оживление. Понизив голос, чтобы никто больше не услышал меня, я обратился к Водалусу:

— Сьер, я не все вам сказал. Больше я не могу таиться, ибо вы сочтете меня недостойным доверия.

Он оказался лучшим интриганом, чем я, и, отвернувшись, сделал вид, что полностью занят едой. Только через некоторое время он произнес:

— В чем дело? Расскажи, и покончим с этим.

— Сьер, — сказал я, — у меня есть древняя реликвия — предмет, который называют Когтем Миротворца.

В ту секунду он откусывал кусок от жареной куриной ноги. Вдруг он замер и скосил глаза на меня, не поворачивая головы.

— Не желаете ли посмотреть на него, сьер? Он очень красивый. Я прячу его в голенище сапога.

— Нет, — прошептал он. — Или, вернее, не здесь… Нет, лучше совсем не надо.

— Кому тогда я должен его отдать?

Водалус наконец проглотил кусок.

— Я слышал от своих друзей в Нессусе, что он исчез. Так, значит, он у тебя. Храни, пока не сможешь избавиться от него. Не пытайся продать — его сразу узнают. Спрячь где-нибудь. Брось в яму.

— Но, сьер, это же очень ценная вещь.

— Она бесценна и потому ничего не стоит. Мы с тобой разумные люди. — Вопреки этим словам в голосе его звучал страх. — Но чернь считает сей камень священным и верит, что он может творить чудеса. Если бы я завладел им, они сочли бы меня святотатцем и врагом Теологуменона. А наши хозяева — предателем. Ты должен сказать мне…

Как раз в это время к столу подбежал человек, которого я раньше не встречал. Вид его говорил о том, что он принес важные новости. Водалус поднялся и отошел с ним в сторону. Я мысленно уподобил его красавцу наставнику, беседующему с учеником, ибо он был, по крайней мере, на

голову выше гонца.

Ожидая его скорого возвращения, я продолжал свою трапезу. Но после продолжительного разговора Водалус куда-то удалился вместе с новоприбывшим, затерявшись среди толстых стволов деревьев. Один за другим вставали из-за стола и все остальные, пока не остались лишь прекрасная Теа, Иона, я и еще один человек.

— Ты собираешься присоединиться к нам, — проворковала Теа, — но пока ничего о нас не знаешь. Тебе нужны деньги?

Я заколебался, но тут в разговор вступил Иона:

— Это как раз то, шатлена, чему человек всегда рад, как неудаче старшего брата.

— Отныне мы будем откладывать причитающуюся вам долю. Когда вернетесь, вы ее получите. А пока для каждого из вас приготовлен кошелек, чтобы вы могли побыстрее добраться до места.

— Значит, мы уезжаем? — спросил я.

— Разве вам об этом не сказали? Водалус даст вам указания за ужином.

Я не думал, что в скором времени снова окажусь за столом, и, наверное, об этом красноречиво свидетельствовало мое лицо.

— Ночью, когда взойдет луна, будет ужин, — сказала Теа. — Кто-нибудь зайдет за вами. — По-

том она пропела:

С утра поел – и жизнь светлее,
К полудню снова – полон сил,
Под вечер – складно говорил,
А на ночь – вовсе стал мудрее…

— А теперь мой слуга Гуниальд отведет вас туда, где вы сможете отдохнуть с дороги.

Человек, который до сих пор не произнес ни слова, встал и бросил:

— Идите за мной.

Я попросил Теа:

— Я хотел бы поговорить с тобой, шатлена, когда у нас будет больше времени. Мне кое-что известно о твоей подруге.

Она поняла, что я не зря бросаюсь словами, — это было видно по ее лицу. Потом Гуниальд повел нас через лес и, пройдя около лиги, остановился на берегу ручья, поросшем мягкой травой.

— Ждите здесь, — сказал он. — Вздремните, если сможете. Никто сюда не придет до темноты.

— А если бы нам пришло в голову сбежать? — спросил я.

— Лес полон теми, кому известно решение нашего господина, — ответил он и, резко повернувшись, ушел.

Потом я в тех же словах, что уже приводил здесь, рассказал Ионе о виденном мною у разрытой могилы.

— Я понимаю, — заметил он, — почему ты желаешь присоединиться к людям этого Водалуса. Но ты должен отдавать себе отчет в том, что я друг тебе, а не ему. Единственное, чего хочу я, это найти женщину, которую ты зовешь Иолентой. Ты же хочешь служить Водалусу, попасть в Тракс, начать новую жизнь в изгнании, искупить вину за проступок, которым, по твоим словам, запятнал честь гильдии, — хотя, признаюсь, я не понимаю, каким образом можно запятнать то, чего не существует, — найти женщину по имени Доркас, заключить мир с женщиной по имени Агия и, наконец, вернуть известный нам обоим предмет женщинам, которых зовут Пелеринами…

К концу столь внушительного перечня он улыбался, а я хохотал взахлеб.

— И хотя ты напоминаешь мне сокола, которого держал один старик, — эта птица двадцать лет сидела на насесте, а потом решила лететь сразу во все стороны, — надеюсь, тебе удастся добиться всего, чего ты хочешь. Но, хотелось бы верить, ты понимаешь, что может случиться и так — необя-

зательно, но вполне возможно, — что одно-два из этих желаний встанут на пути четырех-пяти оставшихся.

— Сказанное тобою совершенно справедливо, — согласился я. — Я жажду всего сразу и, хотя ты можешь мне не верить, отдаю все силы и внимание тому, что может благоприятствовать осуществлению всех своих желаний без исключения. Тем не менее должен признать, все идет не так, как хотелось бы. Посмотрим, к чему меня привели столь разносторонние потребности: да, я, как бездомный странник, сижу здесь, в тени этого дерева. Но ты, упорно преследующий одну-единственную цель… Где ты теперь?

В подобных разговорах мы скоротали время до позднего вечера. Над головой у меня щебетали птицы, и было очень кстати иметь такого друга, как Иона, — верного, рассудительного, тактичного, исполненного мудрости, юмора и жизненного опыта. В то время я еще не знал истории его жизни, но чувствовал, что он не говорит и полслова правды о своем прошлом. Не осмеливаясь задавать прямых вопросов, я так или иначе все время стремился вытянуть из него это прошлое. Например, я узнал (или скорее думал, что узнал), что его отец был ремесленником. Иона жил с обоими

родителями и получил, как он выразился, обычное воспитание, хотя именно такое воспитание правильнее было бы назвать совсем необычным. Они жили в приморском городе на юге, но, посетив его в последний раз. Иона обнаружил множество перемен и не пожелал остаться на прежнем месте.

Впервые столкнувшись с ним у Стены, я подумал, что, судя по внешности, он лет на десять старше меня. Из того, что он говорил теперь (и в меньшей степени — из наших предыдущих разговоров), я заключил, что он еще старше. По-видимому, он прочел немало летописей и много знал о прошлом, а я, несмотря на старания мастера Палаэмона и Теклы развить мой разум, все еще был настолько наивен и необразован, что не мог представить себе, чтобы человек, не доживший еще и до середины жизни, обладал такими познаниями. К людям он относился слегка цинично, и это тоже говорило в пользу версии, что ему немало пришлось повидать на своем веку.

Мы все еще беседовали, когда между деревьями мой взгляд уловил изящную фигуру шатлены Теа. Я толкнул Иону, и мы молча стали наблюдать за ней. Она приближалась, не видя нас, и потому двигалась, как ходят люди, когда просто

придерживаются определенного направления — не глядя ни под ноги, ни по сторонам. Иногда солнечный свет падал на ее лицо, столь напоминавшее в профиль лицо Теклы, что у меня разрывалось сердце. И походка ее была походкой Теклы: гордая поступь совершенного творения природы, которому не место в клетке.

— Она, несомненно, из старинного рода, — шепнул я Ионе. — Взгляни! Похожа на дриаду. Так могла бы ступать ива.

— Эти старинные семейства — самые что ни на есть новые, — ответил он. — В древности их и в помине не было.

Не думаю, что она могла разобрать его слова — наверное, просто услыхала голос и взглянула на нас. Я помахал ей рукой, она пошла быстрее, не переходя на бег, но приближаясь очень быстро благодаря своему размашистому шагу. Мы встали и снова сели, дождавшись, когда она расположится на своей шали лицом к ручью.

— Ты говорил, что хочешь рассказать мне о сестре? — из-за воркующего голоска она точно становилась ниже ростом, а сидя, была не выше, чем я или Иона.

— Я был с ней до последнего, — сказал я. — Она говорила, они постараются заставить вас убедить

Водалуса сдаться, чтобы спасти ее. Вы знали, что ее посадили в темницу?

— Ты служил ей? — Теа окинула меня оценивающим взглядом. — Да, я слышала, что ее отвезли в это страшное место в подземельях Нессуса, где, как понимаю, она вскоре умерла.

Я вспомнил о тех минутах перед камерой Теклы, пока из-под ее двери не показалась пурпурная струя крови, но кивнул.

— Ты знаешь, как ее арестовали?

Текла рассказала мне все в подробностях, и я передал её слова, ничего не опустив.

— Понятно, — пробормотала Теа и с минуту молчала, вперив немигающий взор в бегущую воду. — Конечно, я тоже скучала по придворной жизни. И вот теперь, когда я слышу обо всех этих людях и как они завернули мою сестру в гобелен — именно в гобелен, — я понимаю, почему оставила эту жизнь.

— Она тоже скучала по ней, — сказал я. — Во всяком случае, она часто о ней вспоминала. Но слышал от нее, что, если ее когда-нибудь выпустят на свободу, она не вернется. Она все твердила о загородном доме, от названия которого пошел ее титул, и представляла, как обставит его заново, станет давать обеды для знатных соседей и

охотиться…

Лицо Теа исказилось горькой усмешкой.

— Я здесь так наохотилась, что хватило бы на десять жизней. Но когда Водалус станет Автархом, я буду его супругой. И тогда я буду снова гулять у Кладезя Орхидей, но теперь уже со свитой из пятидесяти дочерей экзультантов, развлекающих меня пением. Хватит об этом. Еще долго ждать — не меньше нескольких месяцев. А пока я имею… то, что имею.

Она хмуро взглянула на нас с Ионой и очень грациозно поднялась, показав жестом, чтобы мы оставались сидеть.

— Я рада была узнать, что произошло с моей сводной сестрой. Дом, о котором ты говорил, теперь мой, хотя я не могу предъявить на него права. В знак благодарности я хочу предупредить тебя об ужине, который вам скоро предстоит разделить с нами. Мне показалось, ты не обратил внимания на намеки Водалуса. Ты понял что-нибудь?

Иона молчал, а я отрицательно покачал головой.

— Если мы с нашими союзниками и правителями, которые ждут в своих владениях под волнами, одержим победу, то должны будем рас-

полагать всеми знаниями прошлого. Ты знаешь, что такое аналептик альзабо?

Я ответил:

— Нет, шатлена, но я слышал сказки про зверя с таким же прозвищем. Поговаривают, он, обладая даром человеческой речи, приходит по ночам к дому, где умер ребенок, и просится внутрь.

Теа кивнула.

— Животное это привезли со звезд очень давно, как привозили многое другое на благо Урса. Разума у этого зверя не больше, чем у собаки, а может, и меньше. Но он раскапывает могилы и питается трупами. И, насытившись человеческим мясом, он перенимает, по крайней мере на время, язык и повадки людей. Аналептик альзабо делают из железы, расположенной у основания черепа этого животного. Теперь понимаешь, о чем я?

Когда она ушла, мы с Ионой не могли взглянуть друг другу в глаза. Оба мы сообразили, что за пир ждет нас нынешней ночью.

Глава 11
Текла

Как мне показалось, мы сидели еще довольно долго, хотя, вероятно, всего несколько минут. Я больше не в силах был выносить то, что чувствовал, и бросился к ручью. Опустившись на колени на мягкую землю, я изверг из себя обед, который делил с Водалусом. В моем желудке уже ничего не оставалось, но я еще долго стоял на коленях, корчась в судорогах, дрожа с ног до головы, и без конца полоскал рот, плескал в лицо холодной чистой водой, до тех пор пока ручей не унес всё без остатка.

Почувствовав наконец, что могу встать, я вернулся к Ионе.

— Нам надо уходить.

Казалось, ему жаль меня, и, наверное, так оно и было.

— Повсюду люди Водалуса.

— Я вижу, на тебя это не так сильно подействовало. Но ты же слышал, кто их союзники. К тому же, может быть, этот Гуниальд солгал.

— Нет, не солгал. Я слышал, как наши сторожа

пробираются между деревьями. Северьян, у тебя есть меч, а у меня нож, но люди Водалуса вооружены луками. Почти у всех, кто сидел с нами за столом, они были. Мы, конечно, можем попробовать прятаться за стволами, как аловаты…

Я понял, что он имеет в виду, и продолжил за него:

— Но аловатов стреляют при свете дня.

— Да, зато никто не охотится на них ночью. Еще одна стража — и стемнеет.

— Тогда ты пойдешь со мной? — спросил я, протягивая ему руку. Он пожал ее.

— Северьян, мой бедный друг, ты говорил, что видел Водалуса, эту шатлену и еще одного человека у разоренной могилы. Неужели ты не понял, что они собираются делать со своей добычей?

Наверное, я понял, но прогнал от себя эту догадку, казавшуюся тогда неуместной. Теперь мне нечего было сказать, да я и не мог думать ни о чем — только мечтал, чтобы поскорее наступила ночь.

Но посланные за нами люди подоспели раньше: четверо жилистых парней с бердышами, по виду — из крестьян, и пятый — с офицерским эспадроном, чем-то смахивавший на армигера. Возможно, эти люди были в толпе, окружавшей

помост, и вместе со всеми наблюдали за нашим прибытием. Во всяком случае, они явно не желали рисковать и окружили нас, держа оружие наготове, хоть и приветствовали нас как друзей и соратников. Иона вел себя как нельзя лучше. Пока нас вели по лесным тропинкам, он без умолку болтал со спутниками. Я же не мог думать ни о чем, кроме предстоящего испытания. Я с трудом переставлял ноги, будто шел, чтобы воочию наблюдать конец света.

За время пути Урс повернулся спиной к солнцу. Через густые кроны не проникал ни один звездный луч, но наши проводники так хорошо знали дорогу, что даже не замедлили шага. Я то и дело порывался спросить у них, будут ли нас принуждать разделить эту трапезу, хотя и так знал, что отказаться или даже выразить подобное желание означало бы навсегда лишиться доверия Водалуса, свободы, а может, и жизни.

По мере того, как я приходил во все большее отчаяние, пять наших сторожей, которые вначале не очень-то охотно отвечали на шуточки и прибаутки Ионы, становились все веселее, словно держали путь в питейное заведение или в бордель. И хотя я ясно слышал в их голосах нетерпение, фразы, которыми они обменивались,

оставались для меня столь же непонятными, как разговор распутников — для малолетнего ребенка.

— Далеко нынче собираешься? Опять совсем потонешь? — Это произнес кто-то сзади — просто голос из темноты.

— Клянусь Эребусом, я собираюсь нырнуть так глубоко, что вы меня до зимы не увидите.

Я узнал голос армигера:

— Кто-нибудь из вас ее видел? — Если в остальных голосах слышалось только грубое вожделение, то в этих простых словах звучала невыносимая жажда. Так спрашивает о потерянном доме заблудившийся путник.

— Нет, Вальдграв.

Другой голос:

— Алкмунд говорил, что в самый раз — не старая и не слишком молоденькая.

— Надеюсь, на этот раз не лесбиянка.

— Я не…

Голос оборвался, или, может быть, я просто перестал прислушиваться, потому что увидел впереди проблеск света.

Еще через несколько шагов я уже мог различить факелы и услышал многоголосый шум. Кто-то впереди велел нам остановиться. Армигер

выступил вперед и шепотом назвал пароль.

Вскоре я уже сидел на мягкой земле. По правую руку от меня опустился Иона, а по левую стоял низкий резной стул. Все остальные (как будто они ждали нашего прибытия) расположились по кругу, в центре которого висел на ветке коптящий светильник, испускающий неяркий оранжевый свет.

Народу было меньше, чем днем на поляне, — не более одной трети, но по их одежде и оружию я заключил, что они принадлежат к высшему рангу. По-видимому, здесь были и простые воины, пользующиеся особым расположением Водалуса. На каждую женщину приходилось четверо-пятеро мужчин, но первые казались не менее воинственными, а их лица выражали еще большее нетерпение, чем мужские.

Мы ждали довольно долго. Наконец из темноты появился Водалус. Он пересек круг, ступая, как актер на подмостках. Все встали и снова заняли свои места, лишь когда он опустился на резной стул слева от меня.

Почти в тот же момент рядом со светильником появился человек, одетый в ливрею, какую в хороших домах носят слуги высшего разряда. Он держал поднос с двумя бутылками, большой

и маленькой, и хрустальным кубком. Поднялся шум — то был не говор, а сотни других звуков, выражавших удовлетворение и нетерпение. Человек с подносом некоторое время стоял неподвижно, потом тронулся к Водалусу, размеренно и торжественно. За спиной у меня раздался воркующий голос Теа:

— Вон в той маленькой бутылочке — альзабо, о котором я тебе рассказывала. В другой — травяной настой для смягчения желудка. Ты должен сделать один полный глоток их смеси.

Водалус взглянул на нее с удивлением.

Она вошла в круг, шагнув между мною и Ионой, и заняла место по левую руку от Водалуса. Водалус наклонился к ней, как видно, желая что-то спросить, но счел момент неподходящим, ибо в это время человек с подносом начал смешивать в кубке содержимое бутылок.

Поднос чуть покачивался, отчего жидкость в кубке слегка колебалась.

— Довольно, — сказал Водалус. Он взял кубок обеими руками и поднес его к губам, затем передал мне. — Как уже сказала шатлена Теа, тебе следует сделать один полный глоток. Если проглотишь меньше, не сможешь воссоединиться. А если больше — это не пойдет тебе на пользу, а

драгоценное снадобье будет потрачено впустую.

Я отпил из кубка, как он велел. Смесь оказалась горькой, как полынь, и зловонной, сразу вызвав во мне воспоминание об одном зимнем дне, когда мне приказали вычистить выгребную яму с отбросами. На мгновение я почувствовал приступ тошноты, как там, у ручья, хотя в желудке у меня было пусто. Я подавил дурноту, проглотил жидкость, а потом передал кубок Ионе. В тот же миг мой рот стал наполняться слюной.

Иона проделал все с тем же трудом, что и я, если не с большим, но справился с собой и передал кубок Вальдграву, который командовал нашими стражами. Потом кубок пошел по кругу. Его содержимого хватило человек на десять, после чего слуга в ливрее снова смешал жидкость в кубке и опять пустил его по кругу.

Постепенно человек в ливрее будто стал утрачивать объем, и вскоре я уже видел лишь силуэт — плоскую раскрашенную фигурку на фоне леса. На память тут же пришли марионетки, которые приснились мне, когда я спал на одной кровати с Балдандерсом.

Все люди, составлявшие круг, а их было человек тридцать или сорок, тоже казались вырезанными из бумаги, а сам круг превратился в нечто вроде

игрушечной короны. Водалус слева от меня и Иона справа выглядели нормально, но армигер и Теа уже преображались.

Когда человек в ливрее дошел до Теа, Водалус поднялся и, двигаясь без малейших усилий, словно несомый ветром, проплыл к светильнику. В оранжевом свете он казался совсем далеким, но я ощущал на себе его взгляд, как чувствуешь тепло жаровни, в которой калится железо.

— Перед воссоединением вы должны принести клятву, — проговорил Водалус, и все деревья торжественно кивнули. — Клянетесь ли вы той, второй жизнью, с которой вскоре воссоединитесь, что никогда не предадите собравшихся здесь? Клянетесь ли вы повиноваться без сомнений и колебаний Водалусу, вождю вашему, и принять смерть за него?

Я кивнул вместе с деревьями, но, сообразив, что этого недостаточно, произнес:

— Согласен.

- А Иона?

— Да.

— И вы станете подчиняться, как ему самому, любому человеку, которого он поставит над вами?

— Да.

— Да.

— И клятва эта будет для вас превыше всех других клятв в прошлом и будущем?

— Да, — сказал Иона.

— Да, — повторил я.

Ветер затих, словно какой-то беспокойный дух, вселившийся в собрание, покинул нас. Водалус опять сидел на стуле рядом. Он склонился ко мне. Я не заметил, чтобы речь его звучала невнятно, но глаза говорили, что альзабо подействовал на него не меньше, чем на меня.

— Я не мудрец, — начал он, — но знаю, что самые великие цели зачастую достигаются самыми низменными способами. Купля-продажа соединяет народы, вываренные внутренности дрянной скотины — слоновую кость и драгоценное дерево алтарей и реликвариев, стыдливо скрываемые под одеждой органы — мужчин и женщин. Так же соединимся и мы — ты и я. И так же мы все соединимся спустя несколько мгновений с умершим другом, который возродится к жизни в нас благодаря жидкости, выжатой из органов мерзейшего из зверей. Так на навозе взрастают цветы.

Я кивнул.

— Так учили нас наши союзники — те, кто ждет, пока человек снова очистится, дабы соединиться

с ними в деле покорения вселенной. Этого зверя привезли другие — для своих грязных целей, которые они надеялись сохранить в тайне. Я говорю тебе об этом, потому что по дороге в Обитель Абсолюта ты можешь повстречаться с ними. Простой народ зовет их какогенами, а образованные люди — экстрасолярия или иеродулами. Постарайся не привлекать к себе их внимания, потому что при близком знакомстве они по некоторым признакам сразу распознают в тебе принимавшего альзабо.

— В Обитель Абсолюта? — Эта мысль на мгновение рассеяла наркотический туман, но всего лишь на мгновение.

— Разумеется. У меня там есть человек, которому требуется передать некоторые распоряжения. Я же узнал, что бродячую труппу, к которой ты некогда принадлежал, через несколько дней допустят туда на торжества. Ты снова присоединишься к ним, чтобы выполнить мое поручение. Отдашь вот это, — он сунул руку в складки мантии, — тому, кто скажет тебе: «Морской странник завидел землю». А если он, в свою очередь, вручит тебе послание, передашь его любому, от кого услышишь: «Я из лесного святилища».

— Сьер, — сказал я. — У меня голова идет кру-

гом. — Следующая моя фраза была намеренной ложью: — Я ничего не смогу вспомнить, уже забыл, о чем мы говорили. Вы и вправду знаете, что Доркас и прочие будут в Обители Абсолюта?

Водалус вложил мне в ладонь небольшой предмет, напоминавший по форме нож, но на самом деле — что-то другое. Присмотревшись, я понял, что это огниво, точнее, кусок кремня, используемый для разжигания костра.

— Ты всё запомнишь, — продолжал он. — И никогда не забудешь данной мне клятвы. Многие из тех, кого ты здесь видишь, думали, что приходят сюда лишь единожды.

— Но, сьер. Обитель Абсолюта…

Из-под деревьев послышались звуки свирели.

— Мы скоро расстанемся. Я должен сопровождать невесту. Но не бойся. Не так давно ты повстречался с одним торговцем…

— Хильдегрин? Сьер, я ничего не понимаю.

— Это одно из его имен. Он решил, что слишком уж большая редкость встретить палача так далеко от Цитадели, да еще такого, которому известно обо мне. Вот и подумал, что ты стоишь того, чтобы не выпускать тебя из виду, хотя не знал, что я обязан тебе жизнью. К несчастью, наблюдатели потеряли твой след у Стены, поэтому они стали

следить за твоими товарищами по путешествию в надежде, что ты к ним снова присоединишься. Я предположил, что изгнанник может перейти на нашу сторону, и, таким образом, жизнь моего бедного Барноха окажется в безопасности на долгое время — достаточное, чтобы мы смогли прийти к нему на помощь. Прошлой ночью я сам ездил в Сальтус, желая переговорить с тобой, но дело кончилось лишь тем, что у меня украли любимого коня. Сегодня нам уже нужно было заполучить тебя любыми средствами, чтобы ты не успел продемонстрировать свое искусство на моем подданном. Но я все еще надеялся склонить тебя на нашу сторону и приказал доставить тебя живьем. Это стоило мне троих, а получил я двоих. Теперь вопрос — перевесят ли эти двое ту троицу?

Потом Водалус встал, слегка покачиваясь. Я возблагодарил Святую Катарину за то, что мне не надо было подниматься: вне всяких сомнений, ноги не стали бы держать меня. Между деревьев под звуки свирели плыло что-то туманное и белое, высотою в два человеческих роста. Все головы повернулись туда, а Водалус двинулся навстречу. Теа перегнулась через его стул ко мне.

— Правда, она прекрасна? Это настоящее чудо.

То была женщина, восседавшая на серебряных носилках, которые несли шестеро мужчин. На мгновение я подумал, что это Текла — в оранжевом свете сходство усиливалось. Потом я понял, что вижу просто ее образ, сделанный, скорее всего, из воска.

— Говорят, это опасно, — проворковала Теа, — когда кто-то из воссоединяющихся знал умершего. Смешение воспоминаний может возмутить разум. И все же я, любившая ее, рискну слиться с ней. По тому, как ты говорил о ней, я поняла, что и ты был бы не прочь. Поэтому я ничего не сказала Водалусу.

Фигуру внесли в круг, Водалус коснулся ее руки. От носилок исходил запах, который трудно было с чем-нибудь спутать. Я вспоминал агути, которых подавали на наших праздниках, с мехом из кусочков кокосовых орехов и глазами из засахаренных фруктов, и понял, что передо мною всего-навсего такое же блюдо — ломтики жареного мяса, которым придали вид человеческого существа.

Думаю, что, если бы не альзабо, я тогда сошел бы с ума. Альзабо стоял между моим восприятием и реальностью, как призрачный великан, сквозь которого все можно видеть, но ничто не доходит до сознания. У меня был и другой союзник: во

мне росла уверенность, что если я подчинюсь, то впитаю часть содержимого Теклы, остатки ее разума, которые в противном случае исчезли бы бесследно, войдут в меня и останутся жить во мне, пусть малой толикой, но навсегда.

И я подчинился. Предстоящее перестало казаться омерзительным или пугающим. Я приветствовал Теклу каждой частицей своего существа, самые сокровенные глубины духа распахнулись ей навстречу. Тут же, рожденный наркотическим опьянением, пришел невыносимый голод, который никакая другая пища не в силах была утолить. Когда я обвел взором круг, я увидел тот же голод на каждом лице.

Ливрейный слуга, наверное, один из прежних дворецких Водалуса, отправившийся с ним в изгнание, присоединился к тем, что несли Теклу, и помог поставить носилки на землю. На несколько мгновений люди сомкнулись вокруг носилок, скрыв их из виду. Когда они разошлись, Теклы не стало: не было ничего, кроме дымящегося мяса на белой скатерти…

Я ел, и ждал, и мысленно молил ее о прощении. Она заслуживала самой величественной усыпальницы из бесценного мрамора. Вместо этого части ее предстояло быть навеки заключенной в

мастерской палача с корявым долом и орудиями пытки, наспех замаскированными гирляндами цветов. Ночной воздух был прохладен, но я обливался потом. Я ждал ее прихода, чувствуя, как капли катятся по моей обнаженной груди, и уставившись в землю, потому что боялся увидеть ее в лицах остальных, раньше, чем почувствую ее присутствие в себе.

И как раз, когда я уже отчаялся, она пришла и заполнила меня, как музыка заполняет дом. Я был с ней: ребенком я пробегал мимо Асиса. Я узнал древнюю усадьбу, окруженную темным озером, и вид из пыльных чердачных окон, и потайное место в углу между двумя комнатами, где мы прятались ночью, чтобы почитать при свете свечи. Я узнал всю жизнь при дворе Автарха, где яд всегда наготове в алмазной чаше. Я узнал, что чувствует тот, кто никогда не видел темницы и не ощущал на себе удара бича, став узником палачей; я понял, что такое умирать и умереть.

Я узнал, что значил для нее гораздо больше, чем когда-либо мог надеяться. Наконец, я провалился в сон, и все мои сны были о ней. Не просто воспоминания — воспоминаниями я обладал в избытке. Я держал ее бледную холодную руку, и на мне больше не было ни отрепьев ученика,

ни черного плаща подмастерья. Мы были одним существом, обнаженным, чистым и счастливым. Мы знали, что ее больше нет, а я еще живу, но это было совсем неважно, и наши волосы переплетались, и мы читали одну и ту же книгу и говорили и пели совсем о другом.

Глава 12
Ночницы

Я очнулся от снов о Текле как раз к утру. В какой-то миг мы молча шли по странной местности, которая могла быть только раем — говорят, Новое Солнце открывает его для каждого, кто взывает к нему в последние минуты жизни. И хотя мудрые учат, что этот рай закрыт для самоубийц, я не могу не думать, что Он, который прощает так много, должен иногда прощать и это прегрешение. И сразу же вслед за этим я почувствовал холод, увидел неприятный свет, услышал пение птиц.

Я сел. Плащ насквозь промок от росы, и роса покрывала мое лицо, как пот. Рядом со мной зашевелился Иона. В десяти шагах от нас два огромных коня — один цвета белого вина, второй черный, без единого пятна — нетерпеливо грызли удила и рыли землю копытами. Ни от пира, ни от пирующих не осталось и следа, как и от Теклы, которую я никогда больше не увижу и не надеюсь увидеть в этой жизни.

«Терминус Эст», в жестких, хорошо промасленных ножнах, лежал рядом на траве. Я поднял

его и стал спускаться по склону холма, пока не наткнулся на ручеек. Там я сделал все, что было в моих силах, чтобы привести себя в порядок. Когда я вернулся, Иона уже не спал. Я показал ему дорогу к воде и, пока его не было, попрощался с покойной Теклой.

И все же какая-то частица ее до сих пор пребывает во мне. Время от времени я становлюсь не собой, но ею, как будто мой разум превращается в картину под стеклом, а Текла стоит напротив и отражается в этом стекле. И с той ночи, когда бы я ни подумал о ней, не имея при этом в виду определенного места или времени, Текла появляется перед моим внутренним взором стоящей перед зеркалом в искристом снежно-белом одеянии, едва прикрывающем грудь и прихотливыми складками ниспадающем на пол. Я вижу, как она замирает на мгновение, протянув руки, чтобы коснуться моего лица.

Потом какой-то вихрь уносит ее в комнату, где и стены, и потолок, и пол — зеркала. Несомненно, это не что иное, как ее собственное воспоминание, которое запечатлелось в виде ее отражения в тех зеркалах, но вот она делает шаг, другой и растворяется в темноте, и я не вижу ее больше.

К тому времени, как вернулся Иона, я уже сумел

побороть свою печаль и сделать вид, что меня тоже интересуют доставшиеся нам кони.

— Вороной тебе, — объявил Иона, — а кремовый, конечно, для меня. Между прочим, каждый из них стоит раза в два больше, чем мы с тобой вместе взятые, как сказал моряк врачу, который отнял ему обе ноги. Куда мы держим путь?

— В Обитель Абсолюта.

На его лице появилось недоверчивое выражение.

— Разве ты не подслушивал наш с Водалусом разговор прошлой ночью?

— Я слышал название, но не понял, что нас туда посылают.

Как уже упоминалось, я не мастер ездить верхом, но я сунул ногу в стремя и уселся верхом. На коне, которого я украл у Водалуса два дня назад, было тяжелое боевое седло. Оно поразительно неудобно для человека, но зато из него почти невозможно вывалиться. Вороной же нес плоское седло, подбитое бархатом, что было и слишком роскошно, и совершенно ненадежно. Я еще не успел стиснуть его бока ногами, как он уже начал плясать на месте.

Наверное, это было самое неподходящее время, но другого у меня просто не нашлось, поэтому

я спросил:

— Ты все помнишь?

— О той женщине прошлой ночью? Ничего. — Он осадил своего коня, потом отпустил поводья и послал его в галоп. — Я ведь ничего не ел. Водалус наблюдал за тобой, а после того, как все глотнули этого зелья, за мной уже никто не смотрел, да и в любом случае я навострился только делать вид, что ем.

Я с изумлением взглянул на него.

— Я и с тобой то же проделывал — например, вчера за завтраком. Во-первых, у меня плохой аппетит, а во-вторых, я нахожу это полезным для общества. — Он пустил коня вниз по лесной тропе и крикнул мне через плечо:

— К счастью, я знаю дорогу, по крайней мере, большую ее часть. Но не скажешь ли, зачем мы туда едем?

— Там будут Доркас и Иолента, — ответил я. — И у меня есть поручение от нашего сеньора, Водалуса. — Поскольку за нами почти наверняка следили, я не сказал, что не собираюсь его выполнять.

Дабы повесть о моих приключениях не затянулась до бесконечности, я должен лишь мимоходом коснуться событий нескольких по-

следующих дней. За время пути я рассказал Ионе обо всем, что услышал от Водалуса, и о многом другом. Мы останавливались в деревнях и селеньях, когда те встречались на пути, и там, где мы устраивали остановки, я практиковался в своем ремесле, если оно находило спрос — не ради денег (потому что у нас были при себе кошельки, которые дала нам в дорогу шатлена Теа, да еще почти все, что я получил в Сальтусе, плюс деньги, вырученные Ионой за золото обезьяночеловека), а чтобы не возбуждать подозрений.

Четвертое утро застало нас все еще в пути на север. Справа блестел под солнцем Гьолл, будто ленивый дракон, охраняющий запретную дорогу, что выходила из леса к его травянистым берегам. Накануне мы видели наряды уланов — верхом, с пиками, как те, что убивали путников у Врат Скорби.

Иона, которого с самого начала нашего путешествия не покидала тревога, пробормотал:

— Если мы хотим к вечеру попасть в Обитель Абсолюта, надо торопиться. Жаль, что Водалус не дал тебе точных сведений, когда начинаются празднества и сколько они продлятся.

Я спросил:

— Значит, нам еще долго ехать?

Он показал на островок посреди реки.

— Мне кажется, я его помню. Когда я был в двух днях пути от него, какие-то путники сказали, что до Обители Абсолюта рукой подать. Они предупреждали меня о стражниках.

По его примеру я позволил моему скакуну перейти на рысь.

— И ты шел пешком.

— Нет, ехал на моем мерихипе. Боюсь, я больше никогда не увижу бедное животное. Могу заверить тебя, ему было далеко до наших коней. Но все-таки не в два же раза они быстрее.

Я собирался успокоить его, сказав, что Водалус не стал бы нас посылать, не будь он уверен в нашей расторопности, но в это время что-то, на первый взгляд похожее на огромную летучую мышь, пролетело прямо над моей головой.

Я не знал, что это такое, зато Иона, по-видимому, знал. Он прокричал какие-то слова, которых я не понял, потом ударил моего коня концом своего повода. Конь рванулся вперед, едва не выбросив меня из седла, и вот мы уже неслись сумасшедшим галопом. Я помню, что чудом проскочил между двумя деревьями — ни с той, ни с другой стороны не оставалось ни малейшего зазора, а у меня над головой на фоне неба чернело пятно

сажи. В следующий миг оно уже билось в ветках у нас за спиной.

Когда мы вылетели из чащи и поскакали вниз, в сухую лощину, это существо как будто отстало, но, взбираясь на противоположный склон, мы снова увидели его — мерзкая тварь появилась из-за деревьев, еще больше прежнего похожая на рваную тряпку.

Она снова потеряла нас из виду на время, достаточное для того, чтобы наспех прочесть молитву, но вот уже опять неслась в воздухе на бреющем полете, скользя нам наперерез. Я вытащил «Терминус Эст» из ножен и резко развернул вороного, поставив его между летучей тварью и Ионой.

Как ни быстры были наши кони, она двигалась быстрее. Если бы у меня был заостренный на конце клинок, я попробовал бы проткнуть ее в полете. И если бы я так поступил, то наверняка поплатился бы жизнью. Но я нанес рубящий удар, держа меч обеими руками. Это было все равно что рубить воздух, и я уже решил, что она слишком легкая и упругая, даже для такого удивительно острого лезвия. Но в следующее мгновение она развалилась надвое, как тряпка. На меня дунуло теплом, как будто открылась и тут же бесшумно закрылась дверь хлева.

Я хотел спешиться, чтобы рассмотреть ее, но Иона впереди кричал и махал мне рукой. Я догнал его. Густые леса, окружавшие Сальтус, остались позади. Теперь мы оказались среди крутых холмов, поросших там и сям кедровыми рощами. Мы, прижавшись к шеям лошадей, как сумасшедшие вломились в густое переплетение веток на вершине холма.

Деревья росли так тесно, что скоро кони перешли на шаг, а потом мы почти сразу же уперлись в скалу и остановились. Я слышал шум позади — сухое трепетание, как будто в кроне дерева билась раненая птица. Я почти задыхался от тяжелого лекарственного аромата хвои, заполнявшего легкие.

— Надо выбираться отсюда, — выдохнул Иона, — или, по крайней мере, двигаться. — Видимо, он наткнулся на обломанную ветку, потому что по его щеке стекала струйка крови. Осмотревшись по сторонам, он повернул коня направо, к реке, и погнал его в казавшуюся непроходимой чащобу.

Я предоставил ему прокладывать тропу, рассудив, что, если черное создание настигнет нас, мне придется защищаться. Тут же я увидел его сквозь серо-зеленую крону, а следом, чуть в отдалении,

появилась и вторая тварь, точно такая же, как первая.

Лес кончился, мы снова смогли пустить коней вскачь. Трепещущие обрывки ночи неслись по пятам, но хотя из-за меньшего размера их движения казались более быстрыми, скорость у них была меньше, чем у первой, той, что я убил, и которая была гораздо крупнее.

— Надо найти огонь! — выпалил Иона, перекрикивая барабанную дробь копыт. — Или убить крупное животное. Если вспороть брюхо одного из наших, может помочь. Но если не поможет, нам не выбраться.

Я кивнул, показав, что тоже против этого, хотя в уме у меня мелькнуло, что мой конь все равно едва держится на ногах от усталости. Иона даже позволял своему замедлять бег, чтобы не отрываться от нас. Я спросил:

— Чего они хотят? Крови?

— Тепла.

Иона круто повернул коня вправо и шлепнул его по боку железной рукой. Наверное, удар был не слабым — потому что животное прыгнуло вперед как ужаленное. Кони бросились вниз, к сухому руслу ручья, скользя по крутому песчаному склону и садясь на задние ноги. Внизу была

твердая, ровная почва. Там они могли показать наилучшую резвость.

За нашей спиной трепетали черные лохмотья. Они летели на высоте примерно в два дерева. Казалось, их несет ветер, хотя по траве было видно, что он дует в противоположную сторону.

Впереди голая земля обрывалась так же ровно и резко, как шов разделяет куски ткани. Дальше тянулась извилистая зеленая лента. Я кричал своему коню в ухо, подгонял ударами меча. Он был весь в пене, по бокам стекали струйки пота и крови от колючих веток кедров. Я слышал предостерегающие крики Ионы, но не обращал на них внимания.

Мы проскакали поворот, и через просвет в деревьях я увидел блеск реки. Еще один поворот — черные опять замаячили за спиной, и, наконец, далеко впереди показалось то, что я так ожидал увидеть. Наверное, мне стоило бы об этом умолчать, но я поднял меч к небу, к угасающему солнцу, чье сердце подтачивал червь, и воззвал:

— Его жизнь в обмен на мою, Новое Солнце! Твоим гневом и моей надеждой!

Улан, а он ехал в одиночестве, наверняка принял мой жест за угрозу (как оно и было в действительности). Он пришпорил лошадь. Го-

лубое сияние вокруг кончика его ствола стало приближаться. Как ни был измотан мой конь, он мчался, словно заяц, преследуемый сворой. Рывок поводьев, и он круто завернул, оставив на зеленой траве глубокую борозду от подков. Еще один вдох, и мы уже неслись вскачь в противоположном направлении, навстречу черным преследователям. Не знаю, угадал ли Иона мой план, но он последовал за мной.

Одна из трепещущих тварей нырнула вниз. Она казалась бесплотной, просто дырой во вселенной, потому что была абсолютно черна: свет тонул в ней, как в моем плаще. Она устремилась на Иону, но оказалась в пределах досягаемости моего меча. Я рассек ее пополам, снова на меня повеяло теплом, и, поскольку я знал, откуда исходит это тепло, оно показалось мне отвратительнее самого мерзостного запаха; одно его ощущение на коже вызывало дурноту. Я круто свернул в сторону, прочь от реки, каждое мгновение ожидая выстрела. Едва мы миновали дорогу, как он грянул, вспоров землю и воспламенив сухое дерево.

Я резко осадил вороного, который задрал голову, поднялся на дыбы и заржал. Я обвел взглядом пространство вокруг горящего дерева, но там никого не было. Тогда я оглянулся на Иону, боясь,

что они все-таки напали на него.

Там их тоже не было, но Иона показал взглядом, где их искать: три черные тени метались вокруг улана, а он пытался защищаться. Выстрел за выстрелом сотрясали воздух почти непрерывно, как раскаты грома. От каждого выстрела меркло солнце, но сама ярость, с которой он пытался уничтожить их, казалось, вливала в них новые силы. Они уже не летали, а метались, как черные лучи, и с каждым разом все ближе к улану, пока вдруг все не оказались прямо перед его лицом. Все это заняло меньше времени, чем мое описание происходившего. Улан сполз с седла, его руки разжались, ружье упало на землю.

Глава 13
Коготь Миротворца

— Он мертв? — крикнул я.

Иона кивнул в ответ. Я уже собирался ехать дальше, но он сделал мне знак присоединиться к нему, а сам спешился. Когда мы встретились около тела улана, он сказал:

— Надо уничтожить их, чтобы они не причинили больше вреда ни нам, ни другим. Они сейчас насытились — можно попробовать. Нужно что-нибудь водонепроницаемое — железное или стеклянное.

У меня с собой ничего такого не было, о чем я и сообщил Ионе.

— У меня тоже. — Он склонился над уланом, вывернул его карманы. Душистый дым от горящего дерева наполнял воздух, как аромат воскурений, и я словно снова очутился в Храме Пелерин. Подстилка из иголок и сухих листьев, на которой лежал улан, превратилась в устланный соломой пол, а стволы деревьев — в колонны.

— Вот, — обрадовался Иона. Он держал в руках бронзовый сосуд. Отвернув крышечку, он вы-

тряхнул из него сухие травы, потом перевернул тело на спину.

— Где они? — спросил я. — Растворились в теле?

Иона отрицательно помотал головой и стал очень осторожно и медленно извлекать одно из черных существ из левой ноздри улана. Оно было как лист лучшей тончайшей бумаги, только совершенно непрозрачное. Я подивился его осторожности.

— А что случится, если она порвется?

— Сейчас она сыта, но, если ее разделить, она потеряет энергию, их станет вдвое больше, и тогда с ними не справиться. Между прочим, множество людей погибли, обнаружив, что этих существ нетрудно разрезать. Вот они и занимались этим с прискорбным упорством, до тех пор пока их не окружало такое множество, что обороняться становилось невозможно.

Один глаз улана был приоткрыт. Мне часто приходилось видеть трупы, но сейчас меня не покидало отвратительное ощущение, что он наблюдает за мной, следит за человеком, который принес в жертву его жизнь, чтобы спасти свою. Дабы отвлечься от этого ощущения, я промямлил:

— Кажется, когда я разрубил первую, они стали летать не так быстро.

Иона уже переправил сгусток ужаса в сосуд, а теперь доставал вторую тварь из правой ноздри. Он пробормотал:

— Скорость полета зависит от площади поверхности крыльев. Если бы не этот закон, те, кто их посылает, расчленяли бы их на мельчайшие кусочки.

— Ты говоришь так, будто тебе уже приходилось иметь с ними дело.

— Однажды мы стояли в порту, где их использовали в ритуальных убийствах. Наверное, кто-нибудь и завез их оттуда, хотя в здешних местах я встречаю их впервые. — Он открыл сосуд и положил второе существо поверх первого, которое при этом лениво шевельнулось. — Они там сольются — знающие люди именно так и поступают, чтобы соединить несколько в одну. Сомневаюсь, заметил ли ты, но, когда они пролетали через лес, ветки разорвали их, а потом они опять соединились в полете.

— Есть еще одна, — напомнил я.

Он кивнул и ножом разжал челюсти мертвеца. Там не было ни зубов, ни языка, ни неба — только бездонный провал. На мгновение мой желудок

свело судорогой. Иона вынул третье существо, с которого сочилась слюна мертвеца.

— Если бы я не разрубил ее второй раз, то у него осталась бы свободной одна из ноздрей или рот. Тогда он остался бы жив?

— Только до тех пор, пока они не проникли бы в легкие. Нам повезло, что мы добрались до них так быстро. Иначе тебе пришлось бы расчленять тело.

Дым напомнил мне о горящем дереве.

— Если им нужно тепло…

— Они предпочитают живое тепло, хотя иногда их можно отвлечь огнем, особенно когда горит живое растение. Думаю, им нужно не просто тепло. Может быть, энергетическое излучение растущих клеток. — Иона поместил в сосуд третью и плотно завинтил крышку. — Мы называли их ночницами, потому что они обычно появлялись после наступления темноты, когда их совсем не видно. Первым знаком приближения всегда было теплое дуновение. Но я понятия не имею, как их называют местные жители.

— А где этот остров?

Он бросил на меня странный взгляд.

— Далеко ли от побережья? Всегда хотел повидать Уроборос, хоть, думаю, это и небезопасно.

— Очень далеко, — неохотно ответил Иона. — Очень, очень далеко. Подожди-ка…

Он подошел к берегу и метнул сосуд. Тот плюхнулся в воду чуть ли не на середине реки. Когда Иона вернулся, я спросил:

— Может быть, мы могли бы как-нибудь использовать их сами? Мне кажется, тот, кто их послал, отступать не собирается. Вот они бы и пригодились.

— Они не стали бы нам подчиняться, а мир куда лучше без них, как сказала жена мясника, отрезая его мужские принадлежности. Нам пора. Я вижу людей на дороге.

Я посмотрел, куда он показывает, и увидел двоих пеших. Иона поймал за повод своего коня, который пил воду, и уже собирался запрыгнуть в седло.

— Постой-ка, — попросил я. — Или отойди пару чейнов в сторону и жди там. — Я вспоминал кровоточащий обрубок обезьяночеловека и видел тусклые, пунцовые и алые лампады храма, которые, казалось, вдруг повисли вокруг меня на ветвях деревьев. Я просунул руку глубоко в голенище и достал Коготь.

В первый раз я видел его при ярком дневном свете. Он вобрал в себя весь солнечный свет и

сам сиял, как Новое Солнце, излучая не только синий, но и все его оттенки — от фиолетового до цианового. Я положил камень на лоб улана и попытался мысленно пожелать, чтобы он ожил.

— Идем, — окликнул меня Иона. — Что ты там делаешь?

Я не знал, что ответить.

— Парень еще жив! — крикнул Иона. — Убирайся подальше с дороги, пока он не схватился за ружье. — Он тронул коня.

В это время донесся едва слышный голос, показавшийся мне знакомым:

— Хозяин!

Один из путников замахал рукой, потом оба бегом (пустились в нашу сторону.

— Да это Гефор! — удивился я, но Иона уже ехал прочь. Я оглянулся на улана. Оба его глаза были открыты, а грудь поднималась и опускалась. Когда я убрал с его лба Коготь и сунул его обратно в голенище, улан сел. Я крикнул Гефору и его спутнику, чтобы они сошли с дороги, но они, как видно, не поняли.

— Кто ты?

— Друг, — ответил я.

Улан совсем ослаб, но попытался встать. Я протянул ему руку и помог подняться. Некоторое

время он недоуменно разглядывал все вокруг: меня, двух бегущих к нему мужчин, реку, деревья. Вид коней, казалось, напугал его, даже его собственного, который терпеливо стоял рядом и ждал хозяина.

— Где я?

— На старой дороге у Гьолла.

Он потряс головой и сжал ее руками.

Тут подбежал Гефор, тяжело дыша, как собака, которая примчалась на зов хозяина и ждет, чтобы ее за это погладили. Его спутник, которого он опередил на сотню-другую шагов, толстый, в кричащей одежде, смахивал на мелочного торговца.

— Х-х-хозяин, — заговорил запыхавшийся Гефор, — ты и п-п-редставить себе не можешь, сколько с-с-смер-тельных бед и н-н-невзгод пришлось нам претерпеть, д-д-добираясь к тебе через высокие горы, г-г-глубокие моря и широкие р-р-равнины сего лучшего из миров. Кто я такой, как не твой жалкий раб, как не опустевшая раковина, игралище т-т-тысяч приливов и отливов, как не странник, б-б-безжалостно оставленный в бескрайней пустыне? Ибо нет мне ни сна, ни п-п-окою вдали от тебя. Разве под силу тебе вообразить, о х-х-хозяин, скольких трудов нам стоило соединиться с тобой?

— При том что я оставил тебя в Сальтусе пешим, а сам ехал верхом, наверное, немалых.

— Вот именно, — сказал он. — Вот именно. — Он многозначительно посмотрел на своего спутника, будто мои слова служили подтверждением чего-то сказанного им ранее, и опустился на землю.

Улан медленно произнес:

— Я корнет Миней. А кто вы?

Гефор мотнул головой, будто кланяясь.

— Х-х-хозяин — благородный Северьян, слуга Автарха — чья моча льется вином для его подданных — из Гильдии Взыскующих Истины и Покаяния. Г-г-гефор — его нижайший слуга. Бевзек — тоже его нижайший слуга. Полагаю, что человек, который только что уехал, тоже его слуга.

Я жестом велел ему замолчать.

— Мы всего лишь бедные путники, корнет. Я увидел, что ты лежишь без движения, и поспешил к тебе на помощь. Всего минуту назад мы думали, что ты мертв, и, как видно, смерть была и в самом деле близка.

— Что это за место? — снова спросил он. Гефор с готовностью пустился в объяснения:

— Эта дорога лежит к северу от Куэско. Х-х-

хозяин, наш челн слепой ночью устремился в широкие воды Гьолла. Мы ступили на берег в Куэско. На палубе и под парусом мы п-п-преодолели сей путь — Бевзек и я. Пока счастливцы, подобно быстрокрылому в-в-ветру, неслись в Обитель Абсолюта, наш челн боролся с течением могучего Гьолла. Но он т-т-трудился неустанно и днем и ночью, и вот мы с вами.

— Обитель Абсолюта? — пробормотал улан. Я спросил:

— Он, наверное, недалеко отсюда?

— Я должен быть бдителен, как никогда.

— Уверен, скоро появится один из твоих товарищей. — Я поймал вороного и влез в седло.

— Х-х-хозяин, неужели ты снова нас покинешь? Бевзек лишь дважды лицезрел твое искусство.

Я хотел ему ответить, но мой взгляд уловил белое пятно между деревьями за дорогой. Там двигалось нечто огромное. Мне сразу пришла мысль о том, что наславший на нас ночниц мог держать наготове и другое оружие. Я сжал ногами бока вороного.

Он с места пустился в галоп. Больше чем полллиги мы скакали по узкой полоске земли между дорогой и рекой. Завидев Иону, я направил коня ему наперерез, догнал его и поведал о проис-

шедшем.

Пока я говорил, он, казалось, напряженно думал, потом заявил:

— Никогда не видел ничего похожего на то, о чем ты рассказываешь. Но мало ли чего я не видел.

— Но согласись, такое существо не может ни с того ни с сего разгуливать на свободе, как корова на пастбище.

Вместо ответа Иона указал вперед.

Усыпанная гравием дорожка, не более кубита в ширину, вилась между деревьев. Ее окаймляло множество диких цветов, хотя в природе мне никогда не приходилось видеть такого разнообразия растений в одном месте. А камешки на дорожке все были одного размера и сияли белизной. Верно, их привезли с какого-то неведомого берега. Подъехав поближе, я спросил Иону, что может означать такая тропинка.

— Только одно. Мы ступили на землю Обители Абсолюта.

И вдруг я вспомнил это место.

— Да, — заговорил я, — однажды мы с Жозефой и еще несколько человек устроили здесь рыбалку. Мы переправились у кривого дуба…

Иона недоуменно взглянул на меня, как будто

я внезапно повредился в рассудке. На мгновение я почувствовал, что действительно схожу с ума. Мне и прежде приходилось выезжать на природу, но теперь подо мной отчего-то оказался боевой конь. Мои скрюченные пальцы, как два паука, уже готовы были вцепиться в хозяйские глаза, но некий оборванец сбросил их вниз сильным ударом железной руки.

— Ты не шатлена Текла, — твердо сказал он. — Ты Северьян, подмастерье гильдии палачей, который имел несчастье любить ее. Взгляни-ка на себя!

Он протянул ко мне стальную ладонь, и я увидел лицо незнакомца — узкое, уродливое и до смерти напуганное, отражающееся в ее отполированной поверхности.

А увидев, вспомнил нашу башню и стены из гладкого темного металла.

— Я Северьян, — повторил я.

— Правильно. Шатлена Текла мертва.

— Иона…

— Да?

— Улан жив — ты только что видел его. Коготь вернул его к жизни. Я положил камень ему на лоб, а может, он просто увидел его мертвыми глазами. И сел. Он дышал и говорил со мной, Иона.

— Он не умирал.

— Ты же видел его, — возразил я.

— Я гораздо старше тебя. Еще старше, чем ты думаешь. И если я что-то и понял за время своих странствий, так это то, что мертвые не воскресают, а время не течет вспять. То, что было и ушло, не возвращается снова.

Лицо Теклы все еще стояло перед моими глазами, но пронесся темный ветер, и оно дрогнуло, потом исчезло вовсе. Я заговорил как в бреду:

— Если б я только использовал его, воззвал бы к силе Когтя на той трапезе в честь мертвой…

— Улан едва не задохнулся, но не успел умереть. Когда я освободил его от ночниц, он начал дышать и через некоторое время пришел в себя. А что до твоей Теклы — нет во вселенной силы, которая могла бы вернуть ее к жизни. Они, должно быть, выкопали ее, когда ты еще был в Цитадели, и хранили в ледяной пещере. Перед тем как показать нам, они выпотрошили ее, как куропатку, и зажарили мясо. — Он стиснул мою руку. — Северьян, не будь глупцом.

В эту минуту мне хотелось одного — умереть. Если бы вдруг опять появились ночницы, я с радостью бросился бы к ним в объятья. Но появились не они. Далеко внизу на тропинке показалась

белая фигура, такая же, как та, что я видел у реки. Я вырвал свою руку из руки Ионы и поскакал ей навстречу.

Глава 14
Вестибюль

Есть такие творения природы — и человека, — против существования которых восстает наш неискушенный разум. В конце концов, чтобы примириться с реальностью, мы говорим: «То было просто видение. Прекрасный и ужасающий призрак».

Где-то в водовороте других миров, которые мне вскоре предстоит познать, обитают существа, похожие и в то же время непохожие на людей. Они такого же роста, как и мы. Тела этих существ похожи на людские — только они совершенны, и законы этой гармонии непостижимы для человека. Как и у нас, у них есть глаза, нос и рот, но эти черты (а они, как я уже говорил, совершенны) выражают эмоции, которых мы никогда не ощущали, так что для нас глядеть в их лица — все равно что рассматривать древнюю и пугающую азбуку чувств, исполненных огромного значения, но недоступных пониманию.

Такие создания существуют, хотя я еще не встречался с ними, когда вступил в самый уда-

ленный из уголков садов Обители Абсолюта. То, что я видел среди деревьев у реки и к чему устремился навстречу теперь, было скорее гигантским изваянием подобного существа, в которое кто-то вдохнул жизнь. Плотью его был белый камень, а белые глаза, словно аккуратно вырезанные из яичной скорлупы, казались такими же слепыми, как глаза наших статуй. Своими замедленными движениями оно напоминало пьяного или одурманенного человека, но в этих движениях не чувствовалось неуверенности, и казалось, что, несмотря на невидящий взгляд, в нем присутствует сознание, каким бы медлительным оно ни было.

Я сделал сейчас паузу, чтобы перечитать написанное, и понял, что не сумел даже отдаленно передать впечатления, возникавшие при виде того создания. По сути своей оно было ближе всего к скульптуре. Если бы падший ангел подслушивал мой разговор с зеленым человеком, он мог бы создать его специально, дабы посмеяться надо мной. Каждый миг его существования нес в себе ясность и нетленность искусства и камня. Любой жест, положение головы, торса или конечностей могли бы не иметь продолжения или же повторяться до бесконечности, как час за

часом повторялись позы крохотных человечков на циферблате часов Валерии.

Первоначальный ужас, который я испытал при виде его, унесший прочь мое стремление к смерти, происходил от инстинктивного чувства, что оно несет в себе опасность. И тут же ужас сменился уверенностью, что оно не в состоянии причинить мне вред. Представьте, каким неимоверным облегчением было сознание безопасности после пережитого смертельного страха при виде этой безмолвной нечеловеческой фигуры. На мгновение забыв, что удар по этому живому камню нанесет непоправимый урон моему несравненному клинку, я обнажил «Терминус Эст» и осадил коня. Так мы и стояли неподвижно, словно тоже обратившись в статую, — застывший на месте конь и я с поднятым мечом. Даже ветер замер вместе с нами. А статуя тем временем медленно приближалась. Ее лицо, размером в три или четыре человеческих, выражало непостижимое чувство, а члены были исполнены пугающей и совершенной красоты.

Тут я услышал крик Ионы и звук удара. Когда я подоспел, он катался по земле, сцепившись с несколькими людьми в высоких шлемах. Люди эти то исчезали, то появлялись вновь. Что-то про-

свистело мимо уха, в тот же миг я почувствовал удар в руку, а еще через мгновение барахтался в паутине веревок, которые затягивались все туже, как маленькие удавы. Потом что-то дернуло меня за ногу, и я упал.

* * *

Когда я пришел в себя настолько, чтобы понимать, что происходит, на шее у меня была затянута проволочная петля, а кто-то уже рылся в моей ташке. Я ясно видел его руки, копошившиеся в ней, точно два бурых воробья. И лицо его я тоже видел — безмятежная маска, которая будто висела надо мной на невидимой ниточке. Раз или два, когда он шевелился, я замечал отблеск его удивительных доспехов. Потом я увидел их: так мы видим хрустальную чашу, погруженную в прозрачную воду. Думаю, все дело было в отражательной способности — их отполировали с таким нечеловеческим мастерством, что сам материал становился невидимым, а на поверхности кирас, латных воротников и наголенников мелькали лишь искаженные отражения зелени и стволов деревьев.

Невзирая на заявления, что я член гильдии, страж забрал все мои деньги (хотя оставил ко-

ричневую книгу Теклы, кусок точильного камня, масло, фланель и прочие незначительные предметы). Потом он одним искусным движением сдернул с меня все веревки и сунул их, как мне показалось, в подмышечное отверстие нагрудной пластины. Они напоминали хлыст, который мы называли «кошкой» — пучок ремней с грузом на конце каждого. Позже я узнал, что это оружие называется «ачико».

Потом он потянул за конец петли, чтобы поднять меня на ноги. Как уже не раз в сходных обстоятельствах, я отдавал себе отчет в том, что мы оба в каком-то смысле вовлечены в игру. Оба мы делали вид, что я полностью нахожусь в его власти, хотя на самом деле я мог бы отказаться подчиняться до тех пор, пока ему не пришлось бы либо придушить меня, либо позвать кого-нибудь из товарищей. Я мог бы, скажем, схватиться за проволоку и попытаться вырвать ее у него из рук, мог ударить его в лицо. Я мог бы убежать, пасть замертво или лишиться сознания, наконец, я мог валяться теперь в агонии. В общем, он не мог принудить меня к тому, что я сделал по собственной воле. Я встал.

По крайней мере, я точно знал, что это игра, и поэтому улыбнулся, когда он вложил «Терминус

Эст» в ножны и повел меня туда, где уже стоял Иона.

Иона пытался договориться с ними:

— Мы не причинили никакого вреда. Верните меч моего друга, отдайте наших коней, и мы уйдем.

Ему не ответили. В полной тишине двое стражников (я видел только их руки — четыре порхающих воробья) поймали наших коней и увели их прочь. Как похожи были на нас самих эти животные, покорно шедшие неизвестно куда, вслед за тонкой кожаной ленточкой, которую они могли бы порвать одним взмахом могучей головы. Мне кажется, из подобных несообразностей состоит чуть ли не девять десятых жизни.

Мы вышли из леса на бугристый луг, который постепенно перешел в газон. Статуя брела за нами. По дороге к ней присоединились около дюжины сородичей — все разные, но одинаково огромные и прекрасные. Я спросил Иону, что это за солдаты и куда нас ведут, но он не ответил, а за мои старания нас чуть не придушили.

Насколько я понял, они были с головы до ног одеты в броню, но до немыслимого совершенства отполированная поверхность сообщала материалу обманчивую мягкость, почти теку-

честь, которая сбивала с толку взгляд, потому что металл как бы растворялся в небесах и зелени уже на расстоянии в несколько шагов. Пройдя с пол-лиги по газону, мы вошли в рощу цветущих сливовых деревьев, и тут же на гребенчатых шлемах и оплечьях заплясали розовые и белые цветы.

Здесь мы вступили на извилистую дорожку. Мы уже почти миновали рощу, когда нас с Ионой грубо оттолкнули назад. Я услышал скрежет гравия под ногами каменных фигур, остановившихся вместе с нами — кажется, один из солдат подал им сигнал репликой, в которой я не разобрал ни единого слова. Я стоял и всматривался в просветы между ветками.

Передо мною лежала тропа, гораздо шире той, по которой мы пришли. По сути, это была садовая дорожка, но широкая, как подъездная аллея, вымощенная белыми каменными плитами и с обеих сторон огороженная мраморными парапетами. По ней двигалась удивительная процессия. Большинство пешком, но некоторые — верхом на всевозможных животных. Один тащил за собой косматого арктотера, другой взгромоздился на шею гигантского ленивца, зеленого, как лужайка. Не успела скрыться из виду эта группа,

как показалась следующая. Они были слишком далеко, чтобы различить лица, но я приметил группу, в которой над всеми, чуть ли не на три вершка, возвышалась склоненная голова. И тут же я узнал в процессии доктора Талоса. Он важно выступал, выпятив грудь и откинув голову. Моя милая, милая Доркас шла вслед за ним, более чем когда-либо похожая на одинокого ребенка, забредшего из какой-то высшей сферы. В трепете шалей и сиянии драгоценностей, под зонтиком, сидя боком на спине крошечного ослика, ехала Иолента, а позади всех, покорно толкая тележку с добром, не уместившимся за плечами, тащился тот, кого я узнал первым, — великан Балдандерс.

Если я испытывал боль, видя, как они проходят, и не имея возможности окликнуть их, то Иона, должно быть, испытывал настоящие муки. Когда Иолента почти поравнялась с ним, она вдруг повернула голову в нашу сторону. Тогда мне показалось, будто она уловила его желание. Так, говорят, нечистые духи в горах ловят запах мяса жертвенного животного. Но, несомненно, ее внимание привлекли всего-навсего цветущие деревья. Я слышал глубокий вздох Ионы, но первый звук ее имени застрял у него в горле от страшного удара, и он рухнул к моим ногам. Теперь, когда

я вспоминаю эту сцену, удар его железной руки о камни так же явственно оживает во мне, как аромат цветущих слив.

Когда актеры скрылись из виду, два стражника подняли Иону. Они несли его с такой легкостью, будто он был ребенком, но тогда я приписал это единственно их силе. Мы пересекли дорогу, по которой прошествовали бродячие труппы, и вступили в живую изгородь из роз. Кусты выше человеческого роста были усыпаны огромными белыми цветами. В них гнездилось множество птиц.

За изгородью начинался регулярный сад. Чтобы описать его, мне пришлось бы одолжить у Гефора его бредовое, спотыкающееся красноречие. Каждый холм, дерево, самый маленький цветок — все располагалось в нем в соответствии с замыслом великого садовника (Отца Инира, как я узнал позже), и от этого зрелища захватывало дух. Зритель ощущал себя центром, к которому устремлялось все, что он видел, но, пройдя сотню шагов или пол-лиги, он все равно оставался в центре. Каждая открывавшаяся взору картина, казалось, сообщает некую невыразимую истину, подобную откровению, снизошедшему на молчаливого отшельника.

Столь прекрасны были эти сады, что лишь через некоторое время я обратил внимание на отсутствие возвышающихся над кронами деревьев башен. Только птицы да облака, а еще выше — старое солнце да бледные звезды, словно мы бредем по священным небесным полям. Потом мы взобрались на гребень, более прекрасный, чем кобальтовая волна Уробороса, а под нашими ногами разверзлась пропасть. Я называю ее пропастью, но она не имела ничего общего с черной бездной, которая обычно встает перед внутренним взором, когда слышишь это слово. Скорее это был грот, полный фонтанов, ночных цветов и людей, еще более ярких, чем любой цветок, людей, которые предавались праздности у журчащих вод и беседовали под сенью деревьев.

Вдруг — будто рухнула стена и темницу залил поток света, в мой разум хлынула волна воспоминаний об Обители Абсолюта — те, что перетекли из жизни Теклы и стали теперь моими воспоминаниями. Я понял то, что прежде вызывало мое недоумение в пьесе доктора Талоса и подразумевалось во многих рассказах Теклы, хоть она и ни разу не говорила об этом прямо. Весь огромный дворец лежал под землей или, вернее, его крыши и стены были засыпаны почвой и засажены рас-

тениями, так что все это время мы прогуливались над священным троном Автарха, который, как мне представлялось, должен был находиться еще далеко впереди.

Мы не стали спускаться в грот, без сомнения, переходивший в покои, не предназначенные для узников, как не спустились и в следующий. Наконец, мы подошли к спуску, хоть и мрачному, но не менее красивому. Лестница, ведущая вниз, напоминала естественные нагромождения темных скал, неправильные, а иногда — довольно опасные. Сверху капала вода. Там, куда еще проникал солнечный свет, стены этой искусственной пещеры заросли папоротниками и темным плющом, а на тысячу ступеней ниже — были покрыты бледными грибами. Одни из них светились, другие — наполняли воздух странным затхлым запахом, третьи — наводили на мысль о фантастических фаллических фетишах.

В центре этого темного сада висело несколько бронзовых позеленевших гонгов. Мне пришло в голову, что они должны звенеть от ветра, хотя казалось невозможным, чтобы сюда могло долететь хотя бы слабое дуновение.

Я думал так до тех пор, пока один их преторианцев не открыл тяжелую дверь из бронзы и

источенного червями дерева в мрачной каменной стене. Оттуда донесся порыв сухого холодного воздуха, и все гонги разом завибрировали и зазвенели. Они были так хорошо подобраны по тонам, что этот звон казался настоящей музыкой — творением композитора, чьи мысли, как изгнанники, блуждали теперь меж здешних стен.

Разглядывая гонги (что не вызывало возражений у моих стражей), я обратил внимание на собравшихся наверху, которые прежде сопровождали нас. Их было не меньше сорока, они стояли на краю пропасти и смотрели вниз, застыв в неподвижности, как на фризе кенотафа.

Я ждал, что окажусь в маленькой одиночной камере — наверное, бессознательно проецировал представление о нашем подземелье на это незнакомое место. Трудно было даже вообразить что-либо менее похожее на наши казематы, чем то, что я увидел. Вход открывался не в узкий коридор с маленькими дверцами по обе стороны, а в просторное, устланное коврами помещение, на противоположном конце которого была другая дверь. У нее на страже стояли хастарии с сияющими копьями. По приказу одного из сопровождавших нас преторианцев они распахнули створы. За дверью открылся огромный полу-

темный зал с очень низким потолком. Я увидел десятки мужчин и женщин и несколько детей — парами или целыми группами, а больше по-одиночке. По-видимому, семьи занимали ниши, иногда отгороженные матерчатыми ширмами от остального пространства.

В этот огромный зал нас и втолкнули. Вернее, втолкнули меня, а Иону бросили. Я попытался поймать его в падении, и отчасти мне это удалось. По крайней мере, я не дал ему удариться головой об пол. Потом я услышал, как дверь за нами захлопнулась.

Глава 15
Призрачное свечение

Меня окружали лица. Две молодые женщины унесли куда-то Иону, пообещав позаботиться о нем. Остальные тут же принялись засыпать меня вопросами. Как меня зовут? Что это на мне за одежда? Откуда я? Знаю ли я такого-то, такого-то и такого-то? Бывал ли я когда-нибудь в таком-то городе? А в таком-то? Может быть, я из Обители Абсолюта? Или из Нессуса? С восточного берега Гьолла или с западного? Из какого квартала? Жив ли еще Автарх? А Отец Инир? Кто сейчас в городе архоном? Как идет война? Не слыхал ли я что-нибудь о таком-то — он начальник отряда? А о таком-то — он в кавалерии? А о таком-то — хилиархе? Умею ли я петь, читать стихи, играть на музыкальных инструментах?

Не составляет труда вообразить, что этот поток вопросов не позволял мне ответить ни на один из заданных. Когда первая волна всеобщего возбуждения схлынула, седобородый старик и женщина, на вид почти такая же старая, успокоили остальных и заставили их разойтись довольно

необычным способом, который вряд ли оказался бы действенным где-либо в другом месте. Они похлопывали каждого по плечу, указывали в самую отдаленную часть помещения и внятно произносили: «Впереди масса времени». Постепенно все замолчали и стали разбредаться по углам, пока, в конце концов, в зале с низким потолком не настала та же сонная тишина, которую взбаламутило наше появление.

— Я Ломер, — представился старик. Потом он громко, прочистил горло и добавил: — А ее зовут Никарет.

Я назвал ему себя и Иону.

Пожилая женщина, должно быть, уловила тревогу в моем голосе.

— Ему не причинят вреда, не беспокойся. Эти девушки сделают для него все возможное в надежде, что он потом будет с ними разговаривать. — Она рассмеялась, и нечто в движении, которым она откинула голову, подсказало мне, что когда-то эта женщина была красавицей.

Я тоже хотел их кое о чем расспросить, но старик прервал меня:

— Идем в наш угол. Там нам не будут мешать. У нас есть вода.

Только услышав слово «вода», я понял, как хочу

пить. Он повел нас в угол рядом с входом, отгороженный матерчатой ширмой, и налил мне воды из глиняного кувшина в изящную фарфоровую чашку. На полу лежали подушки и стоял низкий столик, не больше пяди в высоту.

— Вопрос за вопрос, — сказал старик, — таково старое правило. Мы назвали тебе свои имена, а ты нам свое, теперь снова наша очередь. Почему вас схватили?

Я стал объяснять, что и сам не знаю — разве что просто за нарушение границы.

Ломер кивнул. Его лицо имело тот особенный оттенок бледности, свойственный людям, никогда не видевшим солнечного света. Если прибавить к этому клочковатую бороду и кривые зубы, то его внешность показалась бы отталкивающей в любом другом месте, но здесь он смотрелся такой же естественной частью обстановки, как выщербленные плиты пола.

— А я оказался здесь по злой воле шатлены Леокадии. Я судил ее тяжбу с шатленой Нимфой, и когда мы с ней приехали сюда, чтобы я мог проверить счета в ее поместье, пока она участвует в обрядах филомата Фокаса, шатлена Леокадия завлекла меня в ловушку с помощью Санхи, которая…

Пожилая женщина по имени Никарет перебила его, воскликнув:

— Смотри-ка, он ее знает!

Так оно и было. В моей памяти возникла комната: что-то пунцовое, слоновая кость, стены — почти сплошь стекло в изысканных рамах. Там горело пламя на мраморных плитах, тусклое по сравнению с ярким солнечным светом, который проникал в комнату через огромные окна, но наполнявшее воздух теплом и благоуханием сандалового дерева. Старуха, закутанная во множество шалей, восседала на стуле, больше похожем на трон. Хрустальный графин и несколько чаш темного стекла стояли на столе.

— Женщина преклонных лет с крючковатым носом, — припомнил я. — Вдова Форса.

— Ты и впрямь ее знаешь. — Ломер медленно кивнул, как будто мои слова были ответом на его вопрос. — Первый за многие годы.

— Вернее будет сказать — я ее помню.

— Да. — Старик снова кивнул. — Говорят, она умерла. Но тогда она была молода и красива. Ее подбила на это шатлена Леокадия, а потом сделала так, чтобы нас застали. И Санха о том знала. Но ей было всего четырнадцать, и обвинить ее не могли. Да я ничего ей и не сделал — она только

начала меня раздевать.

Я заметил:

— Вы сами тогда, верно, были совсем молоды. Он промолчал. За него ответила Никарет:

— Ему было двадцать восемь.

— А вы? — спросил я. — Как вы оказались здесь?

— Я добровольно.

Мой взгляд выразил несказанное удивление.

— Кто-то должен брать на себя вину за все грехи Урса, иначе Новое Солнце никогда не придет. И кто-то должен привлекать внимание к этому месту и ему подобным. Я из семьи армигеров, которая, может быть, еще помнит обо мне, потому-то надзирателям приходится обращаться со мной с осторожностью — и со всеми остальными, пока я здесь.

— Вы хотите сказать, что можете выйти на волю и не делаете этого?

— Нет, — ответила она и покачала головой. Волосы у нее были совсем седые, но она носила их распущенными, как молодые женщины. — Я выйду отсюда, но только при условии, что всех, кто за давностью лет позабыл свое преступление, выпустят вместе со мной.

Я вспомнил столовый нож, который украл

на кухне для Теклы, и красную струйку, выползавшую из-под двери ее камеры в нашем подземелье.

— Правда ли, что преступники забывают здесь о том, что совершили?

При этих словах Ломер встрепенулся:

— Нечестно! Вопрос за вопрос — это правило, старое правило. Мы все еще держимся за них. Мы последние из старшего поколения — Никарет и я, но пока живы, со старыми обычаями не расстанемся. Вопрос за вопрос. Есть ли у тебя друзья, которые могут способствовать твоему освобождению?

Конечно же, Доркас — если бы она только знала, что со мной. Доктор Талос так же изменчив, как причудливые формы облаков, и как раз поэтому может возжелать моей свободы, хотя никакой особой причины желать этого у него нет. Больше надежды на то, что я посланец Водалуса, а у него есть, по крайней мере, один человек в Обители Абсолюта — тот, кому я должен передать послание. По дороге я дважды пытался избавиться от огнива, но что-то меня удерживало — похоже, альзабо сковал своими чарами мою волю. Теперь я был этому только рад.

— Есть у тебя друзья? Родственники? Если да, то

ты можешь что-нибудь сделать для остальных.

— Друзья, может быть, — ответил я. — Они могут попробовать помочь мне, если только каким-нибудь образом узнают, где я. Как вы думаете, это возможно?

Так мы говорили очень долго. Если все это передать на бумаге, то моей истории не будет конца. В той комнате нечего было больше делать, как только разговаривать да играть в некоторые простенькие игры. Узники так и поступают, пока не теряют к игре последний интерес, и тогда они отбрасывают ее, как хрящ, который многие дни жевал голодающий. В некотором смысле этим заключенным приходится лучше, чем нашим клиентам: они не живут в постоянном ожидании боли и не испытывают одиночества. Но зато наши клиенты обычно находятся в заточении недолго, а потому они полны надежд, тогда как большинство узников Обители Абсолюта потеряли свободу много лет назад и уже давно отчаялись.

Минуло десять страж или чуть больше, и свет стал меркнуть. Я признался Ломеру и Никарет, что валюсь с ног от усталости. Они отвели меня в самый дальний от дверей конец, где было совсем темно, и объяснили, что это и будет моим местом,

пока кто-нибудь из узников не умрет. Тогда я смогу занять лучшее.

Когда они уходили, я слышал, как Никарет спросила: «Они придут сегодня?» Ответа я не расслышал, а задавать новые вопросы у меня не было сил. Ногами я почувствовал тонкую подстилку на полу; тогда я сел и уже собирался вытянуться во весь рост, как вдруг рука наткнулась на что-то живое.

Голос Ионы произнес:

— Что ты так дергаешься? Это всего лишь я.

— Почему ты молчал? Я видел, как ты проходил мимо, но никак не мог оставить двух стариков. Почему ты не подошел?

— Я молчал, потому что думал. А не подошел, потому что сначала тоже не мог отделаться от тех женщин, которые меня увели, а потом, наоборот, они не могли отделаться от меня. Северьян, я должен выбраться отсюда.

— Кто бы этого не хотел! — ответил я. — И я — не исключение.

— Но я должен.

Он сжал мою руку своей узкой и твердой рукой — левой, настоящей. — Если не смогу, я убью себя или сойду с ума. Я был тебе верным другом, ведь правда? — Его голос понизился до еле слышного

шепота. — Этот талисман, который ты носишь… этот голубой камень… не сможет ли он освободить нас? Я знаю, что преторианцы не нашли его, когда тебя обыскивали. Я следил за ними.

— Мне не хотелось бы доставать его, — сказал я. — Он так сияет в темноте.

— Я приподниму подстилку и прикрою тебя.

Я подождал, пока прикрытие не было готово, и достал Коготь. Свет его был так слаб, что я мог бы заслонить его ладонью.

— Он умирает? — прошептал Иона.

— Нет, он часто бывает таким. Но когда действует — например, когда он превратил воду в вино в нашем кувшине или заворожил обезьянолюдей — тогда светит очень ярко. Если он вообще способен помочь нам спастись, то, о всяком случае, не сейчас.

— Давай поднесем его к двери. Вдруг он откроет замок. — Голос Иона дрожал.

— Позже, когда все заснут. Я освобожу и их, если мы сами сумеем выбраться, но в противном случае — а я не думаю, что дверь откроется, — им лучше не знать о Когте. Теперь скажи, почему ты должен выйти отсюда прямо сейчас, немедленно?

— Пока ты говорил со стариками, — начал Ио-

на, — меня расспрашивала целая семья. Там были несколько старых женщин, мужчина лет пятидесяти, другой мужчина лет тридцати, еще три женщины и целый выводок детей. Они привели меня в собственную нишу в стене. Другие узники не могли туда зайти, не получив приглашения, а такового не последовало. Я ждал, что мне станут задавать вопросы о друзьях на воле, о политике или же о войне в горах. Но оказалось, что им нужно от меня просто что-то вроде развлечения. Они желали послушать о реке, о том, где я побывал, и многие ли одеваются так же, как я. И еда — они очень много говорили о еде на свободе. Некоторые вопросы просто поражали своей нелепостью. Видел ли я когда-нибудь скотобойню? И просят ли животные не убивать их? И правда ли, что те, кто делает сахар, держат при себе отравленные мечи, чтобы охранять свой товар?..

Они никогда не видели пчел. Считают, что пчелы размером с кролика…

Потом я сам стал их расспрашивать и выяснил, что никто из них, даже старухи, никогда не были на воле. Просто мужчин и женщин держат здесь вместе. По закону природы они производят на свет детей. И хотя некоторых потом забирают, большинство остаются здесь на всю жизнь. У них

нет ни собственности, ни надежды на освобождение. Они даже и не знают, что такое свобода. Только старик и одна из девушек совершенно серьезно заявили о своем желании побывать наверху, но мне показалось, что они не имели при этом в виду остаться там. Старые женщины — по их заверениям, седьмое поколение узников, но одна из них обмолвилась, что ее мать тоже из седьмого поколения.

В некоторых отношениях они довольно примечательные существа. Внешне они плоть от плоти этого подземелья, где провели всю жизнь. А всё же… –

Иона умолк, и я почувствовал, как давит на нас наступившая тишина.

— Наверное, это можно назвать фамильной памятью. Традиции, передаваемые из поколения в поколение от вольных предков. Они уже даже не понимают значения некоторых слов, но продолжают цепляться за традиции, предания, потому что предания и имена — это все, что у них есть.

Наступило молчание. Я погрузил тусклую искорку Когтя в голенище. Вокруг нас сгустилась непроглядная тьма. Затрудненное дыхание Ионы было похоже на звук мехов в кузне.

— Я узнал имя первого узника — того, от кото-

рого они ведут свой род. Это был Кимлисунг. Тебе приходилось слышать такое имя?

Я ответил, что не приходилось.

— Или какое-нибудь похожее? Представь себе, что это не одно, а три слова.

— Нет, ничего похожего, — ответил я. — У большинства из известных мне людей имя состоит из одного слова, как у тебя, если только другая часть имени не титул или что-то вроде клички, которая прижилась, потому что слишком уж много развелось Болканов, или Альтосов, или прочих.

— Ты однажды сказал, что у меня как раз необычное имя. Так вот, имя Ким Ли Сунг было самым что ни на есть обычным в те времена, когда я был… мальчиком. Ты слыхал что-нибудь о моем корабле, Северьян? Он назывался «Счастливое Облако».

— Поисковый корабль? Нет, но…

Мой взгляд уловил зеленоватое мерцание, такое слабое, что даже в полной тьме оно было едва различимо. Сразу же послышались бормочущие голоса, многократно отражавшиеся от стен огромного низкого зала. Я почувствовал, что Иона вскочил на ноги. Последовав его примеру, я едва успел выпрямиться, как глаза пронзила вспышка голубоватого пламени. Никогда в жизни я не

ощущал такой боли — казалось, все лицо рвется на куски. И если бы не стена, я не удержался бы на ногах.

Где-то дальше темноту снова прорезала вспышка, закричала женщина.

Иона изрыгал сдавленные проклятия — во всяком случае, судя по интонации, потому что слов я не понимал. Его башмаки скребли пол. Снова ослепительный блеск. Я узнал те похожие на блеск молний лучи, которые видел, когда мастер Гурло, Рош и я пытали Теклу на «революционизаторе». Несомненно, Иона кричал так же, как и я, но в это время начался такой бедлам, что я не различил его голоса.

Зеленоватое мерцание усилилось. Я смотрел на него, парализованный болью и охваченный таким ужасом, которого мне никогда больше не доводилось испытывать. Свет постепенно обретал форму чудовищного лица, вперившего в меня свои гигантские глаза-блюдца, а потом снова потускнел и растворился в темноте.

Все это было неизмеримо страшнее, чем способно передать мое перо, и мне предстояло на всю жизнь остаться рабом пережитого ужаса. То был ужас перед болью и перед слепотой, хотя мы и так уже были слепы ко всему мало-мальски

разумному. Стояла кромешная тьма, а никто из нас не мог ни зажечь свечи, ни даже высечь огня. Вся огромное помещение вопило, стенало и молило о помощи. И сквозь дикий вой я явственно услышал чистый молодой женский смех. Потом он умолк.

Глава 16
Иона

Я жаждал света, как умирающий от голода жаждет куска мяса. Наконец, я вспомнил о Когте, или скорее это он будто бы вспомнил обо мне, потому что рука моя сама собой просунулась в голенище и извлекла его.

И сразу боль утихла, все озарилось потоком чистого лазурного света. Крики стали еще громче, потому что для злосчастных обитателей темницы это сияние могло означать лишь новый кошмар. Я спрятал Коготь, стал ощупью искать Иону.

Он лежал скорчившись, шагах в двадцати от нашего места, но был в сознании. Я оттащил его назад (он показался мне удивительно легким) и, укрыв нас обоих своим плащом, коснулся камнем его лба.

Через непродолжительное время он сел. Я сказал, что тот ужас в камере, чем бы он на самом деле ни являлся, развеялся, и мы должны отдохнуть.

Иона выпрямился и стал бормотать скороговоркой:

— Надо запустить компрессоры, пока еще можно дышать.

— Все хорошо, — попытался я успокоить его. — Все хорошо. Иона. — Сам презирая себя за это, я разговаривал с ним, будто с самым младшим из учеников, как когда-то, давным-давно, говорил со мной мастер Мальрубиус.

Что-то холодное и твердое коснулось моего запястья, оно двигалось, как живое. Я схватил его — это оказалась железная рука Ионы. Потом я понял, что он пытается стиснуть ею мою руку.

— Я чувствую тяжесть! — Его голос становился все громче. — Должно быть, это сигнальные огни. — Он повернулся на бок. Я услышал скрежет его руки на полу.

Потом он стал гнусаво выкрикивать односложные слова. Этого языка я никогда не слышал.

С великой надеждой я достал Коготь и снова приложил его ко лбу Ионы. Камень был тусклым, как в первый раз, когда мы смотрели на него этой ночью, а Ионе не стало легче, но постепенно мне кое-как удалось успокоить его. Наконец, когда самые неспокойные из наших соседей — и те уже давно затихли, мы тоже провалились в сон.

Когда я проснулся, снова горели тусклые светильники, но я каким-то образом чувствовал,

что на улице все еще ночь или, по крайней мере, самое раннее утро.

Иона лежал со мной рядом. Он все еще спал. Платье на груди было разорвано, открывая страшный ожог от голубого луча. Мне пришла на память отрубленная рука обезьяночеловека, поэтому, убедившись, что никто за нами не наблюдает, я достал Коготь и стал водить им над раной.

Он светился теперь гораздо ярче. Рана не затянулась, но стала заметно уже, края ее казались менее воспаленными. Чтобы добраться до нижнего конца раны, я слегка приподнял одежду. Просунув под нее руку, я услышал слабый звук — камень ударил по металлу. Я еще больше задрал одежду и увидел, что кожа моего друга на груди обрывается, как трава вокруг камня — дальше начиналось сияющее серебро.

Сначала я предположил, что на нем кольчуга, но сразу же понял, что это не так. Просто здесь металл заменял живую плоть так же, как на его правой руке. До какого места он доходил, не было видно, а пощупать ноги я боялся — Иона мог проснуться.

Я спрятал Коготь и поднялся. Нужно было побыть одному и хорошенько все обдумать. Я ото-

шел от Ионы в центр зала. Помещение казалось необыкновенно странным даже вчера, когда все бодрствовали, ходили и разговаривали. Теперь подобное впечатление лишь усилилось — уродливое подобие зала с неправильными углами, придавленное низким потолком. Надеясь работой мускулов привести в движение разум (как это часто случалось), я решил измерить шагами длину и ширину зала, ступая помягче, чтобы не будить спящих.

Не прошел я и сорока шагов, как заметил предмет, казавшийся совершенно неуместным в этом скопище оборванных людей и драных полотняных подстилок. Это был женский шарф из тонкой дорогой материи абрикосового цвета. От него исходил неизъяснимый аромат, непохожий ни на один из запахов цветов или плодов Урса, но тонкий и приятный.

Я уже складывал эту красивую вещицу, собираясь положить ее в свою ташку, как вдруг услышал детский голосок:

— Это к несчастью. Большое несчастье. Разве ты не знаешь?

Я огляделся по сторонам, потом опустил взгляд и увидел девочку с бледным лицом и сияющими полуночными глазами, которые казались слиш-

ком большими. Я спросил:

— Что приносит несчастье, юная госпожа?

— Подбирать находки. За ними потом приходят. А почему на тебе такая черная одежда?

— Не черная, а цвета сажи — чернее черного. Протяни мне руку, и ты увидишь, как она исчезнет, когда я накину на нее плащ.

Девочка серьезно кивнула маленькой и все же слишком крупной для тщедушного тела головкой.

— На похоронах всегда одеваются в черное. Ты хоронишь людей? Когда хоронили мореплавателя, там были черные повозки, а за ними шли люди в черной одежде. Ты когда-нибудь видал такие похороны?

Я нагнулся, чтобы ее серьезное личико оказалось на одном уровне с моим.

— Такую одежду, как моя, на похороны никто не надевает, юная госпожа, — из опасения, чтобы его не приняли за одного из членов моей гильдии, а это было бы оскорбительно для умершего — почти всегда оскорбительно. Видишь этот шарф? Правда, красивый? Вот это вы и называете «находками»?

Она кивнула:

— Их иногда оставляют хлысты. Если что-ни-

будь найдешь, надо просунуть под дверь — они приходят и забирают свои вещи.

Ее взгляд устремился на шрам, пересекавший мою правую щеку. Я коснулся его рукой.

— Вот это хлысты? Те, кто это делает? Кто это? Я видел зеленое лицо.

— И я тоже. — Она засмеялась, как будто зазвенели маленькие колокольчики. — Я думала, оно хочет меня съесть.

— А теперь, похоже, ты уже не боишься?

— Мама сказала, то, что мы видим в темноте, это ерунда — они каждый раз разные. Бояться надо хлыстов. Это от них больно. Она прижала меня к стене и заслонила от них. Твой друг просыпается. А почему у тебя такой смешной вид?

(Я вспомнил, как смеялся вместе с другими — тремя юношами и двумя девушками. Гвиберт протягивал мне бич с тяжелой ручкой и кнутовищем из плетеной медной проволоки. Лолиан готовил шутиху, которую собирался раскрутить на длинной веревке.) — Северьян! — раздался голос Ионы. Я поспешил к нему. — Как я рад, что ты здесь. Мне показалось, ты куда-то исчез.

— Куда ж тут исчезнешь? Сам знаешь.

— Да, — сказал он, — теперь я все вспомнил. Знаешь, как называется это место? Мне вчера

сказали. Оно называется «вестибюль». Впрочем, я вижу, тебе это известно и без меня.

— Нет.

— Но ты кивнул.

— Я просто вспомнил это слово, когда ты его произнес. Я… Текла бывала здесь. Ей никогда не казалось, что это странное место для тюрьмы — наверное, потому, что других тюрем она не видала… пока не попала к нам в башню. А мне кажется. Одиночные камеры или, по крайней мере, несколько отдельных помещений гораздо удобнее. А может быть, я думаю так, потому что привык…

Иона кое-как подтянулся на локтях и сел, прислонившись к стене. Его лицо побледнело под загаром и было покрыто испариной. Он сказал:

— А ты не понимаешь, откуда взялась эта тюрьма? Оглянись-ка вокруг.

Я посмотрел по сторонам, но увидел лишь то, что уже видел раньше — уродливый с тусклым светильником зал.

— Сначала это были обычные дворцовые покои — быть может, несколько помещений. Потом стены между комнатами снесли, а поверх старых полов настелили новый. А это, уверен, то, что называется фальшивым потолком. Наверняка,

если приподнять одну из панелей, можно будет увидеть прежнюю конструкцию.

Я встал и попытался это проделать, но, хотя пальцы касались прямоугольной панели, моего роста не хватало, чтобы приложить нужное усилие. Вдруг раздался голосок девочки, которая, несомненно, наблюдала за нами и слышала каждое наше слово:

— Поднимите меня — я попробую.

Она подбежала к нам. Я обхватил ее за талию и легко поднял над головой. Несколько секунд маленькие ручки сражались с деревянной плитой, потом плита приподнялась, посыпалась пыль. Над ней я увидел переплетение железных балок, а сквозь них — сводчатый потолок, расписанный облаками и птицами. Руки девочки ослабли, панель шлепнулось на место, обдав нас еще большим количеством пыли. Все исчезло из виду.

Осторожно спустив девочку на пол, я обратился к Ионе:

— Ты прав. Над этим потолком еще один — для помещения гораздо меньших размеров. Как ты догадался?

— Потому что я говорил с этими людьми. Вчера. — Он поднял руки — и железную, и руку из плоти и крови, будто для того, чтобы потереть

ими лицо. — Отошли ребенка, ладно?

Я велел девочке возвращаться к матери, хотя, как я подозреваю, она пересекла комнату, а потом прокралась вдоль стены и подслушивала.

— Я чувствую себя так, словно все это время боролся со сном, — продолжал Иона. — Помню, я вчера сказал, что схожу с ума. — Может, наоборот, я только обретаю рассудок, и еще неизвестно, что хуже. — Он сидел, прислонившись спиной к стене, совсем как покойник, что сидел прислонившись к стволу дерева и которого мне довелось увидеть много позже. — На корабле я много читал. Однажды я прочел одну историю. Думаю, ты ничего не знаешь о ней. С той поры прошли многие тысячелетия.

— Скорее всего, не знаю, — согласился я.

— Все по-другому и в то же время так похоже. Странные обычаи и традиции… Странные учреждения. Я попросил у корабля, и он дал мне другую книгу.

Лоб его все еще был влажен, разум, казалось, блуждал где-то далеко. Я взял кусочек фланели, которым обычно протирал меч, и отер им пот со лба Ионы.

— Наследственные правители и наследственные подданные, и масса причудливых должност-

ных лиц. Воины с длинными седыми усами. — На мгновение на его лице появился призрак прежней улыбки. — «Белый Рыцарь едет вниз по кочерге. Того и гляди упадет» — вот что было в записной книжке Короля.

На дальнем конце зала происходило какое-то движение. Узники, спавшие или тихо шептавшиеся по углам, поднимались и тянулись в том направлении. Иона, который решил, что я вот-вот пойду за ними, вцепился мне в плечо левой рукой. Она казалась слабой, как рука женщины.

— Так, как сейчас, ничто и никогда не начиналось. — Его голос приобрел неожиданную силу. — Северьян, король избирался при Марчфилде. Короли назначали графов. То время называлось темными веками. Лишь свободный житель Ломбардии мог стать бароном…

Словно ниоткуда, перед нами возникла знакомая девочка:

— Там еда. Вы идете? Я встал и сказал:

— Я принесу чего-нибудь. Может, тебе полегчает.

— Прочно укоренилось… Все продолжалось слишком долго. — Продвигаясь к толпе, я слышал, как Иона бормочет:

— Люди не знали…

Узники расходились по одному, каждый — с маленькой булочкой. К тому времени, как я дошел до дверного проема, там уже почти никого не было. Я видел открытую дверь, за ней коридор, прислужника в прозрачном газовом колпаке, приглядывающего за серебряной тележкой. Люди выходили в коридор и окружали тележку. Я последовал за ними и на минуту почувствовал себя на свободе.

Иллюзия тут же рассеялась. В каждом конце коридора стояли хастарии, перегораживая его. Еще двое скрещенными копьями прикрывали дверь, ведущую в Колодец Зеленых Гонгов.

Кто-то тронул меня за руку. Я оглянулся и увидел седовласую Никарет.

— Бери поскорей, — сказала она. — Если не для себя, то для друга. Они никогда не приносят столько, чтобы хватило на всех.

Я кивнул и, перегнувшись через спины, сумел ухватить пару черствых булок.

— А часто дают еду?

— Два раза в день. Вчера вас привели как раз после второй раздачи. Все стараются брать понемногу, но все равно не хватает.

— Это сдобный хлеб. — Кончики моих пальцев стали липкими от сахарной пудры, булочки пах-

ли лимоном, куркумой и мускатным «цветом».

Старуха кивнула.

— Да, как всегда, хотя он каждый день разный. В этом серебряном кофейнике кофе, а чашки — на нижней полке тележки. Большинство местных не любят его и не пьют. Думаю, мало кто знает, что это такое.

Хлеб кончился. Все, кроме меня и Никарет, вернулись в низкий зал. Я взял с нижней полки чашку и наполнил ее. Кофе был очень крепкий, горячий и темный, щедро приправленный чем-то сладким, похожим на тимьянный мед.

— Ты выпьешь?

— Я собираюсь отнести его Ионе. Они разрешат мне взять чашку с собой?

— Наверное, — ответила Никарет, мотнув головой в сторону стражников.

Солдаты взяли копья на плечо, наконечники ярко вспыхнули. Вслед за Никарет я шагнул в вестибюль, дверь за нами захлопнулась.

Я напомнил Никарет ее слова о том, что она находится здесь по доброй воле, и спросил, не знает ли она, почему заключенных кормят сдобными булками и южным кофе.

— Ты и сам это знаешь, — ответила она. — Я слышу по твоему голосу.

— Нет, но мне кажется, что Иона знает.

— Может быть. Все потому, что эта тюрьма вовсе не настоящая тюрьма. Давным-давно — думаю, еще до правления Имара — существовал такой обычай, что Автарх должен сам судить тех, кого обвиняли в преступлении, совершенном в пределах Обители Абсолюта. Может, автархи думали, что, разбирая подобные дела, они смогут узнать о готовящихся заговорах. Или они просто надеялись, что если станут поступать по справедливости с людьми из собственного окружения, то устыдят завистников и обезоружат ненависть. Серьезные дела решались быстро, а менее важные обвиняемые должны были ждать суда здесь…

Двери, открывавшиеся совсем недавно, снова распахнулись. Внутрь втолкнули маленького, потрепанного человечка, у которого не хватало передних зубов. Он упал на четвереньки, вскочил и бросился к моим ногам. Это был Гефор.

В точности как при появлении нас с Ионой, его окружили узники. Они подняли его и стали выкрикивать вопросы. Никарет вместе с Ломером, который вскоре присоединился к ней, разогнали их и попросили Гефора назвать себя. Он схватил свою шляпу (напомнив мне то утро, когда он нашел меня отдыхающим на траве у Ктесифонского

перекрестка) и заговорил:

— Я раб своего господина, я — Гефор, с-с-странник быстролетный, владеющий картой, усыпанный дорожной пылью, п-п-покинутый и заброшенный…

Он то и дело поглядывал на меня быстрыми, яркими глазками без ресниц и был удивительно похож на одну из безволосых крыс шатлены Лелии, которые умели кружиться и кусать себя за хвост, если хлопнешь в ладоши.

Мне так противно было на него смотреть, и я так беспокоился об Ионе, что я сразу же ушел оттуда, направившись к нашему месту. Образ трясущейся серой крысы все еще стоял передо мной, когда я опустился на подстилку, потом, как будто признав, что является всего лишь картинкой, всплывшей из мертвых воспоминаний Теклы, он канул в небытие.

— Что-нибудь случилось? — спросил Иона. На вид он казался немного окрепшим.

— Меня тревожат мысли.

— Палачу это не пристало, но я рад компании.

Я протянул ему сладкие булки и поставил на пол чашку с кофе.

— Городской кофе — без перца. Ты такой любишь?

Он кивнул, поднял чашку и сделал глоток.

— А ты?

— Я свой уже выпил. Поешь хлеба, он очень вкусный.

Он откусил от булки.

— Мне нужно с кем-то поговорить — с тобой, даже если после этого ты сочтешь меня чудовищем. Между прочим, ты тоже чудовище, друг мой Северьян. Тебе это известно? Чудовище — потому что ты избрал своим ремеслом то, чем другие занимаются лишь ради удовольствия.

— Ты весь в металлических заплатках. Не только рука. Я это недавно обнаружил, монстроподобный дружище Иона. А теперь поешь и выпей кофе. Следующая еда будет не раньше чем через восемь страж или около того.

— Мы потерпели аварию. На Урсе прошло столько времени, что, когда мы вернулись, там ничего не осталось — ни порта, ни доков. Потом случилось так, что я потерял лицо и руку. Товарищи подлатали меня как смогли, но под рукой ничего не оказалось, кроме биологического материала. — Железной рукой, которую я всегда считал не более чем протезом, он приподнял вторую руку — из кости и мускулов — как человек, собирающийся отшвырнуть кусок какой-нибудь

мерзости.

— У тебя жар. Это из-за удара хлыста. Но ты скоро поправишься, мы выберемся отсюда, и ты найдешь Иоленту.

Он кивнул.

— Ты помнишь, когда мы уже почти прошли Врата Скорби во всей этой сумятице, она подняла лицо, и солнце осветило его с одной стороны?

Я ответил, что помню.

— До той поры я никогда не любил. Ни разу с тех пор, как распалась наша команда.

— Если ты больше не можешь есть, отдохни.

— Северьян! — Он снова схватил меня за плечо, но на этот раз металлической рукой, которая держала меня крепко, как клещами. — Ты должен поговорить со мной. Я не в силах выдержать собственных мыслей.

Некоторое время я болтал обо всем, что приходило в голову, не дожидаясь ответной реакции. Потом я подумал о Текле, которая часто точно так же впадала в уныние, вспомнил, как читал ей. Я взял ее книгу в коричневом переплете и раскрыл наугад.

Глава 17
Сказка об ученом и его сыне

Часть 1
Твердыня магов

Когда-то давным-давно на берегу неукротимого моря возвышался город светлых башен. И обитали в том городе мудрые. Правил городом закон, и тяготело над ним проклятие. Закон был таков: перед всеми, кто жил в городе, лежали лишь два пути — либо взрасти вместе с мудрыми и носить пышное одеяние с клобуком всех цветов радуги, либо покинуть город и устремиться во враждебный мир.

Так вот, жил в том городе человек. Он уже много лет изучал магию, которой владели мудрецы города, а это была почти вся известная в мире магия. И приблизился он к тому времени, когда ему предстояло избрать свой путь. В разгар лета, когда даже стены, обращенные к морю, были увиты цветами с желтыми растрепанными головками, пошел он к мудрецу, лицо которого с незапамятных времен скрывал клобук всех цветов радуги и который был его учителем, и сказал:

— Как бы мне, хотя я всего лишь невежда, занять место среди мудрых? Ибо я желаю всю свою

жизнь посвятить изучению заклинаний, отнюдь не священных, и не хочу идти в злой мир, чтобы потом и кровью добывать хлеб свой.

Старик рассмеялся и ответил:

— А помнишь ли ты ныне, как, когда ты едва вышел из детского возраста, учил я тебя искусству, с помощью которого мы можем творить сыновей из ткани сновидений? Как искусен ты был тогда, превосходя способностями остальных учеников моих! Так вот, теперь ступай и сотвори себе сына, и тогда ты предстанешь перед лицом облаченных в клобуки и уподобишься нам.

Но ученый ответил:

— Не сейчас. Придет другое время года, и я сделаю, как ты велишь.

Пришла осень. Сикоморы города светлых башен, огражденные от морских ветров высокими стенами, начали ронять листья, словно падало с ветвей золото, добытое магией их владельцев. Меж белыми башнями струились стаи диких гусей, а с ними летели орлы-ягнятники и скопы. Тогда старик снова послал за тем, кто был его учеником, и сказал:

— Теперь уж пришла тебе пора претворить в плоть создание сновидений. Ибо все остальные, облаченные в многоцветные клобуки, начинают

терять терпение. Кроме нас, ты самый старший в городе, и, если ты будешь проводить время в праздности, к зиме не миновать тебе изгнания.

Но ученый ответил:

— Мне еще надобно учиться, чтобы достигнуть того, к чему стремлюсь. Не можешь ли ты защитить меня от гнева облаченных в клобуки до весны?

А старик, его учитель, думал о красоте деревьев, которые долгие годы радовали его взгляд не меньше, чем обнаженные тела женщин.

И вот золотая осень улетела прочь, а на смену ей из своей закованной в лед столицы, где солнце катается по краю мира, как золотая бусина, а небо сияет разноцветным пламенем от Урса до самых звезд, крадучись явилась зима. Ее прикосновение обратило волны в сталь, и город магов приветствовал ее, вывесив на балконах ледяные знамена, а кровли увенчав искристым снегом. Старик снова призвал ученого, но ученый ответил то же, что и раньше.

Явилась весна, неся радость всему в природе, но весной город оделся в траур, и зависть к чужому могуществу, червем точащая сердцевину плода, обуяла сердца магов. Ибо в городе правил закон, и тяготело над ним проклятие, и хотя в другие

времена года царил закон, весною властвовало проклятие. Весной самые прекрасные девы города, дщери магов, облачались в зеленые одежды. Весенний ветерок развевал их золотистые волосы, а они босиком проходили через городские ворота и спускались по узкой тропе к гавани, где их ждал корабль под черными парусами. Из-за того, что волосы их золотились, как солома, а одежды были зелены, как трава, и потому, что было их так же много, что колосьев в снопе, маги называли их «Хлебными Девами».

И вот когда тот человек, что был учеником старца, но сам еще не облачился в многоцветный клобук, услышал стенания и жалобы и увидал в окно процессию дев, он отложил в сторону все свои книги и стал рисовать на бумаге фигуры, каких не видал ни один смертный, и писать на многих языках, как в прошлые времена учил его старец.

Часть 2
Явление героя

День за днем он неустанно трудился. Когда первый утренний свет проникал в окно, его перо скользило по бумаге уже многие часы; когда горбатая спина молодого месяца виднелась меж белыми башнями, его лампа еще светилась. Поначалу ему казалось, что мастерство, о котором говорил старец, покинуло его, ибо с первых лучей солнца до лунного света он по-прежнему пребывал в своей обители один. Только ночные мотыльки трепетали крылышками и выводили знаки смерти в открытом пламени свечи.

Потом, когда он засыпал, склонившись над столом, в его сны стал иногда прокрадываться кто-то еще, и ученый приветствовал его, потому что знал, кем был этот другой, хотя сны улетали прочь и скоро забывались.

Он продолжал свои труды, а тот, кого он стремился создать, витал вокруг него, как начинает клубиться дым над дровами, подброшенными в уже почти мертвое пламя. Временами, особенно когда он работал с раннего утра или же

засиживался до поздней ночи и, отложив все принадлежности своего искусства, устало вытягивался на узком ложе, предназначенном для тех, кто еще не обрел права носить многоцветный клобук, ученый слышал шаги. Эти шаги в соседней комнате принадлежали тому, кого он пытался вызвать к жизни.

Со временем подобные знаки, вначале редкие (по большей части ученый замечал их лишь в то время, когда над светлыми башнями грохотал гром), стали обычным явлением. Теперь существовали явственные свидетельства присутствия в доме кого-то другого: книга, которую не снимали с полки десятилетиями, оказывалась на стуле, окна и двери отворялись как бы сами собой, старинный кинжал, вот уже много лет не более смертоносный, чем предмет, нарисованный на холсте, вдруг очищался от ржавчины, а лезвие его становилось острым, как бритва. Однажды золотистым вечером, когда ветер играл в невинные детские игры с молодой листвой сикомор, в дверь дома постучали. Боясь обернуться, выразить в голосе хотя бы малую толику обуревавших его чувств или даже оторваться от работы, ученый произнес:

— Войдите.

Дверь приоткрылась, как иногда сама собою отворяется в полночь — на ширину пальца. Но ее движение продолжалось, и, когда она открылась настолько, чтобы просунуть в щель ладонь, ученому показалось, что в комнату ворвался шаловливый ветерок, вдыхая новую жизнь в его очерствевшее сердце. Потом дверь открылась еще шире — так широко, что в нее мог бы пройти раб с подносом, а потом вдруг словно буря распахнула ее настежь, с силой ударив о стену. Он услышал за спиной шаги, быстрые и решительные, и голос — почтительный и юный, но в то же время глубокий и мужественный:

— Отец, мне не хотелось бы тревожить тебя, когда ты поглощен своим искусством, но сердце мое полно тревоги уже несколько дней. Я заклинаю тебя любовью, той что ты питаешь ко мне, принять меня и помочь советом.

Тогда ученый решился обернуться и увидел рядом с собой юношу с широкими плечами, крепкими мышцами и величественной осанкой. В твердых очертаниях рта читалась привычка повелевать, в блестящих глазах — ясный ум, а на лице лежала печать доблести. Чело его было увенчано тем невидимым венцом, который заметен и слепому, — бесценным венцом, превращающим

отважного человека в доблестного воина, а трусливого — в храбреца. И ученый сказал:

— Сын мой, не бойся побеспокоить меня ни ныне, ни впредь, ибо нет ничего под солнцем более приятного для глаз моих, чем твое лицо. Что тревожит тебя?

— Отец, — ответил юноша, — каждую ночь уже долгое время сон мой тревожит женский плач, и я часто видел, как, подобно зеленой змее, выползающей из корзины на звуки дудки, длинная процессия скользит по скалам вниз, к гавани. Иногда во сне мне дозволяется подойти к ней поближе, и я вижу молодых девушек. Они стенают, льют слезы и никнут, как поле молодой пшеницы, пригнутой к земле ураганом. Что значит сей сон?

— Сын мой, — отвечал ученый, — пришло время открыть тебе то, о чем я молчал до сих пор, опасаясь, как бы не взыграла в тебе раньше времени горячая кровь юности и не подвигла бы тебя на дело, для которого ты еще не созрел. Знай же, что над этим городом властвует великан, которому каждый год приносят в дар красивейших дев, в точности как ты видел во сне.

При этих словах глаза юноши засверкали, и он вопрошал:

— Как зовут этого великана, каков его облик и где он обретается?

— Имени его не знает никто, ибо никто не смеет к нему приблизиться. Перед смертным он предстает в виде военного корабля, но на самом деле палуба — это его плечи, а на палубе башня, и в той башне одно окно — это его единственный глаз. А тело его погружено в морские глубины, где ходят акула и скат, а руки его длиннее, чем самая высокая мачта, ноги же подобны колоннам, достающим до самого дна морского. Гавань его — остров на западе, где проливы многократно ветвятся, изгибаются и вторгаются глубоко в сушу. И как раз на том острове — так гласит учение — и проводят в печали дни свои Хлебные Девы, а он причаливает к берегам того острова, встает на якорь среди дев и поводит своим единственным глазом вправо и влево, дабы насладиться их отчаянием.

Часть 3
Встреча с принцессой

И тогда юноша устремился прочь и набрал команду из других юношей города магов, а облаченные в многоцветные клобуки дали им крепкий корабль. Все лето он вместе с другими юношами снаряжал корабль, устанавливал по бортам самую мощную артиллерию: они учились ставить паруса, и брать рифы, и стрелять из пушек, пока судно не стало слушаться их, как послушна поводьям чистокровная кобыла.

Они окрестили корабль «Земля Девственниц», ибо были полны сочувствия к Хлебным Девам.

Наконец, когда сикоморы стали терять свои золотые листья (точно так же, как золото, добытое магией их хозяев, сыплется наземь из людских рук), а цепочки серых гусей заструились меж белых башен, а за ними с криками устремились скопы и орлы-ягнятники, юноши подняли паруса. Многое выпало на их долю, пока они следовали путями китов к великаньему острову, да всего не расскажешь. После всех приключений впередсмотрящие наконец увидели страну пологих

холмов, испещренных зелеными точками, и когда они прикрыли рукой глаза, чтобы рассмотреть ее, то увидели, что зелень все прибывает и прибывает. Тогда юноша, сотворенный из снов, понял, что перед ними в самом деле остров великана, а зеленые точки — это Хлебные Девы, спешащие на берег, завидев корабль.

Тогда они зарядили огромные орудия и подняли флаги города магов — желтые с черным. Все ближе и ближе подходили они к земле, но пристать боялись, поэтому плыли вдоль берега, а Хлебные Девы шли вслед за кораблем по кромке моря, и все новые и новые сестры присоединялись к ним, пока земля и впрямь не стала как поле молодой пшеницы. Но юноша помнил слова отца о том, что среди них может скрываться великан.

Полдня они плыли вдоль берега, потом обогнули мыс и увидели, что берег разрезан глубоким проливом, которому не видно конца. Он извивался меж пологих холмов и терялся вдали. У входа в пролив стоял дворец из белого мрамора, окруженный садом. Здесь юноша и приказал товарищам причалить к берегу, стать на якорь и выйти на сушу.

Не успел он ступить на твердую землю, как перед ним появилась дева великой красоты

— смуглая, с черными волосами и глазами, подобными звездам. Он поклонился ей и проговорил:

— Принцесса или королева, я вижу, что ты не из Хлебных Дев. Их одеяния зелены, как трава, а на тебе мех соболя. И даже если бы ты была одета в зеленое, я узнал бы тебя, ибо в очах твоих нет печали, а свет их — не свет Урса.

— Твоя правда, — ответила принцесса. — Я Ноктуа, дочь Ночи. И дочь того, кого ты пришел убить.

— Тогда меж нами не может быть дружбы, Ноктуа, — заметил юноша. — Но и врагом быть я тебе не могу. — Сам того не осознавая, он испытывал к ней влечение, ибо был порождением снов; а ту, в чьих глазах сияли ночные светила, влекло к нему.

При этих словах принцесса простерла к нему руки и молвила:

— Знай, что отец мой взял мою мать силой, а меня он держит здесь против воли, и я давно бы сошла с ума от тоски, если б только мать не являлась ко мне на исходе каждого дня. В моих глазах ты не видишь печали лишь потому, что она таится слишком глубоко, в сердце моем. И для того, чтобы обрести свободу, я с радостью научу тебя, как справиться с отцом и одержать победу.

Все юноши города магов замолчали и окружили принцессу.

— Прежде всего ты должен запомнить, что этот пролив так извилист, что его нельзя нанести на карту. Под парусом по нему не пройти — посему разжигайте топки, прежде чем соберетесь плыть дальше.

— Это сделать нетрудно, — сказал юноша, созданный из снов. — Трюм полон — на топливо повалили чуть не целый лес, а эти могучие колеса будут мерить воду великаньими шагами.

Услышав это, принцесса задрожала и испуганно прошептала:

— О юноша, не говори о великанах, ибо тебе неведомо их могущество. Немало кораблей прибывало сюда, и теперь илистое дно бесчисленных проливов стало белым от человеческих костей. Мой отец ждет, пока они, странствуя меж островков по бесконечным каналам, не израсходуют все топливо — каков бы ни был его запас, — а потом он нападает ночью, когда видит свет угасающих топок, сам оставаясь невидимым, и убивает всех до единого.

Эти слова вселили тревогу в сердце юноши, созданного из снов, но он ответил:

— Мы все равно найдем его, потому что дали

клятву. Но нет ли способа избежать участи, постигшей остальных?

Принцесса прониклась к нему жалостью, потому что любой, кто сродни снам, кажется прекрасным дочерям ночи, а он был прекраснейшим из таких созданий. Она молвила:

— Чтобы найти отца, прежде чем вы сожжете последнее полено, надо всего лишь искать самую черную воду, ибо его необъятное тело поднимает со дна всю муть. По ней его можно выследить. Но всякий раз поиски следует начинать на рассвете и прекращать к полудню, ведь, в противном случае, вы можете повстречаться с ним в сумерки, а это обернется бедою.

— Я бы отдал жизнь за твой совет, — поблагодарил ее юноша, а товарищи его восклицали: — Теперь великан нам не страшен!

Лицо принцессы опечалилось.

— Рано радоваться. Отец, как никто другой, силен в морском бою. Но я придумала хитрость, которая может вам помочь. Вы говорите, у вас нет недостатка ни в чём. Припасена ли у вас смола на случай, если корабль даст течь?

— Много бочек, — ответил юноша.

— Тогда, вступив в бой, следите за тем, чтобы он оказался с подветренной стороны. И когда

придется туго, а это произойдет очень скоро, вели своим людям подбросить смолы в топку. Не могу обещать, что это непременно принесет вам победу, но премного поможет.

И тогда все юноши горячо поблагодарили ее, а Хлебные Девы, которые застенчиво молчали, пока шел разговор между юношей, созданным из снов, и дочерью Ночи, приветствовали ее одобрительными восклицаниями, как подобает истинным девам — негромко, но радостно.

Тогда юноши стали готовиться к отплытию. В сердце корабля запылали могучие топки и явилось белое пламя, которое влечет судно вперед независимо от прихотей ветра. А принцесса смотрела на них с берега и посылала им благословения.

Но только тронулись огромные колеса, так медленно, что казалось, словно они и не движутся вовсе, принцесса позвала юношу, рожденного из снов, к борту и дала последний наказ:

— Может случиться так, что ты отыщешь отца. Может случиться и так, что твоя доблесть возобладает над его хитростью, и ты одолеешь его. Даже если это случится, ты вряд ли найдешь дорогу назад, в открытое море, ибо проливы этого острова — дивное творение магии. Но не падай

духом. Ты должен добыть кончик большого пальца с правой руки отца. На нем увидишь тысячи пересекающихся линий. Не теряйся и рассмотри их повнимательнее: это план, по которому он создавал проливы, чтобы самому не заблудиться в них.

Часть 4
Битва с великаном

Корабль направился в пролив. Как и предупреждала принцесса, пролив разделился надвое, потом снова и снова, пока они не очутились среди тысяч крошечных островков, разрезаемых тысячами узких каналов. Когда тень от грот-мачты стала размером со шляпу, юноша, созданный из снов, приказал бросить якоря и загасить топки. Там они и стояли весь долгий вечер, смазывая пушки, взвешивая порох и готовя все, что могло понадобиться в грозной битве.

Наконец пришла Ночь. Они увидели, как она шагает с острова на остров со своей свитой из летучих мышей и зловещих волков, неотступно следующих за ней по пятам. Казалось, Ночь совсем близко — не далее чем на расстоянии выстрела из малой пушки, но в то же время было видно, что она не заслоняет Венеру и даже Сириус, но они шествуют перед ней. Лишь на миг она повернула лицо в их сторону, и никто не мог понять, что оно выражает. Но каждый из них в тот миг гадал, правда ли, что великан взял ее

силой, как поведала ее дочь, и если правда, таит ли она еще злобу к нему или же ненависть со временем угасла.

С рассветом на палубе прозвучала труба. Огонь в топках насытился новым топливом, ожил, но, поскольку дул попутный утренний бриз, юноша приказал еще поднять все прямые паруса. И когда проснулось белое пламя, корабль полетел вперед с удвоенной скоростью.

Много лиг тот канал шел почти по прямой, так что не было нужды приспускать паруса. Сотни других каналов пересекали его. Все ждали, не покажется ли в каком мути, но везде вода была прозрачной, словно хрусталь. Чтобы описать все то, что им довелось лицезреть в этом плавании, понадобилась бы дюжина сказок, не менее длинных, чем эта. Они встречали женщин, которые росли на стеблях, как цветы, и склонялись через борт корабля, а при поцелуе с их щек осыпалась пыльца. Они видели мужчин, которым вино подарило смерть, и они лежали под виноградными лозами, все еще опьяненные настолько, что не понимали, что их жизнь давно прошла. Они проплывали мимо зверей с уродливыми членами и шерстью небывалого цвета, предвестников будущего. Те звери ждали своего часа — грядущих

землетрясений, войн, цареубийств.

Наконец молодой человек, который был первым помощником у юноши, рожденного из снов, подошел к нему и сказал:

— Мы уже так долго плывем по этому каналу, что солнце, которое еще не являло своего лика в начале пути, теперь приближается к зениту. Мы пересекли тысячи других проливов, но не нашли и следа великана. Может, мы пошли неверным курсом? Не мудрее ли повернуть и поискать другую дорогу?

Юноша отвечал:

— Как раз сейчас по правому борту мы проплываем очередной пролив. Посмотри-ка вниз и скажи, не мутнее ли в нем вода, чем в нашем.

И тот сделал, как ему было велено, и доложил:

— Нет, вода в нем чище.

— А вот впереди и другой. До какой глубины ты видишь?

Второй юноша подождал, пока они не поравнялись с каналом, а потом ответил.

— До самого дна. Я вижу обломки давно погибшего корабля далеко внизу.

— А прозрачна ли вода в том, по которому мы идем?

Первый помощник взглянул вниз, в воду под

бортом корабля, и она была как чернила. Даже брызги с усердно работающего колеса казались черными как вороново крыло. И тут он все понял и крикнул команде становиться к орудиям. Но не отдал приказа готовить орудия к бою, ибо они и так давно уже ждали своего часа.

Впереди лежал остров крупнее прочих, а на вершине его росли высокие мрачные деревья. Здесь канал делал плавный поворот, так что ветер, который прежде дул прямо в корму, изменился на четверть румба. Рулевой положил руки на штурвал, команда подняла одни паруса и убрала другие. Корабль обогнул крутой выступ скалы, и там, впереди, они увидели длинный узкий корпус судна с одной-единственной металлической башней посередине палубы и одной пушкой, во много раз больше, чем любое из их орудий, торчавшей из единственной амбразуры.

Тогда юноша, рожденный из снов, открыл было рот, чтобы отдать приказ орудийной команде открыть огонь, но еще раньше взревела пушка противника. Звук тот не был подобен грому или иному звуку, привычному человеческому уху, — они почувствовали, словно разом вокруг них рухнули стены каменной башни.

Ядро ударило в казенную часть первой пушки

батареи правого борта, разбило ее на куски и взорвалось само, так что по всему кораблю, как черные листья, мчащиеся по воздуху при первых порывах урагана, полетели обломки чугуна и поубивали многих.

Тогда рулевой, не дожидаясь приказа, развернул корабль, чтобы могла стрелять кормовая батарея. Орудия, повинуясь воле людей, взвыли одно за другим, подобно волкам при луне. Их снаряды пролетали по обе стороны от железной башни, а некоторые ударялись в нее, и удары эти отзывались колокольным звоном по только что погибшим воинам. Часть снарядов зарывалась в воду перед бортом противника, в то время как другие попадали в железную палубу и с визгом отскакивали от нее высоко в небо.

И снова заговорила пушка противника.

Так продолжалось всего несколько мгновений, но они тянулись как целые годы. Наконец, юноша вспомнил совет, данный принцессой, дочерью Ночи. Но ветер, хотя и крепкий, дул не в ту сторону, и потому для того, чтобы враг оказался с наветренной стороны, надо было развернуть корабль. Во время разворота пушки навести было нельзя, и стреляли только из погонных орудий. А когда корабль развернулся, бой стала вести

батарея правого борта, на которой уже не хватало одного орудия и многих людей.

Но тут юноше пришло в голову, что они сражаются так же, как сражались до них уже сотни смельчаков, а ведь всех настигла смерть — корабли их пошли на дно, а кости рассеяны теперь по протокам, рассекающим остров великана. Он отдал приказ рулевому, но не дождался ответа, ибо тот был мертв и теперь штурвал, который он прежде держал в руках, поддерживал его тело. Увидев это, юноша, рожденный из сновидений, сам взялся за штурвал и направил на великана узкий нос своего судна. И тут удача повернулась к нему лицом: первое ядро врага, которому ничего не стоило разнести все судно в щепки, от носа до кормы, не достигло левого борта на ширину весла, а второе не долетело до правого на ширину шлюпки. Теперь их противник, который доселе твердо стоял на месте, не думая ни приближаться, ни отступать, начал разворачиваться. Видя это мнимое отступление, матросы издали радостный клич, словно уже одержали победу. Но, к их удивлению, единственная башня, казавшаяся закрепленной намертво, повернулась в противоположную сторону, так что ее огромная пушка, превышавшая по размеру любое из их орудий,

по-прежнему смотрела им в лицо.

В следующий миг ядро вылетело из ее дула и ударило в самую середину палубы. Оно снесло с лафета одну из пушек, как отец-пьяница пинком вышвыривает младенца из люльки, и та заскользила по палубе, сметая все на своем пути. Уцелевшие орудия батареи ответили огнем. И поскольку расстояние до противника теперь стало вдвое меньше (а быть может, просто потому, что плоть врага ослабла от изъявления страха), звук при попадании ядер на его палубу изменился — словно колокол, возвещавший конец света, дал трещину. А на черной маслянистой поверхности металла появились извилистые раны.

Тогда юноша крикнул людям, добросовестно кормившим белое пламя деревянными поленьями, чтобы они вылили смолу в огонь, как наказывала принцесса. Он испугался было, что в машинном отделении не осталось ни одного живого, ибо приказа его сперва не расслышали из-за грохота сражения. Но потом он увидел, как на искрящуюся солнечными бликами поверхность воды, отделяющую его от врага, надвигается тень.

Говорят, в стародавние времена одна девчонка-оборвашка, дочка рыбака, нашла на морском

берегу запечатанный сургучом сосуд и за то, что взломала печать и вынула пробку, получила власть над миром, от ледника до ледника. Так вот, в тот миг им показалось, что то же самое первобытное существо, наделенное невиданной мощью в кузнице творения, вырвалось на волю из высоких труб их корабля, кувыркаясь в воздухе в своем мрачном торжестве и устремляясь ввысь при каждом новом порыве ветра.

Шквал налетел с новой силой, подхватил это существо и бросил его, точно сгусток, на врага. Все скрылось из виду — и длинный черный корпус с железной палубой, и страшное орудие, зев которого извергал гибельные звуки. Но люди не теряли времени даром, их пушки непрерывно палили в темноту. Время от времени они слышали ответные выстрелы, но не видели вспышек и не знали, куда летят ядра врага. Может статься, ядра эти так и не отыскали своей цели и до сих пор кружат вокруг света в поисках жертвы.

Батарея вела огонь, пока стволы орудий не раскалились, как слиток, только что вынутый из тигля. Потом дым, который так долго валил густым столбом, стал редеть, а из машинного отделения раздался крик, что смола кончилась. Юноша, созданный из снов, приказал прекратить

огонь, и люди тут же попадали на палубу как трупы среди мертвых тел своих товарищей. Так велика была их усталость, что никто даже не молил об утолении жажды.

Черное облако рассеялось — не так, как туман тает под лучами солнца, а как стойкая армия повинуется приказу к отступлению — оставляя одну позицию, но упорно продолжая защищать другую, разбрасывая там и сям отряды стрелков, хотя все знают, что положение безнадежно.

Тщетно оглядывали они воды в поисках врага. Вокруг не было ничего: ни корпуса, ни башни, ни пушки, ни доски, ни щепки.

Медленно-медленно, словно охотник, подкрадывающийся к невидимой добыче, они приближались к месту, где прежде стоял на якоре их противник. Они заметили разбитые в щепки деревья и взрытую землю на ближнем островке, куда попадали их выстрелы. Оказавшись над местом, где прежде они видели изводы железного корпуса, юноша, рожденный из снов, приказал остановиться, и их судно замерло без движения, как прежде стоял их враг. Потом юноша перегнулся через борт и посмотрел в глубину вод. Но на лице его застыло такое выражение, что никто из людей, даже самые смелые, не решился больше

взглянуть ему в глаза.

Когда он, наконец, поднял голову, лицо его было мрачным и задумчивым. Не говоря ни слова, он удалился в свою каюту и запер за собою дверь. Тогда юноша, который был его первым помощником, приказал возвращаться к белому дворцу принцессы. Потом он велел перевязать раненых, запустить помпы и начать чинить на корабле все то, что еще можно было починить. Но мертвых они взяли с собой, чтобы похоронить их, как и подобает, в открытом море.

Часть 5
Смерть ученого

Может быть, пролив оказался не таким прямым, как им представлялось, может, они пошли не тем курсом, а может, как утверждают некоторые, волшебные каналы извивались, точно черви, когда люди их не видели. Как бы там ни было, но они плыли целый день — на паровом ходу, потому что ветер стих, — и на закате того же дня поняли, что идут меж незнакомых островков.

Всю ночь корабль дрейфовал. Наутро первый помощник призвал к себе тех, кто мог бы дать дельный совет, но никто не мог предложить ничего подходящего — разве что обратиться к юноше, рожденному из снов (чего они все боялись), или же продолжать движение вперед, пока не достигнут открытого моря или дворца принцессы.

Так и пришлось поступить. Весь следующий день они плыли, стараясь не сбиваться с курса, но, помимо своей воли, петляя по бесчисленным изгибам каналов. И когда пришла ночь, их поло-

жение было ничуть не лучше, чем накануне.

Но наутро третьего дня юноша, рожденный из снов, появился из каюты и стал ходить по палубе, проверяя, как заделали пробоины, и обращаясь с добрым словом к раненым, которым не давала спокойно спать боль. Остальные столпились вокруг него, поведали о том, что уже делали, и спросили, как им найти выход к морю, дабы похоронить мертвых и вернуться домой, в город магов.

Взгляд юноши, рожденного из снов, устремился к небесному своду. Некоторые посчитали, что он возносит молитвы, другие — что он старается обуздать свое раздражение против них, а третьи видели в его взгляде надежду на откровение свыше. Но так долго смотрел он в небо, что товарищи испугались, как прежде, когда он не отрывал взора от мутной воды, и уже стали тихонько расходиться. Только тогда он обратился к ним:

— Смотрите! Видите в вышине морских птиц? Со всех сторон неба они стремятся в одном направлении. Следуйте за ними.

Почти до полудня они следовали за птицами, насколько позволяли им извилистые каналы. Наконец, они увидели впереди огромную стаю морских пернатых. Птицы клубились в воздухе

и ныряли в море, а их белые крылья и черные головки будто сливались в облако по ходу корабля — облако, светлое по краям, но таящее в себе грозу. Потом юноша, рожденный из снов, приказал зарядить орудие одним лишь порохом и дать залп. От грохота выстрела все птицы с криком взмыли ввысь, а на том месте, где раньше было облако, люди увидели огромный кусок гниющей плоти, который сперва показался им трупом какого-то наземного зверя, ибо у него была голова и четыре конечности. Но размером он превосходил стадо слонов.

Корабль приблизился, и юноша велел спустить шлюпку. Когда он садился в нее, многие заметили у него на поясе длинный кинжал с лезвием, на котором играло солнце. Некоторое время он трудился над трупом, а когда вернулся, при нем оказалась морская карта, такая огромная, какой никому из них не приходилось видеть. А начерчена она была на куске невыделанной кожи.

К наступлению темноты они достигли дворца принцессы. Пока у нее гостила мать, все оставались на борту, но когда эта страшная гостья покинула остров, все, кто мог ходить, сошли на берег. Их окружили Хлебные Девы — сотня на каждого, — а юноша, рожденный из снов, подал

руку дочери Ночи, и все пустились в пляс. Никто из них не забыл этой ночи до конца своих дней.

Рассвет застал их под деревьями сада принцессы, спящими среди цветов. Они отдыхали, пока полдень не отбросил назад тени мачт. Потом принцесса попрощалась с островом и поклялась, что посетит все земли, по которым странствует ее мать, но сюда не вернется никогда. И все Хлебные Девы поклялись в том же. Их было так много, что боялись, корабль не выдержит груза, но он выстоял. Все его палубы исчезли из виду под зеленью одеяний и золотом их волос.

Много приключений ожидало их на пути к городу магов. Можно было бы рассказать о том, как они с молитвами опустили тела своих убитых в морскую пучину, а потом увидели, что ночью те оказались среди снастей судна. Или о том, как некоторые Хлебные Девы вышли замуж за принцев, которые так долго жили под чарами, что уже не желали иной участи и, обучившись волшебству, построили дворцы на полянах, среди лилий, и скрывались от людских глаз.

Но об этом — в другой книге. А здесь достаточно будет сказать, что, когда корабль подошел к скалам, где возвышался город магов, ученый, который создал сына из сновидений, стоял на

башенной стене и смотрел в море. И когда он завидел вдали траурные паруса — черные от копоти, которая ослепила врага, — он подумал, что их затемнили в знак скорби по его погибшему сыну. И тогда он бросился со стены и разбился. Ибо человек не может жить долго, если мертвы его сны.

Глава 18
Зеркала

Читая вслух эту небылицу, я время от времени посматривал на Иону, но ни разу на его лице не появилось и проблеска осмысленного выражения, хотя он не спал. Закончив, я сказал:

— Непонятно, почему ученый подумал, что его сын погиб, когда увидел черные паруса. Правда, у корабля, который посылал великан, тоже были черные паруса, но ведь тот корабль приходил только раз в году, и время уже прошло.

— Я знаю, — проговорил Иона. Его голос звучал совсем вяло.

— Ты хочешь сказать, что знаешь ответ?

Он промолчал, и некоторое время мы сидели в полной тишине: я — со своей коричневой книгой (так настойчиво воскрешавшей в памяти Теклу и наши вечерние встречи), заложив указательный палец на том месте, где мы закончили чтение, и он — прислонившийся спиной к холодной тюремной стенке, а обе его руки — одна из металла, вторая из человеческой плоти — лежали по бокам, как ненужные, забытые вещи.

Вдруг молчание нарушил тоненький голосок:

— Наверное, это очень старая сказка. — Это была все та же девочка, которая поднимала для нас потолок.

Я так беспокоился за Иону, что даже рассердился, что она вклинилась в наш разговор, но Иона пробормотал:

— Да, это совсем древняя история. Герой сказал царю, своему отцу, что, если его постигнет неудача, он вернется в Афины под черным парусом.

Я не знаю, что означала его фраза. Может быть, он бредил, но, поскольку это были чуть ли не последние его слова, я хочу привести их здесь, вслед за легендой, с которой они были связаны.

Одно время мы с девочкой старались заставить его разговориться. Но он хранил молчание, и мы оставили свои попытки. Остаток дня я провел подле него, и через стражу или около того к нам присоединился Гефор (чей скудный запас разума, как я и предполагал, был уже полностью исчерпан узниками). Я перекинулся несколькими фразами с Ломером и Никарет и попросил их выделить Гефору место в противоположном конце зала.

Что бы ни говорили, почти всех нас временами посещает бессонница. Некоторые и вправду не

засыпают, другие же спят как сурки, но потом с пеной у рта клянутся, что не могли сомкнуть глаз. Одних тревожат кошмары, а немногих счастливчиков посещают восхитительные сновидения. Есть люди, которые твердят, что одно время страдали от бессонницы, но потом «излечились», как будто бодрствование — это болезнь, каковой оно, возможно, и является в действительности.

Что касается меня, то я обычно не вижу запоминающихся снов (хотя бывали и исключения, как убедится читатель, все еще не покинувший меня) и не просыпаюсь раньше утра. Но той ночью мой сон был так необычен, что я часто гадаю, можно ли вообще назвать это сном. Вероятно, это какое-то другое состояние, маскирующееся под сон, как альзабо, наевшись человечины, подделываются под людей.

Если это было следствием естественных причин, то я склонен приписать свое состояние неудачному стечению обстоятельств. Я привык много двигаться, привык к тяжелой работе и вдруг оказался лишенным и того и другого. Сказка из книги с коричневым переплетом немало воздействовала на мое воображение, еще больше меня будоражила сама книга, ее связь с Теклой и то, что я теперь нахожусь в самой Обители Абсо-

люта, о которой она так часто рассказывала. Что еще важнее, меня угнетала тревога за Иону и ощущение (которое все росло и росло во мне), что это конец моего путешествия и я никогда не попаду в Тракс, никогда не воссоединюсь с бедной Доркас, никогда не верну Коготь его владельцам и даже не сумею избавиться от него. Мне приходило в голову и то, что Творец, которому служил Коготь, постановил, чтобы я, ставший свидетелем гибели стольких несчастных, заключенных в темницу, окончил свои дни как один из них.

Я заснул, если это можно назвать сном, всего лишь на миг. Меня охватило ощущение падения; судорога, а затем инстинктивное оцепенение жертвы, выброшенной из окна, сковало мои члены. Я сел и не увидел вокруг себя ничего, кроме темноты. Я слышал дыхание Ионы, а пошарив рукой, понял, что он все еще сидит, прислонившись к стене. Снова лег и провалился в сон.

Вернее, я старался заснуть и находился в неопределенном состоянии полусна-полубодрствования. В другое время оно показалось бы мне приятным, но только не теперь: я осознавал потребность в сне и понимал, что не сплю. И все же это не было обычным бодрствованием, ибо я слышал слабые голоса во дворе гостиницы,

каким-то образом чувствовал, что сейчас зазвонят колокола на звоннице и наступит день. Мои члены снова дернулись, и я оказался в сидячем положении.

Мне было померещилось, что я видел вспышку зеленоватого света, но ничего не произошло. Я накрылся плащом, и мгновения, необходимого для этого действия, хватило, чтобы я вспомнил, что нахожусь в вестибюле Обители Абсолюта, а гостиница в Сальтусе осталась далеко позади, хотя Иона и лежал рядом со мной на спине, закинув за голову здоровую руку. Слабое свечение, которое я видел, оказалось белком его правого глаза, хотя дышал он как спящий. Я сам был еще слишком сонным, чтобы говорить, к тому же предчувствовал, что он все равно не станет мне отвечать.

Я снова лег и разозлился из-за того, что сон никак не идет. Я вспомнил стадо, которое проходило через Сальтус, пересчитал скот по памяти — сто тридцать семь. Потом снова увидел солдат, с песней поднимавшихся от Гьолла. Хозяин гостиницы спросил меня об их численности, а я назвал число наобум, хоть до нынешнего момента и не думал их считать. Может, он шпион…

Мастер Палаэмон учил нас чему угодно, кроме

искусства засыпать — ни один из учеников не испытывал в том нужды, потому что весь день мы отскребали грязь и работали на кухне, вдобавок нами помыкали все кому не лень. Каждый вечер перед сном мы бушевали в спальне, а потом спали не хуже обитателей некрополя, пока нас не будили, чтобы послать натирать полы и выносить помойные ведра.

На столе, где Брат Айберт нарезает мясо, — ряд ножей. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь ножей, у всех лезвие более плоское, чем у мастера Гурло. У одного отлетела заклепка на ручке, у другого ручка слегка обгорела, потому что Брат Айберт оставил его на очаге…

Я снова проснулся или думал, что проснулся, сам не зная почему. Рядом со мной дрыхнул Дротт. Я закрыл глаза и тоже постарался заснуть.

Триста девяносто ступеней от земли до нашей спальни. Сколько до площадки на башне, где стоят пушки? Раз, два, три, четыре, пять, шесть пушек. Раз, два, три этажа камер в подземелье. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь крыльев на каждом этаже. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать, семнадцать камер в

каждом крыле. Раз, два, три решетки на окошке в двери моей камеры.

Я вздрагиваю и просыпаюсь в холодном поту, но звук, разбудивший меня, — всего лишь лязг засова в конце коридора. Рядом со мной лежит мой возлюбленный, Северьян, объятый легким сном, свойственным юности. Я сажусь, подумав, что хорошо бы зажечь свечу, чтобы насладиться свежими красками этого точеного лица. Каждый раз, приходя ко мне, он приносит частицу свободы, сияющую на его лице. И каждый раз я беру эту частицу, и вдыхаю ее, и прижимаю это лицо к груди, и всякий раз она тускнеет и исчезает. Но иногда этого не происходит, и тогда, вместо того чтобы еще больше погрязнуть под слоем металла и земли, я взмываю через металл и землю к небу и ветру.

Или я сама себя в этом убеждала. Но даже если и так, все равно единственной моей радостью оставалось его лицо, озаренное свободой.

Но когда я потянулась за свечой, рука обнаружила пустоту, а глаза, уши и даже кожа сообщили, что вместе с нею исчезла и моя камера. Свет был тусклым, совсем ничтожным, но не таким, что исходит от свечи палача в коридоре и проникает ко мне через три прута решетки в окошке каме-

ры. Слабое эхо возвещало о том, что помещение, куда я попала, обширнее, чем целая сотня таких камер. Щеки и лоб, стершиеся от постоянной близости каменных стен, говорили о том же.

Я встала, оправила платье и двинулась вперед почти как сомнамбула…. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь шагов, затем запах скученных тел и спертый воздух… Теперь я знала, где нахожусь. Это вестибюль! Я ощутила укол в сердце. Неужели Автарх приказал перевести меня сюда, пока я сплю? Пощадят ли меня другие, когда приедут с бичами? Дверь! Дверь!

Я едва не упала, повергнутая волной смятения, захлестнувшей рассудок.

Я сжала руки, но руки не были моими. Левая рука встретила руку слишком крупную и сильную, в тот же миг правая ощутила то же самое.

Текла покинула меня, как уходит сон. Или, вернее, все время уменьшалась, пока не превратилась в ничто и растворилась во мне, и тут я снова стал самим собою.

И все же я успел поймать тот момент. В моей памяти запечатлелась дверь, через которую по ночам приходят молодые экзультанты со своими светящимися бичами из крученой проволоки. И все остальное, что я видел и слышал. Завтра я

могу бежать. Или прямо сейчас.

— Извини, — раздался шепот, — куда подевалась та дама?

Все то же дитя — темноволосая девочка с ночными глазами. Я спросил ее, о ком она говорит.

Она уцепилась за мою руку крошечными ладошками.

— Я видела даму. Высокую даму, и мне страшно. В темноте прячется ужас. Он нашел ее?

— Ты же не боишься того, что в темноте, разве не помнишь? Ты смеялась над зеленым лицом.

— Это совсем другое. Что-то темное, пыхтевшее в темноте. — В ее голосе слышался неподдельный страх, а руки дрожали.

— Какой была эта дама?

— Не знаю. Я увидела ее только потому, что она была темнее, чем тени, но сразу поняла, что это дама, по ее походке. А когда я подошла посмотреть, тут никого не было, кроме тебя.

— Теперь понятно, — ответил я, — хотя от всей души надеюсь, что тебе никогда не придется этого понимать. Возвращайся к матери и ложись спать.

— Оно бродит вдоль стены, — прошептала девочка. Потом выпустила мою руку и исчезла, но я уверен, что она не поступила, как ей было

велено. Наверняка она, в конце концов, последовала за нами с Ионой, потому что уже дважды мельком видел ее с тех пор, как вернулся сюда, в Обитель Абсолюта. Не сомневаюсь, что она питается тем, что удается украсть. (Возможно, она частенько возвращалась в вестибюль за едой, но я приказал выпустить всех заключенных, даже если придется — а я думаю, что без этого не обойтись, — выгонять их на свободу силой. Я также приказал, чтобы ко мне привели Никарет. И несколько минут назад, когда я писал о нашем пленении, вошел дворецкий и доложил, что она ожидает приема.) Иона лежал в той же позе, в какой я его оставил, и в темноте снова светились белки его глаз.

— Ты говорил, что для того, чтобы не лишиться рассудка, должен выбраться отсюда, — потормошил я его. — Пошли. Тот, кто послал ночниц, кем бы он ни был, уже взялся за другое оружие. Но я знаю выход, и мы идем немедленно.

Он не шевельнулся. Наконец я взял его за руку и поднял. Наверное, металлические части его тела были выкованы из того белого сплава, что обманчиво легок на подъем. Иона весил не больше мальчика. И металл, и плоть были влажными и скользкими на ощупь. Ту же омерзительную

слизь ощутила моя нога на полу. То, о чем предупреждала меня девочка, кем бы оно ни было, пришло и ушло, пока меня не было, но искало оно не Иону.

Дверь, через которую проникали мучители узников, оказалась поблизости от нас, в центре самой дальней стены вестибюля. Она отпиралась при помощи заклинания, как почти все древние двери. Я шепнул нужное слово, и мы прошли в тайную нишу, оставив дверь открытой. Бедный Иона ступал так скованно, словно весь целиком был сделан из металла.

Узкая винтовая лестница, затянутая паутиной — произведением бесцветных пауков, и покрытая толстым слоем пыли, вела вниз. Это я хорошо помню, но все остальное стерлось из памяти. Что бы ни ждало нас впереди, в затхлом воздухе веяло свободой, даже просто вдыхать его было великой радостью, и хотя тревога не покидала меня, хотелось громко смеяться. На многих площадках мы замечали потайные двери, но существовал шанс — и даже очень серьезный, — что за ними мы можем кого-нибудь встретить, зато сама лестница казалась безопасной. Я хотел оказаться как можно дальше от вестибюля, прежде чем мы столкнемся с кем-нибудь из обитателей Обители

Абсолюта.

Спустившись примерно на сотню ступеней, мы обнаружили дверь, на которой был начерчен ярко-красный знак — в языках Урса подобных букв я не встречал. Спустя мгновение я услышал шаги наверху. На двери не было ни замка, ни ручки, но я навалился на нее всем весом, и после непродолжительного сопротивления она открылась. Иона последовал за мной. Дверь так быстро захлопнулась за нами, что я ожидал страшного грохота, но так и не дождался.

В комнате было почти темно, но когда мы вошли, свет стал гораздо ярче. Удостоверившись, что кроме нас там никого нет, я воспользовался этим светом, чтобы хорошенько рассмотреть Иону. Лицо его все еще было неподвижным, — как тогда, в вестибюле, когда он сидел у стены, но уже не пугало своей безжизненностью. Оно стало похожим на лицо человека, пробуждающегося от сна, а по щекам пролегли влажные бороздки слез.

— Ты меня узнаешь? — спросил я, и он молча кивнул. — Иона, я должен вернуть «Терминус Эст», если смогу. Я бежал, как последний трус, но теперь у меня была возможность подумать, и я считаю, что должен возвратиться за ним. В

ножнах письмо к архону Тракса, да и все равно, я не перенесу разлуки с этим оружием. Но если ты попробуешь выбраться отсюда без меня, я тебя пойму. Ты ко мне не привязан.

Казалось, он не слышит ни единого слова.

— Я знаю, где мы, — проговорил он, вытянув руку и указывая на что-то, что я вначале принял за складную ширму.

Я был так рад, что он заговорил, что, хотя бы для того, чтобы просто еще раз услышать его голос, спросил:

— Так где же мы?

— На Урсе, — раздался ответ, и он направился к сложенным панелям. На обращенной к нам стороне имелось что-то вроде россыпи бриллиантов. Я разглядел и корявые эмалевые знаки, как тот, что я видел на двери. Но эти буквы не показались мне более странными, чем то, что произошло с Ионой, когда он раздвинул панели. Его былая скованность исчезла без следа, но прежним Ионой он не стал.

Именно тогда я всё понял. Каждому из нас, наверное, приходилось видеть, как человек, потерявший руку (подобно Ионе) и заменивший ее протезом, совершает какое-нибудь действие, в котором участвуют обе руки — и настоящая и

искусственная. То же самое я наблюдал, когда Иона возился с панелями, но дело в том, что чужой казалась его рука из плоти и крови. Тогда я понял и его слова о том, что при крушении корабля было уничтожено его лицо.

Я пробормотал:

— Глаза… Они не могли заменить глаза. Верно? И дали тебе это лицо. А он был мертвым?

Взгляд Ионы ясно говорил о том, что он едва ли до этого осознавал мое присутствие.

— Он был на площадке, — после долгого молчания ответил он. — Мы убили его случайно. Мне потребовались его глаза, горло и некоторые другие части.

— Так вот почему ты терпел общество палача. Ты машина.

— Ты ничуть не хуже, чем все остальное ваше племя. Помни, что задолго до того, как мы повстречались, я стал одним из вас. Теперь я хуже, чем ты. Ты бы не бросил меня, а я тебя бросаю. У меня появился шанс, и именно к нему я стремился долгие годы, обшаривая все семь континентов этого мира в поисках иеродулов и пытаясь приспособить ваши неуклюжие механизмы.

Я вспомнил, что произошло с тех пор, как я принес нож Текле, и, хотя не вполне понимал его

слова, сказал:

— Если это твой единственный шанс, иди, и удачи тебе. Если я когда-нибудь встречу Иоленту, скажу ей, что ты любил ее, и ничего больше.

Иона покачал головой.

— Неужели ты не понял? Я вернусь за ней, когда меня исправят. Когда стану здравым и цельным.

Потом он вступил в круг панелей, и в воздухе над его головой появилось нестерпимо яркое сияние.

Как глупо называть их зеркалами. По сравнению с зеркалами они то же самое, что небесный свод — по сравнению с воздушным шариком. Конечно, они отражают свет, но это, как мне представляется, всего лишь часть их истинного назначения. А оно в том, чтобы отражать истинную реальность, метафизическую субстанцию, что лежит в основе материального мира.

Иона задвинул за собой панели и передвинулся в центр круга. Некоторое время, в течение которого можно прочесть самую короткую молитву, какие-то провода и сияющая металлическая пыль плясали над панелями, потом все исчезло, и я остался один.

Глава 19
Кладовые

Я остался один, а ведь с тех пор, как я вошел в комнату полуразвалившейся городской гостиницы и увидел широченные плечи Балдандерса, не прикрытые одеялами, мне ни разу не приходилось оставаться одному. Был доктор Талос, потом Агия, потом Доркас, потом Иона. На меня снова навалилось бремя памяти, и я увидел отчетливый силуэт Доркас, великана и всех остальных, как видел их, когда меня с Ионой вели через сливовую рощу. А еще жонглеры, дрессировщики, лицедеи. Несомненно, они направлялись в ту часть сада, которая (как часто рассказывала мне Текла) предназначалась для увеселений под открытым небом.

Я принялся обыскивать комнату в смутной надежде обнаружить свой меч именно в ней, но тут мне пришло в голову, что поблизости от вестибюля, наверное, есть какое-нибудь хранилище, где держат вещи узников, — скорее всего, на том же этаже. Лестница, по которой мы спустились, могла привести меня только в сам вестибюль. Выход

из комнаты с зеркалами привел меня в другое помещение, где хранились странные предметы. Наконец, я случайно обнаружил дверь, открывавшуюся в темный тихий коридор, устланный ковром и увешанный картинами. Я надел маску и набросил плащ, решив, что, хотя стража, которая схватила нас в лесу, ничего не знала о моей гильдии, те, кого я могу встретить здесь, в залах Обители Абсолюта, могут оказаться не столь невежественны.

По воле случая никто со мной не заговорил. Мужчина в богатой и изысканной одежде отпрянул к стене, а несколько красивых женщин остановили на мне любопытные взгляды. Я чувствовал, как при виде их лиц во мне всколыхнулась память о Текле. Наконец, я набрел на другую лестницу — не узкую, потайную, а парадную, с большими пролетами и широкими ступенями.

Немного поднявшись, я обследовал один из коридоров, убедившись, что все еще нахожусь ниже вестибюля, потом снова стал подниматься, когда вдруг увидел молодую женщину, которая спешила по лестнице мне навстречу.

Наши глаза встретились.

В тот миг я был совершенно уверен — она, как и

я, поняла, что нам уже доводилось глядеть в глаза друг другу. В памяти моей звучал ее воркующий голосок: «Моя дражайшая сестрица…», а лицо сердечком заняло в ней надлежащее место. Нет, это была не Теа, супруга Водалуса, но очень похожая на нее женщина (несомненно, одолжившая и ее имя), мимо которой я прошел на лестнице в Лазурном Доме — она спускалась, я поднимался — точно так же, как сейчас. Стало быть, ни одно празднество не может обойтись не только без лицедеев, но и без шлюх.

Я нашел этаж, где находился вестибюль, лишь благодаря чистейшей случайности. Едва я сошел с лестницы, как понял, что оказался как раз в том месте, где стояли хастарии, когда мы с Никарет беседовали у серебряной каталки. Именно это место и было самым опасным, поэтому я замедлил шаг. Справа виднелось примерно с полдюжины дверей: все в резных деревянных рамах, и все при ближайшем рассмотрении оказались забитыми наглухо и посеревшими от старости. Слева была только одна дубовая, источенная жучком дверь, через которую солдаты протащили нас с Ионой. Напротив нее открывался вход в вестибюль, а за ним — тоже ряд заколоченных дверей, в конце которого виднелась вторая лестница. По-види-

мому, вестибюль занимал весь этаж этого крыла Обитатели Абсолюта.

Я бы и не подумал замешкаться, если бы коридор не оказался совершенно пустым. На мгновение я прислонился к колонне второй винтовой лестницы. Тогда меня вели два стражника, а третий нес «Терминус Эст». Резонно было бы предположить, что, когда нас с Ионой втолкнули в вестибюль, этот третий уже преодолел несколько ступеней, и направился в место, предназначенное для хранения оружия, которое отбирали у задержанных. Но память отказала мне; тот солдат остался сзади, когда мы стали спускаться по ступеням грота, и больше я его не видел. Может, он вообще не пошел за нами.

В отчаянии я вернулся к двери, источенной жучком, и открыл ее. Гниловатый запах колодца сразу же хлынул в коридор, и я опять услышал музыку зеленых гонгов. Там, наверху, царила ночь. Неровные стены были невидимы — только пятна светящихся грибов. Лишь диск, испещренный точками звезд, обозначал место, где колодец открывался наружу.

Я прикрыл дверь. Не успела она захлопнуться, как на лестнице послышались шаги. Спрятаться было некуда. Добраться до второй лестницы,

прежде чем меня увидят, я не успел бы. Можно было проскочить наружу, но я решил остаться на месте.

Появился плотный человечек лет пятидесяти, одетый в ливрею. Несмотря на длину коридора, я заметил, что при виде меня его лицо побледнело. Однако он поспешил мне навстречу, а оказавшись на расстоянии двадцати или тридцати шагов, начал отвешивать поклоны и заговорил:

— Чем могу служить, твоя честь? Мое имя Одило. Я здесь управителем. Вижу, ты с конфиденциальным поручением к… Отцу Иниру?

— Да, — не раздумывая подтвердил я. — Но сначала мне бы хотелось получить свой меч.

Я надеялся, что он уже видел «Терминус Эст» и знает, где его искать, но он ответил непонимающим взглядом.

— Когда я прибыл, меня попросили сдать оружие и сказали, что вернут его, как только мои услуги понадобятся Отцу Иниру.

Маленький человечек решительно замотал головой.

— Уверяю тебя, я занимаю такое положение, что мне немедленно сообщили бы, если бы слуги…

— Я говорил с преторианцем.

— А-а, конечно, мне следовало бы сразу дога-

даться. Их тут видимо-невидимо, и никто никому ничего не докладывает. Твоя честь, дело в том, что сбежал один из заключенных. Может, ты знаешь…

— Нет.

— По имени Бевзек. Говорят, он неопасен. Его и еще одного преступника обнаружили прячущимися в беседке. Однако этот Бевзек как-то умудрился вырваться и был таков. Стража все твердит, что его вот-вот поймают. Не знаю, не знаю. Я провел в Обители Абсолюта всю жизнь, и в нем масса очень странных уголков. Весьма странных.

— Наверное, мой меч как раз в одном из них. Не мог бы ты взглянуть?

Он отступил, как будто я замахнулся.

— Разумеется, твоя честь, разумеется. Я всего лишь хотел поддержать приятную беседу. Возможно, он прямо здесь, внизу. Если ты последуешь за мной…

Мы прошли ко второй лестнице, и тут я понял, что впопыхах проглядел под ней узенькую дверцу. Она была покрашена белой краской и почти сливалась с каменной стеной.

Управитель достал тяжелую связку ключей и открыл дверь. За ней оказалась треугольная

комната гораздо больших размеров, чем мне представлялось. В дальнем конце от двери, под потолком, имелось нечто вроде антресолей, к которым вела деревянная лесенка. Комнату освещали такие же светильники, как в вестибюле, только пользы от них было еще меньше.

— Ну как, не видать твоего меча? — спросил управитель. — Погоди-ка, где-то здесь должна быть свеча. На этих полках при таком освещении ничего не разглядишь.

Пока он говорил, я обшаривал полки. Они были завалены одеждой, среди которой вдруг попадались то пара башмаков, то карманный ножик, то флакон с духами.

— Когда я сам был еще подростком, кухонные мальчишки все время ломали запор и хозяйничали здесь. Я положил этому конец — повесил надежный замок, но поздно — самое ценное наверняка пропало.

— А что это за комната?

— Поначалу — кладовка. Нечто вроде раздевалки для просителей. Плащи, шляпы, башмаки — ну, словом, можешь себе представить. Здесь всегда была куча барахла. Те, что отсюда выходили, обычно на радостях и не вспоминали про свои вещи, а поскольку это крыло всегда принадлежа-

ло Отцу Иниру, много было и таких, кто, придя повидать его, оставались здесь на всю жизнь. Зато уж кому удалось выйти, те больше никогда не появлялись. — Он помолчал, оглядываясь по сторонам. — Мне пришлось дать солдатам ключи, чтобы они не взломали дверь, когда искали этого Бевзека, так что, я думаю, они могли занести твой меч сюда. А если не сюда, так, наверное, в караульную комнату. Этот ведь не твой, верно? — Он вытащил из угла старый эспадрон.

— Да, не очень-то похож.

— Боюсь, больше оружия здесь нет. Я могу объяснить тебе, как пройти в караульное помещение. Или, если прикажешь, разбужу одного из пажей и пошлю его.

Лестница на антресоли еле держалась, но я взял у управителя свечу и вскарабкался наверх. Не потому, что солдаты могли засунуть сюда «Терминус Эст» — просто нужно было немного подумать о перспективах, открывающихся передо мной.

Взбираясь, я услышал наверху шорох и решил, что это шмыгнул прочь какой-нибудь грызун, но когда моя голова оказалась над настилом, я при свете свечи увидел маленького человечка — того самого, что был вместе с Гефором на дороге. Он стоял на коленях, глядя на меня умоляющим

взглядом. Это, без сомнения, был Бевзек. Я вспомнил имя, только когда увидал его.

— Что там, твоя честь?

— Тряпье. Крысы.

— Так я и думал, — проговорил управитель, пока я делал шаг с последней перекладины. — Конечно, не стоило тебя утруждать, но в мои годы непросто иметь дело с такими ненадежными сооружениями. Изволишь сам пройти в караульное помещение или поднять мальчика?

— Я пойду сам.

Он кивнул с понимающим видом.

— Я тоже думаю, что так сподручней. Они могут не отдать меч пажу и даже не признаются, что он у них. Ты сейчас находишься в Крыле Правосудия, как тебе, должно быть, известно. Если не хочешь терять времени на разговоры с караульными нарядами, наружу не выходи. Потому лучше всего будет подняться по этой лестнице на три пролета и повернуть налево. Дальше пройдешь по галерее около тысячи шагов до оранжереи. Там темно, поэтому смотри хорошенько, пока не увидишь растения. Потом сверни направо в оранжерею и пройди еще двести шагов. Там всегда часовой у дверей.

Я поблагодарил его и, пока он возился с замком,

ухитрился довольно далеко проскочить вверх по лестнице. На первой же площадке я укрылся в коридоре, пропустив его вперед. Потом снова спустился в коридор перед вестибюлем.

Предположим, мой меч в какой-нибудь караулке. Тогда очень мало надежды на то, что я смогу вернуть его мирным путем. Поэтому я хотел удостовериться, что его действительно нет в более доступном месте, прежде чем пытаться выкрасть его или же добывать силой. Еще мне казалось возможным, что на него мог случайно наткнуться Бевзек, пока ползал по разным закоулкам, и не мешало бы расспросить беглеца.

Между тем меня беспокоили и узники вестибюля. К тому времени они должны были уже обнаружить потайную дверь, которую мы оставили открытой, и расползтись по всему крылу Обители Абсолюта. Значит, скоро кто-нибудь из них попадется, и тогда начнутся поиски остальных.

Добравшись до двери в кладовку, я приложил к ней ухо, надеясь услышать Бевзека. Но оттуда не доносилось ни звука. Я тихонько позвал его по имени и не получил ответа, потом надавил на дверь плечом. Она не поддалась, а ударить посильнее я боялся. Наконец, я умудрился просу-

нуть край огнива, что дал мне Водалус, в дверную щель и сломать замок.

Бевзек исчез. После непродолжительных поисков я обнаружил в задней стене кладовки дыру, которая открывалась в узкий проход между стенами. Наверное, оттуда он проник в кладовку в поисках места, где мог бы поспать, вытянув ноги, а теперь улизнул туда же. Говорят, в заброшенных лабиринтах Обители Абсолюта живут белые волки, которые давным-давно забрели из окрестных лесов и поселились там. Может быть, Бевзек стал жертвой этих существ, ибо больше я его никогда не видел.

Но той ночью я не собирался искать его. Я приладил на место дверь и как мог замаскировал взломанный замок. И только тогда я обратил внимание на то, что все это помещение было совершенно симметричным: вход в вестибюль в центре, по обеим сторонам две дубовые двери, а дальше две лестницы. Я подумал, что это крыло было отдано на откуп Отцу Иниру, как сообщил служитель и подтверждало название, именно потому, что в нем, по крайней мере отчасти, присутствовал принцип зеркального отражения. А если это так, то под второй лестницей должна находиться такая же кладовая.

Глава 20
Картины

Правда, непонятно было, почему Одило не проводил меня и туда, но я не стал над этим задумываться, а стремительно проскочил коридор. Когда я добежал до кладовой, ответ стал ясен сам собой. Дверь в нее давным-давно была сломана — не замок, а вся дверь, — так что только два куска дерева оставались висеть на ржавых петлях. Светильника внутри тоже не было. Во всем помещении безраздельно властвовали тьма и пауки.

Я уже повернул назад, как вдруг замер, охваченный чувством, что совершил роковую ошибку. Подобное ощущение часто накатывает на человека, еще до того как он понимает, в чем, собственно, состоит его оплошность. Ведь Иону и меня привели в вестибюль под вечер. Той же ночью приходили с бичами юные экзальтанты. Только на следующее утро взяли Гефора. По-видимому, тогда же удрал от преторианцев Бевзек, а управитель передал солдатам ключи, чтобы те могли обыскать все помещения подземелья. Когда Одило говорил со мной несколько мгнове-

ний назад, я сказал, что мой меч забрала охрана — стало быть, он счел, что я прибыл в Обитель Абсолюта уже после побега Бевзека.

А на самом деле все обстояло иным образом. Значит, стражник, который нес «Терминус Эст», никак не мог оставить меч в той кладовке, которую мы осматривали с управителем, потому что она была заперта.

Я вернулся к кладовой со сломанной дверью. В слабом свете из коридора было видно, что в ней некогда тоже были полки, как в комнате-близнеце. Теперь стены были голыми, а полки, наверное, отправились выполнять свое назначение в другое место. Остались лишь крюки, без дела висящие на стенах. Казалось, внутри совсем пусто, но я отлично понимал, что ни один солдат не захотел бы сделать и шагу за порог, в пыль и паутину. Даже не заглядывая внутрь, я наудачу пошарил рукой за притолокой сломанной двери и тут же испытал непередаваемое чувство узнавания с примесью торжества — моя рука нащупала любимую рукоятку.

Я снова стал полноценным человеком. Даже гораздо больше, чем простым смертным, — я был подмастерьем гильдии. Прямо в коридоре я убедился, что письмо, спрятанное в ножнах, на

месте, потом обнажил сияющий клинок, вытер его, смазал и снова вытер. На ходу я все проверял лезвие, пропуская его между большим и указательным пальцами. Теперь пусть попробует явиться ночной охотник!

Следующим ходом я собирался разыскать Доркас, но ничего не знал о докторе Талосе и его труппе, кроме того, что они должны были участвовать в некоем празднике в саду — без сомнения, в одном из многих. Если бы я вышел наружу немедленно, то был бы так же невидим для стражи, как и они для меня. Но я вряд ли нашел бы то, что искал, а как только солнце показалось бы над горизонтом, меня без труда обнаружили бы, как застигли врасплох нас с Ионой, стоило нам ступить на эту землю. Но, оставшись в Обители Абсолюта, я мог бы, как доказывал мой опыт с управителем, не только беспрепятственно перемещаться, но и получать нужные мне сведения. Я решил придерживаться версии, что приглашен на празднество (мне подумалось, что нет ничего невероятного в том, что показательные пытки входят в программу увеселений) и заблудился, выйдя из своей спальни. Тогда меня могли бы направить туда, где разместили Доркас и всех остальных.

Обдумывая свой план, я снова стал подниматься по лестнице, а на второй площадке свернул в новый коридор, длиннее и более пышно обставленный, чем прежние. На стенах висели картины в позолоченных рамах, а между ними стояли на постаментах вазы, статуи и неизвестные мне предметы. Двери отстояли друг от друга примерно на сотню шагов, что говорило о наличии за ними огромных помещений, но все они были заперты. Потрогав ручки, я почувствовал, что они сделаны из незнакомого мне металла, а их форма явно не предназначена для человеческой кисти.

Пройдя по коридору примерно с пол-лиги, я увидел впереди человека, сидящего, как мне сначала показалось, на высоком табурете. При ближайшем рассмотрении то, что я принял за табурет, оказалось лестницей-стремянкой. На ней стоял старик и расчищал картину.

— Прошу прощения, — начал я.

Он обернулся и изумленно уставился на меня.

— Кажется, мне знаком этот голос…

И тут я тоже узнал его голос, а заодно и лицо. То был смотритель Рудезинд — тот самый старик, которого я впервые увидел, когда мастер Гурло послал меня в библиотеку за книгами для шатлены Теклы.

— Тебе нужен Ультан. Все еще его ищешь?

— Нет, я нашел его, — осторожно ответил я, — но это было довольно давно.

Кажется, он рассердился.

— Я же не говорю, что это было сегодня. Но не так уж и давно. Я помню пейзаж, над которым тогда трудился, и это было недавно.

— Я тоже помню. Коричневая пустыня, отражающаяся в забрале человека, облаченного в доспехи.

Он кивнул, а его злость сразу улетучилась. Придерживаясь за края стремянки и не выпуская из руки губку, он стал спускаться.

— Совершенно верно. Та самая картина. Не хочешь ли взглянуть? Получилось совсем недурно.

— Мастер Рудезинд, мы же в другом месте. Это было в Цитадели. А теперь мы в Обители Абсолюта.

Старик не обратил на мои слова никакого внимания.

— Да, совсем недурно… Она где-то здесь, внизу. Что значит старые мастера! Таланта им не занимать, только краски уже выцвели. А я, позволь заметить, в искусстве разбираюсь. Видал я здесь и экзультантов, и армигеров. Приходят, смотрят, болтают то да се, а я-то вижу, что никто из них

ровным счетом ничего не понимает. Кто знает как свои пять пальцев каждый кусочек на любом полотне? — Он ударил себя губкой в грудь, потом наклонился к моему уху и прошептал, хотя в длинном коридоре кроме нас никого не было:

— Хочешь, открою тебе один секрет? На одной из этих картин — я!

Из вежливости я сказал, что жажду взглянуть.

— Нет, я пока не нашел ее, но ищу. Я ищу, и когда найду, покажу тебе. Вот почему я все время тружусь. Да я давно мог бы уйти на отдых, но все еще здесь. Никто не пробыл здесь дольше меня, кроме разве что Ультана. Но он уже слеп, как крот. — Старик разразился хриплым каркающим хохотом.

— Не мог бы ты помочь мне? Где-то здесь должны быть артисты, которых призвали на праздник. Не знаешь, где их разместили?

— Что-то такое я слыхал, — неуверенно пробурчал Истарик. — Зеленая Комната — вот как ее называют.

— А не мог бы проводить меня туда?

Он покачал головой.

— Там нет картин, поэтому я там никогда не бывал. Зато есть картина, где она изображена. Идем-ка со мной. Я покажу ее тебе.

Он потянул меня за край плаща, а мне ничего не оставалось, как последовать за ним.

— Лучше бы ты отвел меня к кому-нибудь, кто покажет саму комнату.

— Это тоже в моих силах. У старого Ультана в библиотеке есть карта. Мальчишка найдет.

— Это не Цитадель, — снова напомнил я. — Кстати, мастер Рудезинд, как ты здесь оказался? Тебя пригласили следить за картинами?

— Правильно, правильно. — Он оперся на мою руку. — Всему есть логическое объяснение, об этом нельзя забывать. Отец Инир захотел, чтобы я следил за его картинами, и вот я здесь. — Он помолчал немного, собираясь с мыслями. — Погоди-ка минутку, что-то я не о том… Талант проявился во мне уже в детском возрасте — вот о чем я должен тебе рассказать. Мои родители, знаешь ли, всегда поощряли меня и позволяли мне рисовать часами. Помню, один раз я провел весь солнечный летний день, расписывая стену нашего дома цветными мелками.

По левую сторону открылся новый коридор, поуже. Мастер Рудезинд потащил меня в него. Несмотря на слабое освещение и недостаток пространства, так что зритель никак не мог оказаться на нужном расстоянии от картины, он был

увешан огромными полотнами, значительно превышавшими по размерам те, что висели в главной галерее, — от пола до потолка в высоту и шире, чем расстояние между кончиками пальцев вытянутых в стороны рук. Насколько я мог судить, это была просто мазня. Я спросил Рудезинда, почему он вдруг решил, что должен рассказывать мне о своем детстве.

— Как почему? По велению Отца Инира, конечно, — удивился он и склонил голову набок, разглядывая мое лицо. — А почему же еще? — Он понизил голос. — Говорят, он слишком стар… Сколько автархов сменилось после Имара, а советником у всех был он… Теперь помолчи и не мешай мне рассказывать. Я найду тебе Ультана.

Однажды к нам пришел художник — настоящий художник. Мать так гордилась моими рисунками! Она показала их ему. Это был Фехин, сам Фехин. Мой портрет его кисти до сих пор где-то среди этих картин и взирает на зрителей моими карими глазами. Я сижу за столом, а на нем кисти и мандарин. Мне его обещали дать, если буду сидеть спокойно…

Я перебил его:

— Пожалуй, теперь у меня нет времени, чтобы взглянуть на него.

— Так я сам стал художником. Очень скоро я взялся расчищать и подновлять творения великих. Так вот, уже дважды я чистил свое собственное изображение. Должен сказать, что при этом испытываешь довольно странное ощущение. Вот бы кто-нибудь пришел с губкой и снял с меня самого налет прожитых лет! Но я же собирался показать тебе совсем другое. Зеленая Комната, если я не ошибаюсь?

— Именно так, — с готовностью подтвердил я.

— Как раз здесь есть ее изображение, так что потом будет нетрудно узнать.

Он указал на одно из огромных грубо намалеванных полотен. На нем была вовсе не комната, а скорее кусок сада — лужайка, огороженная подстриженными кустами, пруд с кувшинками и несколько ив, ветви которых разметал ветер. Мужчина в фантастическом одеянии льянеро играл на гитаре, как казалось, исключительно для собственного удовольствия. За ним сердитые тучи неслись по хмурому небу.

— Вот теперь можно пойти в библиотеку и посмотреть карту старого Ультана.

Картина была написана в той раздражающей манере, когда живопись распадается на отдельные цветовые пятна, если не охватываешь ее

взглядом целиком. Я сделал шаг назад, потом другой… Шагнув в третий раз, я ожидал, что коснусь спиной стены, но не тут-то было. Вместо этого я оказался внутри картины, которая висела на стене: полутемная комната со старинными кожаными стульями и столиками из слоновой кости. Я на мгновение взглянул назад, а когда снова повернул голову, коридор, где я только что стоял вместе с Рудезиндом, исчез — там была стена с ветхой, выцветшей обивкой.

Я непроизвольно потянулся к ножнам и выхватил «Терминус Эст», но сражаться было не с кем. Только я взялся за ручку единственной двери, как она открылась, пропустив человека в желтом одеянии. Короткие белесые волосы были зачесаны назад, открывая выпуклый лоб, а его лицо могло бы принадлежать пухлой сорокалетней женщине. Шею обвивала тонкая цепочка, на которой висел памятный мне флакон в форме фаллоса.

— А-а, — проговорил он. — А я-то думал, кто бы это мог оказаться? Добро пожаловать, Смерть.

Со всем доступным мне самообладанием я ответил:

— Я подмастерье Северьян из гильдии палачей, как вы, наверное, заметили. Мое вторжение про-

изошло помимо моей воли, и, по правде говоря, я был бы чрезвычайно признателен, если бы мне объяснили, как это случилось. Из коридора эта комната казалась просто нарисованной, но, попробовав отойти к стене, чтобы рассмотреть другую картину, я вдруг очутился здесь. Как это возможно?

— Ничего особенного, — лениво отозвался человек в желтом. — Потайные двери известны с незапамятных времен, а создатель этой комнаты всего-навсего придумал, как скрыть дверь открытую. Комната совсем плоская, она имеет еще меньшую глубину, чем кажется сейчас, если только тебе уже не бросилось в глаза, что потолок не прямоугольный, а задняя стена меньше по высоте, чем та, у которой ты стоишь.

— Верно. Теперь вижу, — кивнул я и действительно убедился в правдивости его утверждений. Пока он говорил, эта кривая комната, которая обманывала зрение и рассудок, привыкшие иметь дело с нормальными пропорциями, стала сама собой. Наклонный потолок, как и пол, имел форму трапеции. Даже стулья, обращенные к стене, через которую я вошел, оказались довольно плоскими предметами обстановки. Вряд ли кто-нибудь умудрился бы усесться на такой стул.

Столы были не шире обычной доски.

— В живописи сходящиеся линии обманывают глаз, — продолжал человек в желтом. — Поэтому, встречаясь с ними в объемном мире, да еще когда эффект усиливается одноцветным освещением, человеку кажется, что он видит очередную картину, особенно если зрение подготовлено созерцанием обычных произведений искусства. Когда ты прошел через проем, вполне реальная стена закрыла его, потому что при тебе было оружие. Думаю, нет нужды говорить о том, что есть и настоящая картина. Она нарисована на дальней стене.

Никогда в жизни я не испытывал подобного удивления.

— Но как могла комната узнать, что у меня меч?

— Это сложнее. Гораздо сложнее, чем устройство этой несчастной комнаты. Вряд ли я смогу дать удовлетворительное объяснение. Скажу только, что проем ограничен металлическими пластинами, они-то и узнают другие металлы, своих сородичей, когда те пересекают ограниченное ими пространство.

— И все это изобрел ты?

— О нет. Все это… — Он помолчал. — Из этой и

еще сотен подобных хитростей состоит то, что мы называем Второй Обителью. Она — творение Отца Инира. Первый автарх призвал его, чтобы он создал тайный дворец в стенах Обители Абсолюта. Я или же ты, сын мой, несомненно, просто построили бы сеть потайных комнат. Но, по его замыслу, скрытые помещения должны пронизывать всю Обитель и сосуществовать с теми покоями, что доступны всем.

— Но ты не он, — сказал я. — Потому что я тебя знаю! А ты узнаёшь меня? — Я сдернул маску, чтобы он увидел мое лицо.

Он улыбнулся.

— Ты посетил нас всего лишь раз. Наша девушка плохо выполняла свои обязанности?

— Она доставила мне меньше удовольствия, чем ее соперница, или, вернее, мне больше нравилась другая женщина. Сегодня я потерял друга, но, как видно, взамен мне суждено повстречать немало старых знакомых. Позволь узнать, что заставило тебя покинуть Лазурный Дом? Тебя вызвали на время празднеств? Я недавно видел здесь одну из твоих женщин.

Он равнодушно кивнул. Зеркало неправильной формы, висевшее над трюмо этой странной плоской комнаты, отразило его профиль, тонкий,

как профиль на камее, и я решил, что он, должно быть, гермафродит. Когда я представил себе, как он, ночь за ночью, открывает двери мужчинам в своем заведении в Веселом квартале, во мне всколыхнулась жалость и пришло ощущение беспомощности.

— Да, — ответил он, — я пробуду здесь праздники, а потом уеду.

Перед моим внутренним взором все еще стояла картина, которую мне показал старый Рудезинд, и я попросил:

— Тогда ты, наверное, можешь показать мне дорогу в сад.

Я сразу почувствовал, что он растерялся, может быть, впервые за много лет. В его глазах мелькнула боль, а левая рука дернулась (едва заметно) к флакону на шее.

— Значит, ты слышал… Допустим, я и вправду знаю дорогу, но с какой стати я должен открыть ее тебе? Слишком многие захотят ей воспользоваться, если морской странник завидел землю.

Глава 21
Гидромантия

Прошло несколько мгновений, прежде чем до меня наконец дошло, что же он в действительности произнес. Потом мои ноздри наполнились одуряюще сладким запахом жареной плоти Теклы, и я, казалось, снова услышал беспокойный шорох листьев. Я был так ошеломлен, что мне даже не пришло в голову, насколько нелепы какие бы то ни было предосторожности в этой комнате, которая вся — не что иное, как обман, и осмотрелся вокруг в поисках соглядатаев.

Потом я вдруг почувствовал, что рука помимо моей воли (я намеревался задать несколько вопросов, прежде чем открыть свою причастность к делам Водалуса) достает из глубины ташки огниво в форме лезвия ножа.

Гермафродит улыбнулся.

— Я чувствовал, что ты можешь оказаться тем самым человеком. Я жду уже несколько дней. Тот старик и многие другие получили распоряжение препровождать ко мне всех приезжих.

— Меня посадили в вестибюль, — ответил я. —

Отсюда и задержка.

— Но, как я вижу, тебе удалось бежать. Вряд ли тебя выпустили бы прежде, чем мой человек об этом позаботился. Хорошо, что ты выбрался сам — у нас не так много времени. Три дня празднества, а потом… Идем, я покажу дорогу в сад, хоть и не могу поручиться, что тебя туда пустят.

Он открыл дверь, через которую вошел, и на этот раз я заметил, что в ней действительно не было ни одного прямого угла. Комната за дверью оказалась не больше первой, но была нормальной формы и пышно обставлена.

— Тебе посчастливилось попасть в нужную часть Обители Абсолюта. В противном случае нам пришлось бы проделать немалый путь. Но сначала мне нужно прочесть послание.

Он подошел к предмету, который я принял за стол со стеклянной столешницей, и положил огниво на полочку под стеклом. Стекло сразу же осветилось, хотя над ним не было источника света. Огниво вдруг стало расти, пока не достигло размеров меча, а полоски, раньше воспринимавшиеся как обычные зубцы, о которые чиркают кремнем, превратились в строки отчетливых знаков.

— Отойди, — приказал гермафродит. — Если

ты не прочел этого раньше, то не должен видеть и сейчас.

Я сделал, как он велел, и некоторое время наблюдал за фигурой, склонившейся над странным предметом, который доставил сюда из лесного царства Водалуса.

Наконец он произнес:

— Ничего не поделаешь, придется сражаться на два фронта. Впрочем, к тебе это не имеет отношения. Видишь вон тот шкаф с овалом на дверце? Открой его и принеси книгу, которую там найдешь. Потом положи ее на эту подставку.

У меня мелькнуло подозрение, не заманивают ли меня в ловушку, но все же я открыл дверцу шкафа. В нем хранилась одна-единственная книга гигантских размеров — высотой чуть ли не с меня, а шириной в добрых два кубита. Перед моими глазами предстала сине-зеленая кожа, и мне вдруг показалось, что я открыл крышку поставленного стоймя гроба. Вложив меч в ножны, я обхватил огромный том обеими руками и водрузил его на подставку. Гермафродит спросил, случалось ли мне видеть эту книгу раньше. Я ответил отрицательно.

— Похоже, ты ее побаиваешься… По крайней мере, ты так старательно отворачивал лицо, пока

ее нес.

Он открыл обложку. Первую страницу покрывали красные незнакомые мне письмена.

— Это предупреждение ищущим пути. Хочешь послушать?

Я признался:

— Когда я открыл шкаф, мне показалось, что я увидел в коже мертвеца, и этот мертвец был мною самим.

Он закрыл книгу и провел рукой по переплету.

— Всего лишь переливы краски — работа старинных мастеров. А линии под ней — только шрамы на шкуре замученных животных, следы шипов и бичей. Но если ты боишься, в путь отправляться не стоит.

— Открой книгу, — попросил я. — Покажи мне карту.

— А карты и нет, — усмехнулся он, переворачивая обложку и первую страницу разом. — Есть сама книга.

Я почувствовал, что ослеп. Так грозовой ночью слепит вспышка молнии. Страницы книги казались сделанными из чистого серебра, отполированного настолько, что они ловили каждый крошечный лучик света и отражали его, усиливая в сотни раз.

— Зеркала… — пробормотал я. Уже произнеся это слово, я понял, что нет никаких зеркал, а есть нечто, для чего у нас не нашлось иного слова, кроме «зеркало». То самое, что недавно вернуло Иону к его звездам. — Но откуда берется энергия, если они не обращены друг к другу?

— Подумай, как долго они смотрят друг на друга, пока книга закрыта. Теперь мощность поля какое-то время сохранится. Если решился, ступай!

Я никак не решался. Пока он говорил, в сияющем воздухе над страницами возникла удивительная форма. Не женщина и не бабочка, а нечто, в чем эти два существа сливались воедино. И так же как, глядя на изображение горы на заднем плане картины, мы отдаем себе отчет в том, что в реальности эта гора огромна, так и я твердо знал, что смотрю на это существо из беспредельной дали — крылья его держал протоновый ветер космоса, а весь Урс был не чем иным, как одной из пылинок, вздымаемых их биением. И так же как я смотрел на него, как несколько мгновений назад гермафродит смотрел сквозь стекло на письмена, начертанные на огниве, так и оно смотрело на меня. Оно замерло, потом повернулось ко мне и распахнуло крылья. Я увидел, что

они испещрены множеством глаз.

Книга с треском захлопнулась, как закрывается дверь.

— Что ты видел? — спросил гермафродит. Я лишь испытывал облегчение, что мне не надо больше глядеть на страницы.

— Благодарю, сьер. Кем бы ты ни был, я твой покорный слуга на вечные времена.

Он кивнул.

— Может статься, придет время, и я напомню тебе эти слова. Не стану больше спрашивать о том, что ты видел. Вот, возьми это, вытри лоб. Видение оставило на тебе печать.

Он протянул мне чистую салфетку. Я отер лоб, потому что чувствовал, как по нему струится влага. Салфетка стала алой от крови. Словно прочитав мои мысли, он объяснил:

— Не бойся, ты не ранен. По-моему, у врачей есть для этого какой-то ученый термин. Гематидрозис, кажется. Сильное потрясение, бурные чувства вызывают разрыв мелких кровеносных сосудов. Иногда — по всему телу. Боюсь, останется довольно безобразный синяк.

— Почему ты сделал это? — спросил я. — Я думал, ты собираешься показать мне карту. Единственное, чего я хотел, это добраться до Зеленой

Комнаты, где расположились артисты. Так назвал это место старый Рудезинд. Или послание Водалуса повелевает тебе уничтожить гонца? — С этими словами я потянулся за мечом, но, когда рука легла на знакомую рукоять, я почувствовал, что у меня не хватит сил вынуть его.

Гермафродит рассмеялся. Поначалу эти звуки казались приятными, они будто колебались между женским и мальчишеским тембром; но потом его смех перешел в пьяное хихикание. И тут память, принадлежащая Текле, ожила во мне.

— Так вот чего ты желал? — произнес он, когда сумел взять себя в руки. — Ты просил у меня огня для свечи, а я попытался дать тебе солнце. Немудрено, что ты обжегся. Виноват… Возможно, я просто искал повода для отсрочки, но даже если и так, я не дал бы тебе уйти столь далеко, если бы в послании Водалуса не говорилось, что у тебя Коготь. А теперь, прошу прощения, но ничего не могу с собой поделать — уж больно это забавно. Куда ты отправишься после того, как найдешь эту Зеленую Комнату, Северьян?

— Куда прикажешь. Как ты только что напомнил мне, я служу Водалусу. (На самом деле, я боялся Водалуса, и опасался, что гермафродит может сообщить ему о моем неповиновении.)

— А если приказа не будет? Тебе уже удалось избавиться от Когтя?

— Он со мной, — ответил я.

Наступило молчание. Гермафродит не подавал голоса.

— Доберусь до Тракса, — снова заговорил я. — У меня письмо к архону. Кажется, он должен дать мне работу. Во имя чести своей гильдии я хотел бы туда попасть.

— Хорошо. Насколько сильна в действительности твоя любовь к Водалусу?

И снова я ощутил под рукой рукоять меча. Как я уже говорил, у всех прочих память со временем угасает. Моя же — почти не тускнеет. Туман некрополя окутал мое лицо, и все, что я чувствовал, получив монету от Водалуса и глядя, как он уходит туда, куда не мог последовать за ним, я ощутил заново.

— Я однажды спас его.

Он кивнул.

— Тогда вот что ты должен сделать. Добраться до Тракса, как ты и предполагал, убеждая всех, в том числе и себя самого, что ты собираешься занять обещанную тебе должность. Коготь опасен. Знаешь ли ты об этом?

— Да. Судя по словам Водалуса, если станет

известно, что он у нас, мы можем потерять поддержку простых людей.

Гермафродит некоторое время хранил молчание. Потом сказал:

— Пелерин надо искать на севере. Если представится возможность, ты должен отдать им Коготь.

— Именно так я и собираюсь поступить.

— Хорошо. Есть еще кое-что, что тебе предстоит совершить. Автарх сейчас здесь, но задолго до того, как ты попадешь в Тракс, он тоже окажется на севере, с армией. Если он будет вблизи Тракса, ты получишь возможность встретиться с ним. В свое время ты узнаешь способ, благодаря которому сможешь лишить его жизни.

Не требовалось и воспоминаний — то, как он произнес последние слова, выдало его с головой. Я хотел было опуститься на колени, но он хлопнул в ладоши, и в комнату беззвучно скользнул сгорбленный человечек, одетый как монах — в рясу с капюшоном. Автарх отдал ему какие-то указания, но я не прислушивался, ибо меня занимало совсем другое.

В целом мире вряд ли найдется зрелище более прекрасное, чем лучи солнца на рассвете, увиденные сквозь тысячи искрящихся струй Пророческого Фонтана. Я не эстет, но, впервые

увидев их танец (о котором столько слышал), почувствовал, будто обновляюсь. До сих пор я часто вспоминаю его, просто для удовольствия, именно таким, каким он предстал передо мной, когда облаченный в рясу прислужник открыл дверь — после бесконечных тесных коридоров Второй Обители — и я увидел серебристые струи, вычерчивающие тайные знаки на солнечном диске.

— Теперь прямо, — раздалось глухое бормотание из-под капюшона. — Дорожка ведет к Древесным Вратам. Среди артистов вы будете в безопасности.

Дверь, затворившаяся за мной, слилась с травянистым склоном холма. Я, споткнувшись, шагнул к фонтану, и ветер освежил мое лицо водяной пылью. Я стоял посреди выложенной серпентином площадки, охваченный желанием узреть будущее в прихотливых формах танцующих лучей. В конце концов я полез в ташку за подношением. Преторианцы забрали все деньги, но пока моя рука ощупывала то немногое, что у меня оставалось (фланель, половинка точильного камня, флакон с маслом для «Терминус Эст», да еще гребень и коричневая книга для меня самого), я углядел монетку, завалившуюся между зеленоватыми плитами прямо у меня под ногами. Я без труда

выковырял ее — один азими, стершийся до того, что на поверхности остались лишь еле заметные следы рисунка. Шепотом загадав желание, я бросил монетку в самый центр фонтана. Струя подхватила ее и подбросила высоко в небо, так что, прежде чем упасть в воду, она ярко вспыхнула на солнце. Я стал читать символы, которые рисовала вода на фоне солнца.

Меч. Это совсем просто. Я останусь палачом.

Затем цветок розы, а под ним — река. Я отправлюсь вверх по течению Гьолла, потому что это дорога в Тракс.

Сердитые волны, потом ленивая, мерная зыбь. Должно быть, море, но как попасть к морю, направляясь к истокам реки?

Скипетр, стул, множество башен. Тут я подумал, что способность фонтана к провидению, в которую я и без того не слишком верил, на самом деле — чистый вымысел. Я отвернулся, но успел поймать взглядом многоконечную звезду, быстро увеличивающуюся в размерах.

С тех пор как я вернулся в Обитель Абсолюта, я дважды приходил к Пророческому Фонтану. Один раз я навестил фонтан едва забрезжил свет, пройдя через ту же дверь, откуда в первый раз увидел его. Но я ни разу больше не осмелился

вопрошать его о будущем., Мои слуги, которые все как один признаются в том, что бросали в него свои орихальки, когда в саду не было гостей, хором утверждают, будто пророчества фонтана ложны. Но я в том не уверен, потому что помню, как зеленый человек отпугивал посетителей своими предсказаниями. Не могло ли быть так, что мои слуги, перед которыми вода рисовала будущее как нескончаемую вереницу подносов, метелок и звенящих колокольчиков, просто не желали верить пророчеству? Я расспрашивал и своих министров, которые, вне всякого сомнения, ублажали воду пригоршнями хризосов, но их ответы были путанны и невнятны.

Конечно, мне стоило больших усилий повернуться спиной к фонтану и его чудным таинственным письменам и двинуться навстречу старому солнцу. Огромное, как лик гиганта, темно-багровое, оно вырастало над уходящим горизонтом. На его фоне чернели неровные очертания земли, вызывая в памяти фигуру Ночи на крыше караван-сарая на западном берегу Гьолла, которую я так часто видел в диске восходящего солнца под конец наших пирушек с ночными купаниями.

Не сознавая, что нахожусь в самом центре вла-

дений Обители Абсолюта, вдали от пограничных караулов, я боялся, что в любое мгновение меня могут остановить и опять бросить в вестибюль, где потайную дверь наверняка уже обнаружили и заколотили. Ничего подобного не произошло. Никто кроме меня не нарушал покоя живых изгородей, бархатных лужаек, цветов и ручейков. Лилии ростом выше меня склоняли над тропинкой, совершенной поверхности которой касались лишь мои ноги, свои звездчатые лица, усеянные крупными каплями росы. Соловьи, дикие и запертые в золотых клетках, развешанных на деревьях, все еще пели.

Один раз с отголоском прежнего ужаса я увидел одну из живых статуй. Похожая на гигантского человека, но слишком медлительная и прекрасная, чтобы быть человеком, она пересекала небольшую лужайку, словно повинуясь звукам неслышимой музыки, сопровождавшей какое-то загадочное шествие. Надо признаться, я отпрянул в сторону и, пока она не прошла, стоял неподвижно, гадая, чувствует ли она мое присутствие и есть ли ей до меня дело.

Я уже совсем отчаялся найти Древесные Врата, когда увидел их впереди. Как обычные садовники создают шпалеры персиковых деревьев, так

поколения великих мастеров Обители Абсолюта трудились над суками могучих дубов, пока каждая ветка не стала отвечать требованиям чисто архитектурного замысла, и я, ступая по вершинам кровель величайшего из дворцов Урса, не встречал ни единого камня, пока вдруг перед моим изумленным взором не предстала эта величественная арка, воздвигнутая из живой зелени, словно из тесаного мрамора.

И тогда я бросился бежать.

Глава 22
Олицетворения

Через широкую, подернутую утренней росой арку Древесных Врат я выбежал на просторную травянистую поляну, в хаотическое нагромождение шатров и палаток.

Где-то взревел и загремел цепью мегатерий. Я остановился, прислушиваясь, а успокоившийся мегатерий снова провалился в подобное смерти оцепенение, свойственное его виду. Наконец, я уловил мелодичный перезвон капель, срывавшихся с листьев, и пока еще негромкий прерывистый щебет птиц.

Но не только: еще до моего слуха доносилось приглушенное «вжик-вжик» с неравномерными паузами, но явно приближавшееся. Я стал пробираться между шатрами в направлении звука, но, должно быть, промахнулся, потому что доктор Талос увидал меня первым.

— Друг мой! Собрат! Они все спят — твоя Доркас и все остальные. Все, кроме тебя и меня. Сюда!

Доктор Талос говорил и помахивал тростью. Я понял, что «вжик-вжик» раздавалось, когда он на

ходу срубал головки цветов.

— Как вовремя мы воссоединились! Как раз вовремя! Сегодня мы даем представление, и мне пришлось бы пригласить кого-нибудь на твою роль. Счастлив тебя видеть. Кстати, я задолжал тебе некоторую сумму, помнишь? Небольшую и, между нами говоря, те деньги все равно оказались фальшивыми. Но тем не менее я твой должник. А я привык платить долги.

— Что-то не припоминаю, — небрежно обронил я, — стало быть, сумма невелика. Если с Доркас ничего не случилось, я с превеликой готовностью забуду о ней, особенно если меня накормят и укажут место, где можно поспать пару страж.

Остренький носик доктора на мгновение печально поник.

— Спать-то можно сколько угодно, пока, конечно, не разбудят остальные. А вот с едой хуже — у нас ее нет. Знаешь ли, прокормить Балдандерса все равно, что насытить пламя лесного пожара. Тиазус обещал сегодня что-нибудь принести. — Он взмахнул тросточкой в сторону палаточного городка. — Но, боюсь, он появится не раньше полудня.

— Может, это даже и к лучшему. Я так устал, что и пища в горло не лезет, но если ты покажешь,

где можно лечь…

— Что это у тебя с лицом? Впрочем, неважно, наложим белила. Туда! — Он уже мелкой рысцой трусил вперед. Я последовал за ним, пробираясь через путаницу веревок. У входа в ярко-желтый шатер стояла ручная тележка Балдандерса, и я наконец-то почувствовал, что и вправду нашел Доркас.

Когда я проснулся, мне показалось, что мы никогда не разлучались. Неброская красота Доркас осталась неизменной. Как всегда, ее затмевало сияние Иоленты, и как всегда, когда мы оставались втроем, мне хотелось, чтобы Иолента исчезла, а глаз мог отдохнуть на лице Доркас. Через некоторое время после того, как все проснулись, я отвел Балдандерса в сторону и спросил, почему он бросил меня в лесу у Врат Скорби.

— Но я же шел не с тобой, — растягивая слова, проговорил он, — а с моим доктором Талосом.

— Но ведь и я тоже. Мы могли бы искать его вместе и помогать друг другу.

Он растерялся и долго молчал. Мое лицо, казалось, ощущало тяжесть его унылого взгляда, а я думал в своем невежестве, как ужасно было бы, если бы Балдандерсу достало воли и энергии разозлиться. Наконец, он сказал:

— А ты был вместе с нами, когда мы уходили из города?

— Конечно. Доркас, Иолента и я — мы все были с тобой.

Он опять заколебался.

— Значит, мы нашли тебя там?

— Да, разве ты не помнишь?

Он тяжело покачал головой, и я заметил, что в его зубных черных волосах пробивается седина.

— Однажды я проснулся утром и увидел тебя. Я тогда был занят своими мыслями. А потом ты ушел.

— Да, потому что обстоятельства изменились, но мы назначили место встречи. — При воспоминании о том, это я тогда вовсе не собирался сдерживать свое обещание, я ощутил нечто вроде угрызений совести.

— Вот мы и встретились, — вяло проговорил Балдандерс и, видя, что я не удовлетворен таким ответом, прибавил:

— Здесь для меня нет ничего стоящего, кроме доктора Талоса.

— Твоя преданность достойна всяческих похвал, но ты должен был помнить: он сам хотел, чтобы я был с ним, так же как и ты. — Я почувствовал, что не могу сердиться на этого добродушного,

туповатого гиганта.

— Мы насобираем денег на юге, построим дом и будем жить, как прежде.

— Мы на севере. Но это не важно. Все правильно. Ведь ваш дом разрушили?

— Сожгли. — Я почти видел языки пламени, вдруг отразившиеся в его глазах. — Жаль, если ты пришел только за тем, чтобы обидеть меня. Я так давно не думаю ни о чем, кроме убежища и работы.

Я оставил его, а сам отправился проверять имущество нашей труппы. Правда, нельзя сказать, чтобы в том была особая необходимость или что я был бы способен обнаружить какую-нибудь недостачу, кроме самой вопиющей. Вокруг Иоленты уже собралась толпа, но доктор Талос отослал Иоленту в шатер и разогнал народ. Спустя мгновение до меня из палатки донесся смачный удар трости по пышной плоти, потом оттуда появился доктор, ухмыляющийся, но все еще разгневанный.

— Она не виновата, — заметил я. — Вы же знаете, что все дело в ее внешности.

— Ее внешность слишком вызывающа. Куда как слишком. Знаешь, что мне в тебе особенно нравится, сьер Северьян? То, что ты предпочел

Доркас. Кстати, где она? Ты ее уже видел?

— Предупреждаю, доктор. Не вздумайте тронуть ее хотя бы пальцем.

— Да что ты, мне это и в голову не придет. Я просто боюсь, как бы она не заблудилась.

Его искреннее возмущение убедило меня.

— Мы едва успели немного поговорить. Она пошла за водой.

— Какая отважная, — бросил он и, заметив, что я удивился, прибавил:

— Доркас боится воды. Ты не мог этого не заметить. Она вовсе не неряха, но всегда выбирает для купания самое мелкое место, где вода от силы по колено, а когда нам случается проходить по мосту, она обычно держится за Иоленту и дрожит от страха.

В это время вернулась Доркас, поэтому, даже если доктор и говорил что-то еще, я его не слышал. Утром, при встрече, мы только улыбались и робко касались друг друга руками. Теперь она поставила на землю свою ношу и устремила на меня пламенный взгляд.

— Я так скучала по тебе, — прозвучал ее голос. — И чувствовала себя совсем одинокой.

Я рассмеялся при мысли, что кто-то мог по мне скучать, и приподнял край плаща.

— Неужели ты скучала вот по этому?

— Ты говоришь о Смерти? Нет, я скучала по тебе. — Она завладела краем плаща и потянула меня за собой к веренице тополей, образующей одну из стен Зеленой Комнаты. — Я нашла скамейку — там, где грядки с травами. Пойдем со мной. Они уже так давно обходились без тебя, что потерпят еще немного. А Иолента, когда выйдет, сама найдет воду. Это для нее.

Как только мы вышли за пределы поляны, где жонглеры бросали в воздух свои ножи, а акробаты — своих детей, нас окутала тишина садов. Сады Обители Абсолюта — наверное, самый большой участок земли, возделанный единственно с целью созидания красоты, не считая, разумеется, тех диких мест — садов Творца, — которые культивируются садовниками, невидимыми человеческому глазу. Живые изгороди смыкались, оставляя между собой узкие проходы. Мы вошли в рощу благоухающих деревьев, чьи белые цветы навеяли на меня грустные воспоминания о сливовой роще, в которую затащили нас с Ионой преторианцы, хотя те плодовые сажались только для красоты, а эти, похоже, для того, чтобы собирать урожай. Доркас сорвала густую кисть и воткнула ее в свои волосы цвета бледного зо-

лота.

За фруктовым садом начинался огород, такой старый, что о нем, наверное, все позабыли, кроме тех, кто за ним ухаживал. Каменная скамья когда-то была украшена резьбой в виде человеческих лиц, но их черты стерлись и стали почти неразличимыми. Там было только несколько клумб с самыми простенькими цветами, а все остальное пространство занимали грядки с благоухающими пряными травами: розмарином, мятой, базиликом, рутой, ангеликой. После бессчетных лет неустанного труда местная почва стала темной, как шоколад.

Был там еще и ручеек, из которого Доркас, несомненно, и набирала воду. Некогда вода поступала в фонтан, но теперь от последнего остались лишь несколько струй, бьющих со дна мелкого бассейна. Вода переливалась через край и по каменным желобам стекала к фруктовым деревьям. Мы опустились на жесткое сиденье. Я прислонил меч к спинке скамьи, и Доркас тут же взяла меня за руку.

— Я боюсь, Северьян, — начала она. — Мне снятся такие ужасные сны.

— С тех пор как я уехал?

— Все время.

— Когда мы вместе спали в поле, ты сказала, что видела хороший сон. Он был очень подробным и похожим на явь.

— Если тот сон и был хорошим, то теперь я не могу его вспомнить.

Я уже обратил внимание на то, что она старательно отводит взгляд от воды, струившейся меж развалин фонтана.

— Каждую ночь мне снится, будто я иду по улице, на которой множество лавок. Я счастлива или, по крайней мере, довольна. У меня с собой много денег и список вещей, которые нужно купить. Я снова и снова повторяю его про себя и прикидываю, в какой части города смогу купить то или иное, самого лучшего качества и по самой невысокой цене.

Но вот я захожу то в одну лавку, то в другую и постепенно начинаю понимать, что все меня ненавидят и презирают; и это потому, что они думают, будто я нечистый дух, принявший обличие женщины. Наконец, я попадаю в крошечную лавчонку. Ее хозяева — старик со старухой. Старуха плетет кружево, а он раскладывает его передо мной на прилавке. Мне слышно, как где-то позади меня трутся одна о другую нитки.

Я спросил:

— Что же ты собираешься купить?

— Крошечные платьица. — Доркас развела на полпяди узкие белые ладони. — Может, для куклы. Особенно хорошо я запомнила рубашечки из тонкой шерсти. В конце концов, я выбираю одну из них и протягиваю старику деньги. А это вовсе не деньги, а ком грязи.

У нее тряслись плечи, и я обнял ее.

— Мне хочется крикнуть, что это неправда и я не злой дух, за которого они меня принимают, но я знаю — тогда, они сочтут это окончательным доказательством своей правоты, и слова застревают у меня в горле. Самое ужасное, что в это самое время нитки перестают скрипеть. — Она сжала мою свободную руку, словно для того, чтобы я лучше усвоил сказанное. — Я знаю, что никому не понятен мой страх, кроме тех, кто видел такие же сны, но это ужасно. Ужасно.

— Может быть, теперь, когда я с тобой, он не повторится.

— А потом я засыпаю, вернее, проваливаюсь в какую-то черноту. А если не просыпаюсь, вижу другой сон. Будто я в лодке, а она плывет по призрачному озеру.

— Ну уж, по крайней мере, в этом-то нет ничего таинственного. Ты плавала в такой лодке с Агией

и со мной. А хозяином лодки был человек по имени Хильдегрин. Ты наверняка помнишь наше путешествие.

Доркас покачала головой.

— Это вовсе не такая лодка, а гораздо меньше. Ею правит старик, а я лежу у его ног. Я не сплю, но не могу пошевельнуться. Руки опущены за борт, бороздят темную воду. Лодка уже вот-вот должна коснуться берега, и тут я падаю в воду, но старик этого не видит. Погружаясь все глубже, я вдруг понимаю, что он даже не знал обо мне. Скоро свет совсем гаснет, и мне становится очень холодно. Где-то далеко наверху раздается любимый голос. Он зовет меня по имени, но я не могу вспомнить, чей это голос.

— Это мой голос. Я хочу разбудить тебя.

— Может быть. — След от удара плети, полученного у Врат Скорби, клеймом горел на ее щеке.

Некоторое время мы сидели молча. Соловьи уже смолкли, но на всех деревьях пели канарейки, и я заметил попугая, мелькнувшего меж ветвей, как крошечный посыльный в пунцово-зеленой ливрее.

Наконец, Доркас снова заговорила:

— Какая страшная вещь — вода. Мне надо было бы привести тебя в какое-нибудь другое место, но

я просто не могла ничего придумать. Лучше бы мы сели на траве вон под теми деревьями.

— Почему ты так боишься воды? Посмотри, как это красиво!

— Да — на солнце. Но по природе своей вода всегда стремится вниз и вниз, подальше от света.

— Но ведь она поднимается снова, — проговорил я. — Дождь, который ты видишь весной, — это та же вода, что бежала по канавам прошлой осенью. По крайней мере, так учил нас мастер Мальрубиус.

Она улыбнулась — словно в небе вспыхнула звезда.

— Хотелось бы в это верить. Даже если это и неправда. Северьян, с моей стороны глупо говорить, что я не встречала человека лучше тебя. Потому что ты единственный хороший человек, которого я знаю. Но мне кажется, что, если бы я знала тысячи других, все равно ты был бы лучшим из них. Вот о чем я хотела с тобой поговорить.

— Если ты нуждаешься в защите, можешь на меня рассчитывать. Ты это знаешь.

— Дело совсем не в этом, — возразила Доркас. — В каком-то смысле я сама хочу защитить тебя. Вот это уже действительно звучит глупо, правда?

У меня нет даже семьи — никого, кроме тебя, — а все же мне кажется, что смогу тебя защитить.

— Но у тебя есть Иолента, доктор Талос, Балдандерс…

— Они никто. Северьян, неужели ты сам этого не чувствуешь? Я тоже никто, но они значат еще меньше, чем я. Прошлой ночью в палатке нас было пятеро, и все же ты был один. Как-то ты сказал мне, что тебе недостает воображения, но не почувствовать этого ты не мог.

— Значит, вот от чего ты хочешь спасти меня — от одиночества? Я был бы счастлив.

— Тогда я дам тебе все, что смогу, и так долго, как смогу. Но больше всего мне хотелось бы защитить тебя от мирских пересудов. От того, что о тебе думают. Северьян, ты помнишь мой сон? Как все эти люди в лавках и на улице считают меня каким-то нечистым духом? А может, они правы?

Она дрожала. Я крепче прижал ее к себе.

— Отчасти потому тот сон и причиняет такую боль. А отчасти — потому, что я знаю: они не совсем правы. Да, во мне сидит нечистый дух, но во мне есть и нечто другое — и это тоже я.

— Как ты можешь быть злым духом? В тебе нет ни капли дурного.

— Нет есть. — Она подняла на меня серьезные

глаза. Никогда прежде я не видел в этом точеном лице, освещенном утренним солнцем, такой прелести и чистоты. — Есть, Северьян. Ведь и ты можешь быть таким, каким видят тебя люди. Да, иногда ты бываешь именно таким, как говорят. Помнишь, мы видели, как собор взвился в воздух и сгорел в мгновение ока? И как мы потом блуждали в лесу, пока не увидели свет, а там оказались доктор Талос с Балдандерсом. Они готовились к представлению вместе с Иолентой.

— Ты держала меня за руку, — подхватил я. — Мы разговаривали о философии. Разве я могу это забыть?

— Мы вышли на свет. Ты помнишь, что сказал доктор Талос, увидев нас?

Мой разум вернулся в тот вечер, завершивший день казни Агилюса. Я снова услышал рев толпы, крик Агии, затем удары Балдандерсова барабана.

— Он сказал, что теперь все в сборе. И назвал тебя Невинностью, а меня — Смертью.

Доркас с серьезным видом кивнула.

— Правильно. Но ты же не Смерть, как бы часто он так тебя ни называл. Тогда уж и мясника, который каждый день забивает скот, можно назвать смертью. Для меня ты — Жизнь. Ты юноша по имени Северьян, и в твоей власти сменить

одежду и сделаться рыбаком или плотником.

— У меня нет желания покидать гильдию.

— Но ты мог бы это сделать. Хоть сегодня. Людям не нравится считать других просто за людей. Они придумывают для них названия и этим связывают их по рукам и ногам. Но больше всего мне бы не хотелось, чтобы связывали тебя. Доктор Талос будет похуже большинства. Он по-своему лжец…

Она не закончила фразы, и я осмелился заметить:

— Однажды я слышал от Балдандерса, что доктор почти никогда не лжет.

— Я же сказала: «по-своему». Балдандерс прав. Доктор Талос редко говорит неправду — в том смысле как это принято понимать. Назвать тебя Смертью — это не ложь. Это…

— Метафора, — предложил я.

— Но это опасная, нехорошая метафора. Она направлена против тебя и потому ничуть не лучше лжи.

— Стало быть, ты считаешь, что доктор Талос меня ненавидит? Должен сказать, что, с тех пор как я оставил Цитадель, он один из немногих людей, которые проявили ко мне доброту. Ты, Иона, которого больше нет, одна старая женщина, с которой я познакомился в тюрьме, человек в

желтом — между прочим, он тоже назвал меня Смертью — и доктор Талос. Как видишь, не много набирается.

— Не думаю, что он может ненавидеть кого-нибудь в том смысле, в каком понимаем это мы, — мягко ответила Доркас. — Или любить. Он хочет распоряжаться всем, с чем сталкивается, и изменять по собственной воле. А поскольку разрушать легче, чем созидать, именно это он и делает чаще всего.

— Тем не менее Балдандерс его любит, — возразил я. — Когда-то у меня был хромой пес. Так вот, я заметил, что Балдандерс смотрит на доктора Талоса точно так же, как Трискель смотрел на меня.

— Я понимаю, но это меня не удивляет. А ты когда-нибудь думал о том, какое лицо у тебя, когда ты смотришь на своего пса? Что тебе известно об их прошлом?

— Только то, что они жили вместе на озере Диутурна. Потом люди сожгли их дом и прогнали прочь.

— Тебе не приходило в голову, что доктор Талос мог бы быть сыном Балдандерса?

Это предположение казалось настолько нелепым, что я с облегчением рассмеялся.

— Посмотри, — продолжала Доркас, — как они себя ведут. Точно тяжелодум и работяга отец с блестящим и беспутным сыном. По крайней мере, мне так кажется.

Мы встали со скамьи и направились к Зеленой Комнате (теперь она была не более похожа на картину, показанную мне Рудезиндом, чем любой другой парк). Только тогда я задался вопросом: не было ли имя «Невинность», данное Доркас доктором Талосом, такой же метафорой?

Глава 23
Иолента

В старом фруктовом саду среди грядок с пряными травами царили такая тишина и запустение, что я вспомнил Атриум Времени и Валерию с ее тонким личиком, обрамленным меховой накидкой. Зато в Зеленой Комнате было настоящее столпотворение. Теперь уже все были на ногах. Вдобавок казалось, что каждый вопит во все горло. Ребятишки карабкались на деревья и выпускали птиц из клеток. Матери пытались усмирить их ручками метел, а отцы — камнями. Шатры начали разваливаться уже во время репетиций, так что на моих глазах прочная на вид пирамида из полосатого полотна вдруг обрушилась, как спущенный флаг, явив взгляду травянисто-зеленого мегатерия, который стоял на задних лапах, а на его лбу танцор завершал пируэт.

Наша палатка куда-то подевалась вместе с Балдандерсом, правда, тут же появился доктор Талос и погнал нас по извилистым тропинкам мимо балюстрад, водопадов и гротов, украшенных

неограненными топазами и цветущим мхом, к стриженому газону, где великан трудился, воздвигая подмостки на глазах у дюжины белых оленей.

Сооружение это было задумано гораздо более сложной конструкции, чем сцена, на которой я играл в Нессусе. Челядь Обители Абсолюта приволокла доски и гвозди, инструменты, краски и одежду в таком количестве, что всему этому трудно было найти применение. Такая щедрость подстегнула тягу доктора к грандиозному (которая всегда была ему присуща), и он разрывался на части, пытаясь помочь нам с Балдандерсом управиться с особо тяжелыми предметами и в то же время лихорадочно строча дополнения к рукописи пьесы.

Великан занимался плотницкой работой. Хотя ему недоставало проворства, он с лихвой компенсировал этот недостаток упрямством и неимоверной силой. Одним-двумя движениями он ломал планки в палец толщиной, и единственным ударом топора расчленял доски, над которыми я с пилой корпел бы чуть ли не полдня. Он один заменял собою десяток рабов, гнущих спину под бичом надсмотрщика.

К моему удивлению, у Доркас обнаружился

художественный талант. Вдвоем мы воздвигли черные плиты, поглощавшие солнечные лучи — не только для того, чтобы запастись энергией для вечернего представления, но и для необходимого в тот момент освещения. Эти конструкции служат прекрасным фоном: с их помощью на сцене можно изобразить и пространство глубиной в тысячи лиг, и крошечную лачугу, хотя самая полная иллюзия достигается лишь в темноте. Впечатление усиливается, если на заднем плане что-нибудь нарисовано, и вот Доркас искусной рукой создавала такие изображения. Она стояла высоко над нами, а ее кисть выводила сумеречные образы.

От Иоленты и меня проку было куда меньше. Рисовать я не умел и настолько мало разбирался в самой пьесе, что даже не мог помочь доктору расставить наш реквизит. А что касается Иоленты, то ее тело, так же как и душа, упорно не принимало никакого труда. Эти длинные ноги, такие тонкие ниже колен, и пышные округлые бедра просто не были приспособлены носить какой-либо груз, кроме веса ее собственного тела. Торчащая грудь подвергалась бы постоянной опасности: ведь соски можно было чем-нибудь прищемить или измазать краской. Тем более что

Иоленте не передавалось ни капли настроения, воодушевляющего остальных членов группы, стремящихся к общей цели. Доркас говорила, что я оставался один, когда мы все вместе ночевали в палатке, и, быть может, она была не так уж далека от истины, как мне представлялось, но одиночество Иоленты всегда было неизмеримо полнее. У меня была Доркас, а у нее я, у Баландерса с доктором существовала их странная дружба, а все вместе мы участвовали в пьесе. Но у Иоленты была только она сама, а единственная цель ее собственной вечной игры состояла в том, чтобы вызывать восхищение.

Она молча коснулась моей руки, указав огромными изумрудными глазами на вершину естественного амфитеатра, где белые свечи каштановых деревьев поднимались меж бледной листвы.

Убедившись, что на нас никто не смотрит, я кивнул. По сравнению с Доркас Иолента, которая сейчас шла со мною рядом, казалась почти такой же высокой, как Текла, хотя ее мелкие шажки никак не походили на размашистую поступь Теклы. Она была по крайней мере на голову выше Доркас, а из-за сложной прически и высоких каблуков казалась еще выше.

— Хочу посмотреть на все это, — объяснила она. — Другого случая не представится.

Я сделал вид, что верю в эту явную ложь.

— Для них это случай еще более счастливый. Сегодня и только сегодня Обитель Абсолюта имеет возможность лицезреть Иоленту.

Она удовлетворенно кивнула: я изрек глубочайшую истину.

— Мне нужен кто-нибудь. Кто-нибудь, кого бы боялись те, с кем я не желаю говорить. Я имею в виду всех этих шутов и фигляров. Когда ты исчез, меня всегда сопровождала Доркас. Но разве кто-нибудь может испугаться Доркас? Ты можешь вынуть меч и положить его на плечо?

Я сделал, как она просила.

— Если я не улыбнусь, они должны убраться. Тебе понятно?

Среди каштанов росла трава, более высокая, чем в амфитеатре, но мягкая, как папоротник. Дорожка была вымощена белой галькой с золотистыми блестками.

— Если бы меня увидал Автарх, он возжелал бы меня. Как ты думаешь, он будет на нашем спектакле?

Чтобы доставить ей удовольствие, я кивнул, прибавив:

— Я слыхал, он не особенно жалует женщин, даже самых красивых. Разве что — в качестве советниц, шпионок и горничных.

Она остановилась и с улыбкой повернула ко мне лицо.

— Вот именно. В том-то все и дело. Только я одна могу заставить любого желать меня. И он, Автарх, чьи сны — наша явь, а память — наша история, будет желать меня, даже если он лишен мужской силы. Ты вожделел к другим женщинам, кроме меня? Ты хотел их?

Пришлось признаться.

— И потому ты думаешь, что меня желают так же, как их. — Она повернулась и снова двинулась вперед. Походка Иоленты всегда казалась слегка неуклюжей, но сейчас воодушевление придавало ей твердости. — Нет. При виде меня не только любой мужчина, но и каждая женщина — все испытывают непреодолимое желание. Знаешь ли ты, что женщины, которые никогда не проявляли склонности к женщинам, хотят любить меня? Одни и те же приходят на каждое представление, присылают мне фрукты, цветы, шали, шарфы и вышитые платочки. А их послания! О, они полны такой сестринской, такой материнской любовью! Они собираются защищать меня. Защищать от

доктора, от его великана, от своих мужей, сыновей и соседей. А уж мужчины! Балдандерсу приходилось просто вышвыривать их в реку.

Я спросил, почему она прихрамывает. Когда мы вышли из каштановой рощи, я огляделся в поисках чего-либо, на чем ее можно было бы повезти, но ничего не нашел.

— Бедра изнутри натираются от ходьбы. У меня есть мазь, которая немного помогает, а какой-то мужчина подарил мне ослицу, но я не знаю, где она сейчас. По-настоящему комфортно мне только тогда, когда я могу развести ноги.

— Хочешь, я понесу тебя?

Она снова улыбнулась, показав безупречные зубы.

— Это доставит удовольствие нам обоим. Не так ли? Но, боюсь, может умалить мое достоинство. Нет, я пойду. Надеюсь, мне не придется идти далеко. Да я и не пойду далеко, как бы там ни было. Все равно поблизости нет никого, кроме этих фигляров. Думаю, все важные люди будут сегодня спать долго, чтобы приготовиться к ночному празднеству. Мне самой еще придется поспать по меньшей мере четыре стражи.

Я услышал плеск воды о камни и, не видя перед собой лучшей цели, направился туда. Мы прошли

через живую изгородь из боярышника, чьи белые кисти складывались в преграду, издали казавшуюся непреодолимой. За изгородью лежала речка шириною не больше городской улицы, а по ней, словно ледяные изваяния, плавали лебеди. На берегу стояла беседка, к которой были привязаны три лодки в форме цветков кувшинки. Ступив на толстые шелковые подушки, устилавшие дно, я ощутил пряный аромат.

— Чудесно, — обрадовалась Иолента. — Я думаю, никто не станет возражать, если мы возьмем эту лодку. А если станут, мне придется предстать перед каким-нибудь важным лицом — совсем как в пьесе. Один взгляд — и он меня уже никогда не отпустит. Я оставлю при себе доктора Талоса и тебя, если хочешь. Для тебя у них тоже найдется какое-нибудь дельце.

Я сказал, что собираюсь продолжить путь на север. Потом я обхватил Иоленту за талию, такую же тонкую, как у Доркас, и посадил ее в лодку.

Она без промедления улеглась на подушки в том месте, где приподнятые лепестки лодки-кувшинки выгодно оттеняли ее лицо. Я сразу вспомнил Агию. Мы вместе спускались по солнечным ступеням Адамнианской Лестницы, а она смеялась и говорила, что на следующий

год непременно купит себе шляпу с широкими полями. Во внешности Агии не было ни единой черты, которая могла бы сравниться с красотой Иоленты: ростом она была не выше Доркас, со слишком широкими плечами и недоразвитой по сравнению с пышной плотью Иоленты грудью. Ее раскосые карие глаза и широкие скулы выражали скорее решимость и твердость, чем страсть и готовность к подчинению. Но Агия вызывала во мне здоровое желание. Ее шутки часто бывали ядовитыми, но смеялась она по-настоящему, а ее тело горело неподдельной страстью. Желание Иоленты было не более чем желанием быть желанной. И мое вожделение к ней не было ни жаждой утешить ее в ее одиночестве, как я утешал Валерию, ни выражением разрывающей сердце любви, которую я испытывал к Текле. Я не хотел оградить ее от невзгод, как хотел защищать Доркас. Мне хотелось унизить и наказать ее, растоптать ее самомнение. Я желал, чтобы ее глаза наполнились слезами, мне не терпелось вырвать ее локоны, как сжигают волосы покойника в наказание покинувшему его тело духу. Она похвалялась тем, что превращала женщин в лесбиянок. Я уже был готов превратиться в садиста.

— Думаю, я играю в последний раз. Я это чувствую. Среди публики окажется кто-нибудь… — Она зевнула и потянулась. При этом ее плоть так откровенно проступила под тонкой тканью одеяния, что я отвел свой взгляд. Когда я снова посмотрел на нее, она уже спала.

Я взял в руки тонкое весло, пристроенное на корме, и понял, что у лодки есть киль. Довольно сильное течение позволяло мне лишь слегка подправлять веслом наше медлительное скольжение по прихотливо извивающимся протокам. Почти так же бесшумно, как недавно облаченный в рясу слуга сопровождал меня через ниши, альковы и проходы по тайным путям Второй Обители, мы со спящей Иолентой лигу за лигой плыли по садам Обители Абсолюта. В шелковистой траве или в более укромном уединении беседок возлежали пары, которые, наверное, взирали на наше суденышко, как на украшение, пущенное по течению для услаждения их взора. А если даже они и видели мою голову над загнутыми лепестками, то воспринимали это как должное. На каменных скамьях в одиночестве предавались размышлениям философы, а на вершинах лесистых склонов происходили групповые увеселения (не только эротического свойства).

Тем временем вид спящей Иоленты стал вызывать во мне злость. Я бросил весло и опустился на колени рядом с ней. Во сне ее лицо приобрело не свойственное ему в ином состоянии выражение чистоты, хотя и несколько нарочитой. Я поцеловал ее. Огромные глаза лишь слегка приоткрылись, став похожими на узкие глазки Агии, а волосы цвета червонного золота в тени казались каштановыми. Я расстегнул платье. То ли причиной тому был дурман, который источали шелковые подушки, то ли просто усталость от прогулки по свежему воздуху, во время которой ей пришлось нести непомерный груз переразвитой плоти, но она не просыпалась. Моему взгляду открылись груди — каждая размером чуть ли не с ее голову — и эти необъятные бедра, заключавшие между собою то, что, казалось, смахивало на едва вылупившегося цыпленка.

* * *

Еогда мы вернулись, стало ясно, что все осведомлены о причине нашей отлучки, хотя Балдандерсу это, по-видимому, было все равно. Доркас рыдала где-то в укромном уголке, чтобы потом появиться с воспаленными глазами и геройской улыбкой на устах. А доктор Талос, я думаю, испы-

тывал одновременно и ярость и удовольствие. Именно в тот день у меня сложилось впечатление, что ему никогда не нравилась Иолента, но из всех мужчин Урса лишь ему одному она отдалась бы с радостью и неподдельной готовностью.

Оставшееся до заката время мы провели, слушая переговоры доктора Талоса с официальными представителями Обители Абсолюта и репетируя пьесу. Поскольку я уже упоминал о ее содержании, хочу привести здесь и приблизительный текст. Но не в том виде, в каком он существовал на клочках бумаги, которые мы передавали друг другу, из рук в руки, тем вечером, и где часто не было ничего, кроме посылок для импровизации, а так, словно он вышел из-под пера усердного писаря, присутствовавшего на представлении. Так, в сущности, запечатлел все слова потусторонний свидетель, неотлучно находящийся внутри моего существа и следящий за постановкой моими глазами.

Но сначала вы должны представить себе наш театр. Вновь край Урса прикрыл красный диск. Над головой шныряют длиннокрылые летучие мыши, а тонкий зеленый серп висит над самым горизонтом. Вообразите узкую долину, не более тысячи шагов от края до края, расположенную

между пологими холмами, поросшими нежнейшим мхом. В холмах двери — одни узкие, как вход в жилую комнату, а другие просторные, как врата базилики. Двери открыты. Из них струится рассеянный в вечернем тумане свет. Огражденные флажками дорожки вьются к небольшой арке нашего просцениума. По ним спускаются мужчины и женщины в фантастических одеяниях. Это маскарадные костюмы — одежды давних предков, но я, обладая лишь крохами исторических сведений, почерпнутых от мастера Палаэмона и Теклы, не могу определить, из какой эпохи взято то или иное платье. Между масками скользят слуги с подносами, уставленными блюдами с ароматным мясом и сладостями. Перед сценой расставлены изящные, как богомолы, кресла из слоновой кости с черными бархатными сиденьями, но большинство публики предпочитает оставаться на ногах. Во время представления зрители приходят и уходят — некоторые, не прослушав и дюжины строк. Трещат цикады, поют соловьи, а на вершинах холмов медлительно перемещаются, то и дело застывая в совершенных позах, белые статуи.

Все роли в пьесе исполняют доктор Талос, Балдандерс, Иолента, Доркас и я.

Глава 24
Пьеса доктора Тапоса

Эсхатология и генезис

(По утверждению доктора Талоса, драматургическое воплощение отдельных частей утерянной Книги Нового Солнца)

Действующие лица:

Габриель
Статуя
Великан Нод
Пророк
Месхия, Первый Мужчина
Генералиссимус Месхиана, Первая Женщина
Два Демона Яхи
Автарх
Его Помощник
Контесса
Ее Горничная
Два Стражника
Инквизитор
Его Помощник

Задник сцены затемнен. Появляется ГАБРИЕЛЬ

в луче желтого света с хрустальным рогом.

ГАБРИЕЛЬ: Приветствую вас. Я пришел, чтобы пояснить сцену — это входит в мои обязанности. Сейчас ночь последнего дня, ночь, предшествующая дню первому. Старое Солнце скрылось навсегда. Больше оно не появится на небе. Завтра взойдет Новое Солнце, и мы — братья и сестры — будем приветствовать его. А сейчас… Никто не знает, что произойдет сейчас. Все спят.

Тяжелые, размеренные шаги. Входит НОД.

ГАБРИЕЛЬ: Всеведущий! Спаси раба твоего!

НОД: Так ты служишь ему? А мы служим Нефилиму. Если он не прикажет, я не причиню тебе вреда.

ГАБРИЕЛЬ: Так ты из его челяди? Как же он сообщается с тобой?

НОД: По правде говоря, никак. Мне приходится догадываться, чего он от меня хочет.

ГАБРИЕЛЬ: Вот этого-то я и боялся.

НОД: Ты видел сына Месхии?

ГАБРИЕЛЬ: Видел ли я его? Послушай, простофиля здоровый, он же еще не родился. Зачем он тебе?

НОД: Он должен прийти и жить со мной в землях, лежащих к востоку от этого сада. Я отдам ему в жены одну из своих дочерей.

ГАБРИЕЛЬ: Ты ошибся, дружок. Опоздал по меньшей мере на пятьдесят миллионов лет.

НОД (медленно наклоняет голову, не понимая). Если ты его увидишь…

Появляются МЕСХИЯ и МЕСХИАНА, следом за ними ЯХИ. Все обнажены, но на ЯХИ надеты украшения.

МЕСХИЯ: Какое прекрасное место! Цветы, фонтаны, статуи! Разве это не замечательно!

МЕСХИАНА (робко): Я видела ручного тигра. У него клыки длиннее, чем моя рука. Как мы его назовем?

МЕСХИЯ: Как он захочет, так и назовем. (ГАБРИЕЛЮ.) Кому принадлежит этот восхитительный уголок?

ГАБРИЕЛЬ: Автарху.

МЕСХИЯ: И он разрешил нам жить здесь. Какое великодушие!

ГАБРИЕЛЬ: Все не так хорошо, как кажется. Кто-то преследует тебя, друг мой. Тебе это известно?

МЕСХИЯ (не оглядываясь): Тебя тоже.

ГАБРИЕЛЬ (с торжеством выставляет напоказ рожок, который является знаком его полномочий): Да! За мной идет ОН!

МЕСХИЯ: И он уже совсем близко. Если ты собираешься протрубить в этот рог, чтобы позвать на

помощь, то лучше сделать это поскорее.

ГАБРИЕЛЬ: Надо же, какой догадливый! Но у меня еще есть время.

Золотистый свет меркнет, и ГАБРИЕЛЬ исчезает. НОД недвижим. Стоит, опершись на свою булаву.

МЕСХИАНА: Я начну разводить огонь, а тебе, пожалуй, стоит заняться постройкой какого-нибудь жилища. Здесь, наверное, часто бывает дождливая погода — посмотри, какая зеленая трава.

МЕСХИЯ (разглядывая НОДА): Да это же просто-напросто статуя. Неудивительно, что его не боятся.

МЕСХИАНА: Но он может и ожить. Я когда-то слышала, что люди умеют творить из камня себе подобных.

МЕСХИЯ: Когда-то! Да ты же только-только появилась на свет. Вчера, я полагаю.

МЕСХИАНА: Вчера?.. Не знаю… Месхия, я же еще совсем дитя. Помню только, как я вдруг увидела свет и тебя. Ты говорил с солнечным лучом.

МЕСХИЯ: Не с солнечным лучом! Это было… По правде говоря, я еще не придумал этому названия.

МЕСХИАНА: И тогда я полюбила тебя.

Появляется АВТАРХ.

АВТАРХ: Кто вы такие?

МЕСХИЯ: Если уж на то пошло, кто ты такой?

АВТАРХ: Хозяин этого сада.

МЕСХИЯ кланяется, а МЕСХИАНА делает реверанс, хота на ней нет юбки, чтобы ее приподнять.

МЕСХИЯ: Мы только что имели беседу с одним из твоих подданных. Теперь, когда я об этом думаю, меня поражает, до чего же он похож на Твое Августейшее Величество. Только он был…

АВТАРХ: Помоложе?

МЕСХИЯ: Во всяком случае — на вид.

АВТАРХ: Что ж, это неизбежно. Но все равно, я ему этого не прощу. Я тоже был молод, и хотя, конечно, гораздо менее хлопотно иметь дело с теми женщинами, что ближе тебе по своему положению… Но, молодой человек, — я думаю, ты мог бы меня понять, если бы оказался на моем месте. Какая-нибудь молоденькая горничная или (деревенская девчонка, которую можно купить за пригоршню серебра или кусок бархата — ей и не придет в голову в самый неподходящий момент требовать казни соперницы или места посла для любимого мужа… Так вот, такая крошка иногда становится гораздо привлекательнее любой знатной дамы.

Во время монолога АВТАРХА сзади подкрадывается ЯХИ и кладет руку на плечо МЕСХИИ.

ЯХИ: Вот теперь ты видишь, что тот, кого ты считаешь божеством, одобряет и предлагает тебе то же самое, что и я. Давай начнем, пока не явилось Новое Солнце.

АВТАРХ: Что за прелестное создание! Почему, дитя, твои глаза горят, будто свечи, в то время как глаза твоей сестры тусклы, точно пепел?

ЯХИ: Никакая она мне не сестра!

АВТАРХ: Ну, тогда твоя соперница. Но идем же со мной. Пусть эти двое с моего соизволения остаются здесь. А тебя нынешней ночью облачат в богатое одеяние, твои уста познают вкус дорогого вина, а эта тоненькая талия, быть может, слегка пополнеет, когда ты вкусишь начиненных миндалем жаворонков и засахаренных фруктов.

ЯХИ: Поди прочь, старикашка!

АВТАРХ: Что! Да ты хоть знаешь, кто я такой?

ЯХИ: Только я одна и знаю. Ты всего лишь призрак. Даже более того — горстка праха, которую разметает ночной ветер.

АВТАРХ: По-моему, она не в своем уме. Друг мой, чего она от тебя хочет?

МЕСХИЯ (с облегчением): Стало быть, ты не гневаешься на нее. Ты добрый человек.

АВТАРХ: Вовсе нет! А что, помешанная любовница — это может оказаться весьма интересным. Поверь, я сгораю от нетерпения, а я столько всего успел повидать и провернуть за свою жизнь, что давно уже не испытывал ни к чему интереса. Она не кусается? То есть не очень сильно?

МЕСХИАНА: Еще как. А зубы у нее ядовитые.

ЯХИ бросается на нее. МЕСХИАНА убегает, ЯХИ за ней.

АВТАРХ: Придется отправить наряд, чтобы их разыскали.

МЕСХИЯ: Не беспокойся, они скоро вернутся сами. Признаться, я рад, что нам никто теперь не может помешать. У меня к тебе большая просьба.

АВТАРХ: После шести я не принимаю просителей. Пришлось ввести такое правило, иначе я сошел бы с ума. Надеюсь, это понятно.

МЕСХИЯ (слегка ошарашенный): Я понимаю, но ведь мне нужен всего лишь совет — божественная мудрость.

АВТАРХ: Ну, это другое дело. Давай, я тебя слушаю. Но предупреждаю, тебе придется заплатить. Предоставить мне на ночь этого помешанного ангела.

МЕСХИЯ (встав на колени): Разум мой бессилен.

Зачем я говорю с тобой, когда ты и так читаешь каждую мысль мою? Принимая во внимание то, что она из проклятого тобою рода, должен ли я все же отказаться от ее предложений? Ибо она догадывается о моей осведомленности, и я всем сердцем чувствую — она домогается меня лишь потому, что надеется быть отвергнутой.

АВТАРХ (в сторону): Он, как видно, тоже не в своем уме. И из-за моего желтого одеяния принимает меня за божество. (Обращаясь к МЕСХИИ.) Неверность только украшает мужчину. Если, конечно, речь не идет о неверности его собственной жены.

МЕСХИЯ: Значит, моя неверность причинила бы ей боль? Я…

Появляются КОНТЕССА и ГОРНИЧНАЯ.

КОНТЕССА: Мой господин! Что ты здесь делаешь?

МЕСХИЯ: Совершаю молитву, дочь моя. Сними свою обувь, ибо земля эта священна.

КОНТЕССА: Правитель, что это еще за дурачок?

АВТАРХ: Да какой-то сумасшедший. Бродит тут с двумя женщинами. Они тоже не в своем уме.

КОНТЕССА: Значит, их больше, чем нас. Хотя, если моя горничная не сумасшедшая…

ГОРНИЧНАЯ: Твоя милость…

КОНТЕССА: В чем я сомневаюсь. Сегодня она приготовила мне пурпурную накидку к зеленому платью. Представляю, на кого я была бы похожа в таком виде. На рассыльного.

МЕСХИЯ, который, слушая КОНТЕССУ, постепенно приходит в гнев, внезапно ударяет ее. Она падает. АВТАРХ незаметно исчезает.

МЕСХИЯ: Мерзкое отродье! Не смей издеваться над тем, что свято, и впредь ты будешь делать только то, что я велю. ГОРНИЧНАЯ: Кто ты, господин?

МЕСХИЯ: Я прародитель человечества, дитя мое. Ты в самом деле мое дитя. И она тоже.

ГОРНИЧНАЯ: Надеюсь, ты простишь ее. И меня. До нас дошла весть, что ты умер.

МЕСХИЯ: Тут не за что просить прощения. В конце концов умирают все. Но, как ты видишь, я снова здесь, чтобы приветствовать Новое Солнце.

НОД (впервые заговорив и шевельнувшись после долгого молчания и неподвижности): Мы пришли слишком рано. МЕСХИЯ (указывая на него пальцем): Великан! Великан!

КОНТЕССА: О! Соланж! Кинебурга!

ГОРНИЧНАЯ: Я здесь, ваша милость. Я, Либия.

НОД: И все же время Нового Солнца еще не

настало.

КОНТЕССА (всхлипывает): Новое Солнце идет! А мы все растаем, как сны.

МЕСХИЯ (сообразив, что НОД неопасен): Да, как дурные сны. Но для тебя так будет только лучше. Разве ты этого не понимаешь?

КОНТЕССА (успокаиваясь): Вот чего я точно не понимаю, так это того, что ты, эдакий мудрец, спутал Автарха с Универсальным Разумом.

МЕСХИЯ: Я знаю, что вы все мои дочери в прошлом творении. Потому что в нынешнем у меня их еще не было.

НОД: Его сын возьмет в жены мою дочь. Это незаслуженная честь для нашей семьи, потому что мы простые люди — дети Геи. Но мы будем вознесены. Я стану… Кем я стану, Месхия? Тестем твоего сына. Может быть, в один и тот же день мы придем навестить свою дочь, а ты — своего сына. Ты ведь не откажешь нам в месте за своим столом. Разумеется, мы будем сидеть на полу.

МЕСХИЯ: Ни в коем случае. Это уже прерогатива собаки. Или станет таковой, когда мы повстречаемся. (КОНТЕССЕ.) А тебе не приходит в голову, что я могу знать о так называемом Универсальном Разуме больше, чем Автарх знает сам о себе? Не только Универсальный Разум, но и многие менее

могущественные силы по собственному желанию набрасывают на себя наш, человеческий, облик, будто плащ. Иногда даже облик нескольких людей. И мы кажемся себе самими собой, а для других людей можем предстать Демиургом, Параклетом или же Дьяволом.

КОНТЕССА: Запоздалая мудрость, если мне суждено исчезнуть с восходом Нового Солнца. Полночь уже миновала?

ГОРНИЧНАЯ: Почти, твоя милость.

КОНТЕССА (указывая на публику): А все эти добрые люди. Что ожидает их?

МЕСХИЯ: А что происходит с опавшей листвой, которую уносит ветер?

КОНТЕССА: Если…

МЕСХИЯ: Если что?

КОНТЕССА: Если бы в моем теле оказалась часть твоего — капля прозрачной жидкости в моем чреве…

МЕСХИЯ: Если бы это случилось, ты странствовала бы по Урсу лишь немногим дольше — бесприютной скиталицей, которой никогда не суждено обрести дома. Но я не возлягу с тобой. Не надейся; ты всего-навсего труп. Даже ничтожней, чем труп.

ГОРНИЧНАЯ падает в обморок.

КОНТЕССА: Говоришь, ты отец всего человеческого. Наверное, так оно и есть, потому что женщине ты несешь смерть.

Сцена погружается в темноту. Когда свет загорается снова, МЕСХИАНА и ЯХИ лежат под рябиной. В склоне холма, позади них, — дверь. У ЯХИ разбиты губы. Кровь стекает по подбородку.

МЕСХИАНА: У меня еще хватило бы сил найти его, если бы только ты от меня отстала.

ЯХИ: Мною движут силы Нижнего Мира. Если потребуется, я буду преследовать тебя до второго конца Урса. Но попробуй только еще раз ударить меня. Ты за это поплатишься.

МЕСХИАНА замахивается, и ЯХИ отшатывается.

МЕСХИАНА: К тому времени, как мы решили здесь передохнуть, у тебя ноги дрожали больше, чем у меня.

ЯХИ: Конечно, я страдаю гораздо больше, чем ты. Но Нижний Мир дает силу выносить невыносимое. Конечно, я не только красивее тебя, но и гораздо чувствительнее.

МЕСХИАНА: Вот именно!

ЯХИ: Еще раз предупреждаю тебя, но третьего предупреждения не будет. Попробуй тронь меня!

МЕСХИАНА: Ну и что же ты сделаешь? Призо-

вешь Эриний отомстить мне? Если бы это было в твоей власти, ты уже давно могла бы это сделать.

ЯХИ: Хуже. Если ты еще раз ударишь меня, тебе станет доставлять удовольствие причинять боль.

Появляются ПЕРВЫЙ СТРАЖНИК и ВТОРОЙ СТРАЖНИК, вооруженные пиками.

ПЕРВЫЙ СТРАЖНИК: Смотри! Вот они!

ВТОРОЙ СТРАЖНИК (женщинам): Лежать! Не сметь подниматься! Или насажу на вертел, как цапля лягушку. Вы отправитесь с нами.

МЕСХИАНА: На четвереньках?

ПЕРВЫЙ СТРАЖНИК: Не дерзить!

Он бьет ее пикой, и в ответ на это раздается почти непереносимый для человеческого слуха глубокий стон. Сцена вибрирует, а земля содрогается.

ВТОРОЙ СТРАЖНИК: Что это?

ЯХИ: Конец Урса, недоумок! Давай, прикончи ее! Самому-то тебе так и так конец.

ВТОРОЙ СТРАЖНИК: Много ты понимаешь! Для нас все только начинается. Нам приказали обыскать сад, а тому, кто найдет и приведет вас обеих, обещана награда. Десять хризосов — вот чего ты стоишь! И я их получу.

Он хватает ЯХИ, и в то же мгновение МЕСХИАНА пускается наутек. ПЕРВЫЙ СТРАЖНИК бежит за ней.

ВТОРОЙ СТРАЖНИК: Не смей кусаться!

Он бьет Яхи рукоятью пики. Они начинают драться.

ЯХИ: Идиоты! Она сбежала!

ВТОРОЙ СТРАЖНИК: Это уж забота Айво. Я свою поймал и притащу. А его сбежала, и если он ее не поймает, ему же хуже. Идем к хилиарху!

ЯХИ: А не желаешь ли предаться со мной любви, пока мы не покинули это очаровательное местечко?

ВТОРОЙ СТРАЖНИК: Чтобы мое мужское естество отрезали и запихнули в мой же собственный рот? Ну, уж нет!

ЯХИ: Если там, конечно, есть что резать.

ВТОРОЙ СТРАЖНИК: Что ты сказала!? (Трясет ее за плечи.)

ЯХИ: Все силы Урса придут ко мне на помощь. Вот погоди, отпусти меня лишь на мгновение, и я покажу тебе кое-что удивительное.

ВТОРОЙ СТРАЖНИК: Я и так вижу довольно привлекательные вещицы, за что весьма благодарен луне.

ЯХИ: Я сделаю тебя богачом. Десять хризосов

покажутся тебе ничем. Но я бессильна, пока ты меня держишь.

ВТОРОЙ СТРАЖНИК: Ноги у тебя подлиннее, чем у прочих женщин, но, как я заметил, ты не очень-то охотно ими пользуешься. По-моему, ты едва держишься на ногах.

ЯХИ: Да, мне трудно даже стоять.

ВТОРОЙ СТРАЖНИК: Я буду придерживать тебя за ожерелье. Цепочка на вид достаточно прочная. Если ты и вправду что-то можешь, валяй! А если нет, пошли. Все равно удрать тебе не удастся.

ЯХИ поднимает руки с расставленными пальцами. Некоторое время стоит тишина, потом слышится странная музыка. Мягкими хлопьями начинает падать снег.

ВТОРОЙ СТРАЖНИК: Прекрати это!

Он хватает ее за руку. Музыка прекращается, а на его голову падает несколько последних снежинок.

ВТОРОЙ СТРАЖНИК: Это не золото!

ЯХИ: Но ты видел?

ВТОРОЙ СТРАЖНИК: У нас в деревне была одна старуха, так она тоже умела управлять погодой. У нее, правда, это получалось не так быстро, как у тебя, но ведь она была совсем старая и дряхлая.

Появляется СТАТУЯ. Она двигается медленно,

словно ничего не видит.

ЯХИ: Что это?

ВТОРОЙ СТРАЖНИК: Один из маленьких любимцев Отца Инира. Он тебя не видит и не слышит. Не уверен даже, что он вообще живой.

ЯХИ: Я тоже не уверена.

Когда СТАТУЯ проходит мимо нее, она слегка шлепает ее свободной ладонью по щеке.

ЯХИ: Любимый… любимый… любимый. Разве ты не хочешь приветствовать меня?

СТАТУЯ: Э-э-э-э-йо!

ВТОРОЙ СТРАЖНИК: Что это? Перестань! Женщина, ты же говорила, что не имеешь силы, пока я тебя держу.

ЯХИ: Взгляни-ка на моего раба! Можешь сразиться с ним? Давай — сломай свое копье об эту широкую грудь!

СТАТУЯ опускается на колени и целует ноги ЯХИ.

ВТОРОЙ СТРАЖНИК: Нет уж! — Зато бегаю я быстрее.

Он перекидывает ЯХИ через плечо и бежит. Дверь в холме отворяется и тут же захлопывается за ними. СТАТУЯ пытается ее сломать, но дверь не поддается. По лицу СТАТУИ катятся слезы. Потом она начинает раскапывать холм руками.

ГАБРИЕЛЬ (за сценой): Вот так каменные идолы, покинутые человеком, оставшись в одиночестве в пустыне, продолжают хранить свою веру.

СТАТУЯ продолжает копать. Свет гаснет. В следующей сцене АВТАРХ сидит на троне. Силуэты по обе стороны от него указывают на то, что он находится в окружении придворных.

АВТАРХ: И вот я восседаю здесь, будто владею тысячами миров. А между тем я даже этому-то не хозяин.

За сценой — шаги марширующих людей и голос, отдающий приказания.

АВТАРХ: Генералиссимус!

Входит ПРОРОК. Он в овечьей шкуре. С посохом, увенчанным грубо вырезанным непонятным символом.

ПРОРОК: Повсюду удивительные знамения. В Инкусе родился безголовый теленок, а рот у него — на ноге. Достойная женщина видела во сне, что понесла от кобеля. Прошлой ночью на ледяные просторы юга выпал звездный дождь. И по всему свету бродят пророки.

АВТАРХ: А вот и один из них.

ПРОРОК: Сам Автарх их видел!

АВТАРХ: Мой архивариус — а он располагает обширными сведениями касательно сего пред-

мета — как-то докладывал мне, что здесь было умерщвлено более сотни пророков. Их замуровывали в стены, сжигали, отдавали на съедение диким зверям, топили. С некоторых даже сдирали живьем кожу и приколачивали ее к дверям. А теперь я хочу узнать от тебя о приходе Нового Солнца. Это давнее пророчество. Как это должно произойти? Что это означает? Говори, или архивариусу придется внести новую пометку в свой список, а палку, которую ты держишь в руках, скоро обовьют бледные побеги луноцвета.

ПРОРОК: Мой ответ не удовлетворит тебя, но я попробую.

АВТАРХ: Скажи лучше, ты просто не знаешь.

ПРОРОК: Знаю. Но я знаю также, что ты практическая натура. Тебя занимает только жизнь этого мира, а взгляд твой почти никогда не устремляется в высшие сферы.

АВТАРХ: Именно это и составляет предмет моей гордости вот уже более тридцати лет.

ПРОРОК: Но даже ты должен знать, что сердце старого солнца пожирает червь. Материя внутри его сама себя поглощает и исчезает, как в бездонной яме.

АВТАРХ: Мои астрономы уже давно твердят то же самое.

ПРОРОК: Представь себе яблоко с гнильцой внутри. Снаружи оно кажется целым до тех пор, пока вдруг не обращается в прах.

АВТАРХ: Любому смертному, если силы не оставили его на закате жизни, приходит в голову этот образ.

ПРОРОК: Вот то же самое и происходит со старым солнцем. Но что есть этот червь? Известно ли нам что-нибудь о нем, кроме того, что он лишает Урс тепла, света и, в конце концов, самой жизни?

За сценой — звуки борьбы. Крик боли и треск, как если бы с постамента свалилась большая ваза.

АВТАРХ: Мы очень скоро выясним, что там случилось. А пока продолжай, Пророк.

ПРОРОК: Мы знаем, что это — нечто большее. Точка разрыва в постоянстве вселенной, прореха в ее ткани, сплетенной неизвестными нам законами. Из этой прорехи ничего не выходит, напротив — все поглощается ею. И все же из нее может что-то появиться, ибо она одна не является рабом своей природы.

Появляется НОД. Его подталкивают пиками, по телу его струится кровь.

АВТАРХ: А это еще что за урод?

ПРОРОК: Одно из подтверждений моих предзнаменований. Как уже давно известно, со смертью старого солнца погибнет Урс. А из его могилы выйдут на свет чудовища, новые люди и Новое Солнце. Старый Урс преобразится, как бабочка, выпорхнувшая из куколки, а Новый Урс будет именоваться Ушас.

АВТАРХ: Значит, все, что мы сейчас видим, исчезнет? Это древнее здание? И я сам? И ты?

НОД: Сам я не обладаю мудростью, но слышал от одного мудреца — скоро моя семья породнится с ним, — что все это только к лучшему. Мы всего лишь сны, а у снов нет собственной жизни. Смотрите, я ранен (показывает руку). Если исцелить рану, она исчезнет. Разве эта рана произнесет своими кровавыми губами, что не хочет исцеления? Я только пытаюсь объяснить, что он говорил, но мне кажется, что он подразумевал нечто подобное.

За сценой раздается колокольный звон.

АВТАРХ: Что это? Ты, Пророк, пойди и узнай, кто велел устроить этот шум и почему.

ПРОРОК уходит.

НОД: Уверен, колокола приветствуют Новое Солнце. Я и сам за этим пришел. У нас такой обычай: когда прибывает почетный гость, мы ревем,

бьем себя в грудь, вырываем из земли деревья и швыряем в пропасть скалы в его честь. Все это я и проделаю наутро, если ты отпустишь меня на волю. И я знаю, что весь Урс присоединится ко мне. Сами горы бросятся в море, когда завтра взойдет Новое Солнце.

АВТАРХ: Откуда ты? Отвечай, и я освобожу тебя.

НОД: Как откуда? Из моей страны. Она лежит к востоку от Рая.

АВТАРХ: А где это?

НОД указывает на восток.

АВТАРХ: А Рай где? Там же?

НОД: Как это где? Да ведь мы же в Раю. Или, по крайней мере, под ним.

Входит ГЕНЕРАЛИССИМУС. Приближается к трону и отдает честь.

ГЕНЕРАЛИССИМУС: Автарх, мы обыскали все вокруг Обители Абсолюта, как вы приказали. Нашли Контессу Карину, а поскольку ее состояние не внушает опасения, мы препроводили ее в личные покои. Нашли также колосса, который сейчас перед вами, женщину в украшениях, соответствующую твоему описанию, и двух торговцев.

АВТАРХ: А еще двое — голый человек и его

жена?

ГЕНЕРАЛИССИМУС: Не обнаружены.

АВТАРХ: Продолжайте поиски, да на этот раз ищите получше.

ГЕНЕРАЛИССИМУС (отдает честь): Будет исполнено, мой повелитель.

АВТАРХ: А женщину в украшениях привести ко мне.

НОД пробует двинуться, но его сдерживают копьями.

ГЕНЕРАЛИССИМУС хватается за пистолет.

НОД (АВТАРХУ): Я же сказал тебе, где моя земля. Прямо на восток от твоей.

ГЕНЕРАЛИССИМУС: Он лжет! Я хорошо знаю этот район.

АВТАРХ (устало): В его понимании, это правда. Может, это и есть единственная правда.

НОД: Значит, я свободен?

АВТАРХ: Полагаю, то, что ты явился встречать, придет вне зависимости от того, свободен ты или нет. Но все же, кто его знает… Во всяком случае, нельзя допускать, чтобы такое существо, как ты, шаталось, где ему вздумается. Нет, я не отпускаю тебя и никогда не отпущу.

НОД
бросается со сцены, за ним — ГЕНЕРАЛИССИМУС.

Выстрелы, крики, треск. Фигуры, окружающие АВТАРХА, меркнут. Снова начинает звонить колокол. Опять появляется НОД. На его щеке след лазерного ожога. АВТАРХ бьет его скипетром — от каждого удара раздается взрыв и разлетаются искры. НОД хватает АВТАРХА и собирается обрушить его на сцену, как вдруг появляются два ДЕМОНА, переодетые торговцами, опрокидывают НОДА и водворяют АВТАРХА на трон.

АВТАРХ: Примите мою благодарность. Вас наградят. Я уже потерял надежду, что меня спасет охрана, и оказался прав. Могу я спросить, кто вы?

ПЕРВЫЙ ДЕМОН: Вся охрана перебита. Этот гигант размозжил их черепа о стены, а хребты переломал об колено.

ВТОРОЙ ДЕМОН: Мы простые торговцы. Нас взяла стража.

АВТАРХ: Лучше бы все они были торговцами, а вы — моими охранниками. Странно, на вид вы не очень-то сильны.

ПЕРВЫЙ ДЕМОН (отвешивая поклон): Истоки нашей силы в том, кому мы служим.

ВТОРОЙ ДЕМОН: Ты, наверное, задаешься вопросом, почему простые торговцы низкого звания бродят поздней ночью в твоих садах. Дело в том,

что мы пришли с предупреждением. Не так давно дорога привела нас в непроходимые леса севера. Там, в храме, древнем, как само человечество, в древесном святилище, которое представляется взгляду курганом, воздвигнутым из зелени листьев, мы имели беседу со старцем-шаманом, и он предсказал великую невзгоду твоему царству.

ПЕРВЫЙ ДЕМОН: И мы поспешили сюда с этим известием. Бедствие еще можно предотвратить, и мы успели как раз вовремя.

АВТАРХ: Что от меня требуется?

ВТОРОЙ ДЕМОН: Мир, столь ценимый нами, уже столько раз обернулся вокруг солнца, что основа его ткани истлела, а нить времени оборвалась, превратившись в прах.

ПЕРВЫЙ ДЕМОН: Его земли износились, подобно дряхлой женщине, давно утратившей красоту и плодовитость. Грядет Новое Солнце…

АВТАРХ: Все это я уже слышал сотни раз!

ПЕРВЫЙ ДЕМОН: И когда оно взойдет, земли старого мира поглотит море, как уходят на дно потерпевшие крушение суда.

ВТОРОЙ ДЕМОН: Но из моря поднимутся новые земли, полные золота, серебра, меди и железа. Земли, сияющие алмазами, рубинами, бирюзой, которые накопило море за неисчислимые мил-

лионы столетий.

ПЕРВЫЙ ДЕМОН: Те земли готовы принять новых людей. Нынешнее человечество падет, как уходит под плуг сорная трава, что так долго занимала поле, чтобы уступить место пшенице.

ВТОРОЙ ДЕМОН: Но если семя пшеницы спалить огнем… Что тогда? Высокий мужчина и худая женщина, с которыми вы недавно повстречались, и есть то самое семя. Была надежда, что семя удастся уничтожить, пока оно не попало в землю, но призванная осуществить это деяние потеряла их из виду, не нашла меж сухой травы и комьев глины. Теперь ее хитростью предали в руки Инквизитора для сурового допроса. Но семя все равно можно предать огню.

АВТАРХ: Эта мысль уже приходила мне в голову.

ОБА ДЕМОНА (хором): Несомненно!

АВТАРХ: Но разве смерть тех двоих предотвратит приход Нового Солнца?

ПЕРВЫЙ ДЕМОН: Нет, а зачем? Новые земли будут принадлежать тебе.

Экраны, огораживающие сцену, загораются. На них — лесистые холмы и шпили городских домов. АВТАРХ разглядывает их. Непродолжительная пауза. Потом он вынимает из мантии переговор-

ное устройство.

АВТАРХ: Только бы Новое Солнце не узрело того, что я делаю. Кораблям! Огонь по окрестностям! Все сровнять с землей!

Оба ДЕМОНА исчезают. Появляется сидящий НОД. Города и холмы бледнеют. Вместо них на экранах — многократно повторенное изображение АВТАРХА. Сцена погружается в темноту.

Когда свет зажигается снова, в центре ИНКВИЗИТОР сидит за высоким столом. Его ПОМОЩНИК в одежде палача и в маске стоит рядом. По обеим сторонам разнообразные орудия пытки.

ИНКВИЗИТОР: Брат, приведи женщину, обвиняемую в ведьмовстве.

ПОМОЩНИК: Контесса ожидает в приемной, а поскольку она принадлежит к знатному роду и фаворитка нашего правителя, я просил бы тебя принять ее первой.

Входит КОНТЕССА.

КОНТЕССА: Я слышала, что здесь говорилось, и, решив, что ты, Инквизитор, не мог бы не внять моей просьбе, взяла на себя смелость войти, не дожидаясь приглашения. Считаешь ли ты мой поступок проявлением смелости?

ИНКВИЗИТОР: Ты играешь словами. Но, должен

признаться, я действительно так считаю.

КОНТЕССА: И ошибаешься. Уже восемь лет моего девичества я обитаю в Обители Абсолюта. Когда из моего чрева впервые заструилась кровь, мать привела меня сюда. Она наказывала мне никогда не приближаться к твоим покоям, где кровь множества людей струится независимо от фаз луны. До сего дня я не бывала здесь, а теперь пришла и дрожу от страха.

ИНКВИЗИТОР: Тем, в ком нет зла, здесь нечего бояться. И все же твое признание — проявление смелости.

КОНТЕССА: А есть ли во мне зло? А в тебе? А в нем? Мой исповедник сказал бы, что во мне — есть. Что говорит твой? Или он боится? А твой Помощник? Не лучше ли он тебя?

ПОМОЩНИК: Мне бы это пришлось не по душе.

КОНТЕССА: Нет, я не так уж храбра и знаю, что здесь мне угрожает опасность. Но именно страх и привел меня в эти мрачные покои. Тебе известно об обнаженном мужчине, который ударил меня? Его нашли?

ИНКВИЗИТОР: Нет, его не приводили ко мне.

КОНТЕССА: Не прошло еще и стражи с тех пор, как солдаты нашли меня в саду. Я плакала, а моя

горничная пыталась меня утешить. Я боялась оставаться там, в темноте, поэтому они отвели меня в мои покои через галерею, которую называют Воздушной Дорогой. Ты бывал на ней?

ИНКВИЗИТОР: Разумеется.

КОНТЕССА: Тогда ты знаешь, что она вся состоит из окон, а свет проникает сквозь них в примыкающие помещения и коридоры. Так вот, в одном из окон я увидела фигуру мужчины. Он был высок, со стройными членами, широкими плечами и узкими бедрами.

ИНКВИЗИТОР: На свете немало таких мужчин.

КОНТЕССА: Сперва и я так подумала. Но в скором времени та же фигура появилась в другом окне, и еще в одном, и еще. Тогда я велела стражникам стрелять в него. Они решили, что я сошла с ума, и отказались, но послали людей на поиски. Те вернулись с пустыми руками. А он продолжал глядеть на меня из каждого окна. При этом казалось, что его тело качается в воздухе.

ИНКВИЗИТОР: И ты думаешь, что это тот самый человек, который тебя ударил?

КОНТЕССА: Хуже. Я боюсь, что это не тот, хотя они похожи. Кроме того, я уверена, что тот не причинил бы мне зла, если бы я с уважением отнеслась к его сумасшествию. Нет, в эту странную

ночь, когда мы, как уходящие под снег сухие стебли старого человеческого племени, оказались перемешанными с семенами, которые вскоре дадут новую поросль, я боюсь, что это нечто большее — чего мы не знаем.

ИНКВИЗИТОР: Может быть, и так, но здесь ты его не найдешь, так же как и человека, который тебя ударил. (К ПОМОЩНИКУ.) Приведи женщину-ведьму, брат.

ПОМОЩНИК: Все они ведьмы, только некоторые хуже прочих.

Он удаляется и возвращается, ведя на цепи МЕСХИАНУ.

ИНКВИЗИТОР: Тебя обвиняют в том, что ты наложила чары на семерых воинов нашего суверенного правителя, из-за чего они нарушили присягу и обратили оружие против товарищей и начальников. (Он поднимается и зажигает большую свечу на краю стола.) Я призываю тебя покаяться в этом грехе и, если ты это сделала, поведать, какие силы помогали тебе и кто научил тебя взывать к их мощи.

МЕСХИАНА: Просто солдаты поняли, что я не замышляю ничего дурного. Они испугались за меня. Я…

ПОМОЩНИК: Молчать!

ИНКВИЗИТОР: Заявления обвиняемого не имеют веса, если они не сделаны под пыткой. Мой помощник приготовит тебя.

ПОМОЩНИК хватает МЕСХИАНУ и привязывает ее к одному из орудии пыток.

КОНТЕССА: При том что до конца нашего мира осталось так немного времени, вряд ли мне стоит тратить его на подобные зрелища. Скажи, ты подруга того голого мужчины? Я собираюсь поискать его и скажу ему, что с тобой стало.

МЕСХИАНА: О! Сделай это! Я надеюсь, он вернется, пока еще не слишком поздно.

КОНТЕССА: А я надеюсь, что он примет меня вместо тебя. Несомненно, и та и другая надежда равно беспочвенны, и вскоре нам суждено стать сестрами по несчастью.

КОНТЕССА уходит.

ИНКВИЗИТОР: Я тоже ухожу. Мне надо расспросить тех солдат, которые ее нашли. Приготовь обвиняемую, а я скоро вернусь.

ПОМОЩНИК: Но есть еще и другая, инквизитор. Она совершила сходное преступление, но, кажется, менее опасна.

ИНКВИЗИТОР: Почему же ты мне сразу не сказал? Я мог бы произнести наставление обеим одновременно. Веди ее.

ПОМОЩНИК уходит и возвращается с ЯХИ. ИНКВИЗИТОР роется в бумагах на столе.

ИНКВИЗИТОР: Тебя обвиняют в том, что ты наложила чары на семерых воинов нашего суверенного правителя, из-за чего они нарушили присягу и обратили оружие против товарищей и офицеров. Теперь я призываю тебя покаяться в этом грехе и, если ты это сделала, поведать, какие силы помогали тебе и кто научил тебя взывать к их мощи.

ЯХИ (гордо): Я совершила все, в чем ты меня обвиняешь, и еще многое другое, о чем тебе неизвестно. Я не смею назвать эти силы, иначе здешняя роскошная крысиная нора разлетится вдребезги. Кто научил меня? Кто учит ребенка взывать к своему отцу?

ПОМОЩНИК: Мать?

ИНКВИЗИТОР: Откуда мне знать? Готовь ее. Я скоро вернусь.

ИНКВИЗИТОР уходит.

МЕСХИАНА: И за тебя тоже сражались? Жаль — столько народу зря погибло.

ПОМОЩНИК (запирая ЯХИ в пыточную машину с другой стороны от стола): Он просто перепутал бумаги — снова зачитал твою. Когда он вернется, я укажу ему на ошибку. Разумеется, как нельзя

более дипломатично.

ЯХИ: Ты наложила заклятие на солдат? Тогда сделай то же самое с этим идиотом и освободи нас.

МЕСХИАНА: Я не знаю никаких заклинаний. К тому же за меня вступились только семеро из пятидесяти.

Входит НОД. Он связан.

ПЕРВЫЙ СТРАЖНИК подталкивает его острием пики.

ПОМОЩНИК: А это еще что?

ПЕРВЫЙ СТРАЖНИК: Ну, это такой преступник, которого у тебя еще никогда не бывало. Он расправился с целой сотней, как с кучей щенков. У тебя найдутся кандалы ему под стать?

ПОМОЩНИК: Придется соединить несколько пар, но я как-нибудь справлюсь.

НОД: Я не мужчина. Я и больше и меньше чем человек. Я рожден из глины, от Матери Геи, владычицы диких зверей. Если ты повелеваешь людьми, то должен отпустить меня.

ЯХИ: Мы тоже. Отпустите и нас!

ПЕРВЫЙ СТРАЖНИК (со смехом): Уж вы-то точно не мужчины. На этот счет никаких сомнений быть не может.

МЕСХИАНА: Она и не женщина. Не позволяй ей

провести себя.

ПОМОЩНИК (защелкивая последний запор на цепях Нода): Ей это не удастся. Поверь, сейчас ей будет не до шуточек.

ПЕРВЫЙ СТРАЖНИК: Ты тут неплохо позабавишься, когда я уйду, верно?

Он протягивает руку к ЯХИ. Она шипит, как кошка.

ПЕРВЫЙ СТРАЖНИК: Не будешь ли ты столь любезен отвернуться на некоторое время?

ПОМОЩНИК (собираясь приступить к пытке). Если бы я оказался столь любезен, то вскоре очутился бы на собственной дыбе. Но если ты подождешь, пока вернется мой хозяин, Инквизитор, то твое желание исполнится: будешь лежать с ней рядышком.

ПЕРВЫЙ СТРАЖНИК застывает в нерешительности, потом, осознав смысл произнесенного ПОМОЩНИКОМ, тут же исчезает.

НОД: Эта женщина станет матерью моего зятя. Не трогай ее. (Натягивает цепи.)

ЯХИ (подавляя зевок). Всю ночь на ногах… И хотя духом я, как всегда, бодра, плоть моя нуждается в отдыхе. Ты не можешь поскорее закончить с ней и взяться за меня?

ПОМОЩНИК (не оборачиваясь). Здесь не от-

дыхают.

ЯХИ: Неужели? А мне казалось, здесь так уютно.

ЯХИ снова зевает, и, когда она поднимает руку, чтобы прикрыть рот, наручник спадает.

МЕСХИАНА: Держи ее! Неужели ты не понимаешь: в ней нет земных частиц, поэтому железо не имеет над ней власти?

ПОМОЩНИК (по-прежнему пытает МЕСХИАНУ и не оборачивается). Не бойся, никуда она не денется.

МЕСХИАНА: Гигант! Неужели ты не можешь вырваться? От этого зависит судьба мира!

НОД натягивает цепи, но не может разорвать их.

ЯХИ (освобождаясь от цепей): Верно! Я отвечаю вместо него, потому что в мире реальности я во много раз сильнее, чем любой из вас. (Она огибает стол и заглядывает через плечо ПОМОЩНИКА.) Как интересно! Грубо, конечно, но занятно.

ПОМОЩНИК оборачивается, вытаращив глаза, а она со смехом убегает. Он неуклюже бежит за ней и вскоре возвращается с удрученным видом.

ПОМОЩНИК (отдуваясь): Сбежала.

НОД: Да. Она на свободе.

ПОМОЩНИК: Разве вам понять, что это значит

для меня? Скоро вернется хозяин, и мне конец.

НОД: Миру конец. Она же тебе говорила.

МЕСХИАНА: Палач, послушай меня. Еще не все пропало. Ты должен отпустить великана.

ПОМОЩНИК: Могу себе представить! Он убьет меня и освободит тебя. Что ж, по крайней мере, это будет быстрая смерть.

МЕСХИАНА: Он ненавидит Яхи и, хотя не особенно умен, знает ее уловки. Вдобавок он обладает огромной силой. Более того, я знаю клятву, которую он никогда не нарушит. Отдай ему ключ от наручников, а сам приставь свой меч к моему горлу. Заставь его поклясться моей жизнью, что он поймает Яхи, приведет ее сюда и сам себя закует.

ПОМОЩНИК в нерешительности.

МЕСХИАНА: Ты ничего не потеряешь. Твой хозяин даже не знает, что он должен быть здесь. Но если он вернется и увидит, что ее нет…

ІОМОЩНИК: Согласен! (Снимает ключ с кольца на поясе.)

НОД: Клянусь надеждой породниться с человеческим племенем, дабы нас, гигантов, могли именовать Сынами Отца, пленить дьявола в образе женщины, привести ее сюда и держать, чтобы она не исчезла снова, и заковать себя так,

как я закован ныне.

ПОМОЩНИК: Это та самая клятва?

МЕСХИАНА: Да!

ПОМОЩНИК бросает ключ Ноду, вынимает меч и держит его наготове.

ПОМОЩНИК: А он сможет ее найти?

МЕСХИАНА: Он должен ее найти!

НОД (освобождаясь от цепей): Я поймаю ее. Как она говорила, тело слабеет. Она может мчаться быстро и далеко, но ей никогда не догадаться, что спасение не в бегстве.

ПОМОЩНИК: Мне придется продолжить. Надеюсь, ты понимаешь…

ІОМОЩНИК мучает МЕСХИАНУ. Она кричит.

ПОМОЩНИК (понизив голос): Как она красива! Хотелось бы мне встретиться с ней где-нибудь в другом месте.

Свет гаснет. Слышен легкий топот бегущей ЯХИ. Через некоторое время в слабом свете появляется НОД, пробирающийся по коридорам Обители Абсолюта. Этот эффект достигается при помощи движущихся изображений урн, картин, мебели на заднем плане. Среди них — изображение ЯХИ. Она появляется на сцене, вслед за ней, по пятам — ВТОРОЙ ДЕМОН.

ЯХИ: Куда он мог подеваться? Весь сад спален

дотла. Твое тело — лишь видимость. Обратись в сову и поищи его!

ВТОРОЙ ДЕМОН (насмешливо): Кого?

ЯХИ: Месхию! Вот подожди, Отец узнает, как ты обращаешься со мной, как из-за тебя пошли прахом все наши старания!

ВТОРОЙ ДЕМОН: От кого узнает? От тебя? Да это же ты упустила Месхию, позволила женщине соблазнить его. И что же ты скажешь? «Меня обманула женщина?» Как-то раз эта выдумка имела успех — так давно, что, кроме нас с тобой, об этом никто и не помнит. А теперь ты все испортила: ложь стала правдой.

ЯХИ (бросаясь на ДЕМОНА): Жалкий доносчик! Подлиза! Только и умеешь, что ныть да подглядывать.

ВТОРОЙ ДЕМОН (отскакивая от нее): Теперь тебя сошлют в землю Нода, что лежит к востоку от Рая.

За сценой слышится тяжелая поступь НОДА. ЯХИ прячется за клепсидрой, а ВТОРОЙ ДЕМОН сотворяет пику и встает в позу часового.

НОД: Как долго ты тут стоишь?

ВТОРОЙ ДЕМОН (отдавая честь): Сколько тебе будет угодно, сьер.

НОД: Что нового?

ВТОРОЙ ДЕМОН: Все, что пожелаешь, сьер. Великан ростом с колокольню перебил всю охрану. Автарх пропал. Мы уже столько раз обыскивали сад, что если бы у нас при себе был навоз вместо копий, то маргаритки уже стали бы размером с зонтик. Утки линяют, а надежды растут — также пошла в рост и репа. Завтра ожидается сухая, теплая солнечная погода… (бросает многозначительный взгляд на клепсидру), а по залам дворца пробегала раздетая женщина.

НОД: Что это такое?

ВТОРОЙ ДЕМОН: Водяные часы, сьер. Видишь ли, если знать, который час, можно сказать, сколько воды утекло.

НОД (осматривая клепсидру): У нас таких не бывает. Значит, этих кукол приводит в движение вода?

ВТОРОЙ ДЕМОН: Кроме той большой, сьер.

ЯХИ бросается со сцены, НОД за ней, но, прежде чем он скрывается из виду, она ныряет у него между ногами, возвращается и успевает спрятаться в сундук. За это время ВТОРОЙ ДЕМОН исчезает.

НОД (появляясь на сцене): Эй! Стой! (Добегает до противоположного конца сцены и возвращается.) Горе мне! Горе! Там, в саду, она один раз

проскочила так близко. Я мог бы дотянуться до нее и раздавить, как кошку, как червя, как мышь, как змею! (В публику.) Не смейте смеяться надо мной! Я перебью вас всех! Все ваше поганое племя! Вся земля будет усеяна вашими костями! Но я жив! Я жив, а Месхиану, которая верила в меня, ждет гибель.

НОД сшибает клепсидру. По сцене летят медные чаши и льется вода.

НОД: Что толку в даре речи, если единственное, что я могу — это проклинать самого себя. Добрая мать всех зверей, отбери его у меня! Пусть я стану таким, как прежде, и пусть холмы огласятся моим звериным ревом. Разум не приносит ничего, кроме боли, — так не разумнее ли утратить его и вновь обрести счастье!

НОД опускается на сундук, в котором прячется ЯХИ. Он сидит, опершись локтями о колени и закрыв лицо руками. Свет постепенно меркнет, а сундук начинает трещать под тяжестью его тела. Свет загорается. На сцене снова кабинет ИНКВИЗИТОРА. МЕСХИАНА на дыбе. ПОМОЩНИК поворачивает колесо. Она кричит.

ПОМОЩНИК: Ну как, теперь лучше? Я же говорил! Пускай соседи слышат, что мы тут не дремлем. Ты не поверишь: все это крыло пол-

ным-полно пустых помещений и бездельников. Только мы с хозяином трудимся. Мы делаем свое дело, и на том покоится Содружество. И мы хотим, чтобы они почаще об этом вспоминали.

Входит АВТАРХ в разорванном и запятнанном кровью одеянии.

АВТАРХ: Где я? (Он садится на пол, закрыв лицо руками. Его поза похожа на позу НОДА.)

ПОМОЩНИК: Где? Это Палата Милосердия, августейший осел. Как же ты сюда попал, если даже не знаешь, где находишься?

АВТАРХ: Сегодня меня так гоняли по собственному дому, что я мог оказаться где угодно. Принеси вина — или воды, если здесь нет вина, — и запри дверь.

ПОМОЩНИК: Вина нет, есть кларет. А дверь запереть никак не могу, потому что жду хозяина.

АВТАРХ (более настойчиво): Делай, что тебе сказано.

ПОМОЩНИК (очень мягко): Ты пьян, дружище. Выметайся-ка отсюда.

АВТАРХ: Я… Хотя какая разница? Всему конец. Я такой же человек, как и ты.

Издали слышны тяжелые шаги НОДА.

ПОМОЩНИК: У него ничего не вышло! Так я и знал!

МЕСХИАНА: Нет, вышло! С пустыми руками он не вернулся бы так скоро. Мир еще можно спасти!

АВТАРХ: О чем это вы?

Появляется НОД. Разум покинул его, как он и молил, но он тащит за собой ЯХИ. Помощник бросается к нему с кандалами.

МЕСХИАНА: Держите ее, иначе она опять убежит.

ПОМОЩНИК надевает цепи на НОДА так, что одна из его рук обхватывает ЯХИ. НОД сильнее прижимает ее к себе.

ПОМОЩНИК: Он раздавит ее! Эй ты, дурень здоровый! Перестань!

ПОМОЩНИК хватает железный прут и лупит НОДА. НОД испускает рев, пытается дотянуться до него и выпускает ЯХИ. Ее бесчувственное тело соскальзывает на землю. Помощник берет ее за ногу и подтаскивает к АВТАРХУ.

ПОМОЩНИК: Вот и ты пригодился.

Он рывком сажает АВТАРХА прямо и быстро заковывает его так, что рука Автарха обхватывает запястье ЯХИ. Потом он возвращается к МЕСХИАНЕ и продолжает ее пытать. За его спиной НОД освобождается от цепей.

Глава 25
Нападение на иеродулов

Мы играли пьесу под открытым небом, где звук так легко растворяется в бесконечности воздуха, но, несмотря на это, я хорошо слышал, как Балдандерс гремит железками, изображая, что разрывает оковы. Я слышал и разговоры в публике — в одном из них речь шла о пьесе, в коей, к моему искреннему удивлению, собеседники находили глубокий смысл, который, должен заметить, доктор Талос вряд ли намеревался в нее вложить. Другая беседа шла о судебном деле: мужской голос с ленивыми интонациями экзультанта выражал уверенность в том, что Автарх чуть было не вынес неверного решения.

Занято было не более десятка кресел, но со всех сторон их окружали величавые фигуры стоящих. Я заметил нескольких дам в придворных платьях, очень похожих на те, что носили женщины в Лазурном Доме: с глубоким вырезом и длинными юбками с разрезами или кружевными вставками. Простые прически были украшены цветами, бриллиантами и светлячками.

Однако большую часть публики составляли мужчины, причем их число продолжало увеличиваться. Почти все были ростом с Водалуса, а то и выше. Они зябко кутались в плащи, словно боялись простудиться на мягком весеннем ветерке. Их лица скрывали широкополые шляпы с низкой тульей.

Цепи Балдандерса звякнули о сцену, а Доркас вскрикнула, дав мне сигнал, что он вырвался на свободу. Я повернулся к нему, потом испуганно отпрянул в сторону, схватил ближайший ко мне светильник, чтобы удержать великана на расстоянии. Пламя задрожало и едва не потухло, залитое маслом, но вспыхнуло вновь, коснувшись серы и минеральных солей, которые доктор Талос насыпал на обод чаши.

Великан изображал безумие, как того требовала роль. Его грубые волосы ниспадали на лицо, но за этой завесой я видел дико горящие глаза. Из разверстого рта с желтоватыми зубами сочилась слюна. Руки вдвое длиннее моих тянулись ко мне.

Меня испугало — а я, надо признать, действительно был напуган и от всего сердца желал, чтобы у меня в руке оказался «Терминус Эст», а не бесполезный светильник, — то, что я мог бы

назвать выражением, скрывающимся за отсутствием выражения на его лице. Так иногда мы видим темную воду, текущую под прозрачной поверхностью льда замерзающей реки. Судя по всему, Балдандерс испытывал величайшую радость. Ему нравилось быть таким, каким он предстал сейчас, и, взглянув в его лицо, я впервые осознал, что он не столько играет безумие на сцене, сколько изображает его отсутствие и туманное смирение в жизни. Мне стало интересно, принимал ли Балдандерс участие в создании пьесы, или просто доктор Талос (как скорее всего оно и было) гораздо лучше меня понимал своего подопечного.

Разумеется, мы не собирались нагонять особого страху на придворных Автарха, как обычно поступали с сельскими жителями. Балдандерс должен был вырвать у меня светильник, сделать вид, что ломает мне спину и закончить сцену. Но финал был совсем иным. Я до сих пор не знаю, что с ним случилось: то ли он по-настоящему потерял рассудок, то ли пришел в неистовую ярость при виде все прибывающих и прибывающих зрителей. Возможно — и то и другое.

Как бы там ни было, он выхватил у меня светильник и резко обернулся к публике, так что

масло расплескалось вокруг него огненными брызгами. Жестяной меч, которым я недавно угрожал Доркас, валялся у меня под ногами, и я бессознательно потянулся за ним. Когда я выпрямился, Балдандерс уже бушевал в толпе. Пламя погасло, но он размахивал светильником как дубинкой.

Прозвучал выстрел. На великане запылал костюм, но пуля, по-видимому, не задела тела. Несколько экзультантов обнажили шпаги, а у кого-то оказалось редчайшее оружие — дрема. В мгновение ока Балдандерса окутал пурпурный дым. Казалось, он стоит, запутавшись в сетях своего реального прошлого и того, чего никогда с ним не бывало: к его боку прилепилась седовласая женщина, над головой качалась на волнах рыбачья лодка, а ледяной ветер сбивал языки пламени с горящей одежды.

Но видения, которые, как говорят, одурманивают солдат, делают их совершенно беспомощными и недееспособными, казалось, не имели власти над Балдандерсом. Он шел вперед, расчищая путь сокрушительными ударами светильника.

Потом, в те несколько мгновений, в которые я не мог оторвать взгляда от этого зрелища (потому что вскоре я обрел самообладание и бросил-

ся прочь от безумной схватки), я увидел, что несколько закутанных в плащи фигур сбросили свое одеяние. Вместе с лицами. И под этими масками, которые казались теперь сгустками призрачной субстанции, столь же нематериальными, как тела ночниц, обнаружились такие чудовищные формы, что разум отказывался верить в их реальность. Я видел огромные круглые пасти, усаженные игольчатыми зубами, глаза, напоминавшие сосновую шишку, на которой каждая чешуйка тоже представляла собой зрачок, языкообразные челюсти. Эти создания навсегда укоренились в моей памяти. Глухими ночами они вновь и вновь встают у меня перед глазами. И когда, наконец, удается перевести взгляд на звезды и пронизанные лунным светом облака, я каждый раз радуюсь, что мне довелось увидеть лишь тех, кто был ближе всего к нашей сцене.

Я уже говорил, что бросился прочь. Но эта кратковременная отлучка, во время которой я добрался до «Терминус Эст», издалека наблюдал за сумасшедшей атакой Балдандерса, дорого мне стоила: когда я вернулся за Доркас, ее уже не было.

И тогда я снова помчался оттуда — не из страха перед яростью великана, какогенами, оказав-

шимися среди публики, или преторианцами Автарха, которые, как я предполагал, вот-вот должны были появиться. Я искал Доркас. Я бежал и бежал, выкрикивая ее имя, но не видел ничего, кроме рощ, фонтанов и глубоких лощин этих бесконечных садов. Наконец, задыхаясь и ощущая боль в ногах, я перешел на шаг.

Невозможно передать чувство горечи, которое охватило меня. Едва обрести Доркас и тут же снова потерять ее — это было выше моих сил. Женщины думают или, во всяком случае, делают вид, что думают, будто наша нежность к ним происходит от желания, что мы любим лишь поначалу, когда не имеем возможности обладать женщиной, и пренебрегаем ею, удовлетворив или, вернее, исчерпав свою страсть. В представлении нет ни капли истины, хотя при желании его можно выдать за правду. Будучи одержимы вожделением, мы стараемся изображать нежность в надежде на удовлетворение, но именно в это время мы, как никогда, склонны к жестокости по отношению к женщине и менее всего способны испытывать к ней какое-либо иное, глубокое чувство. Блуждая по ночным садам, я не ощущал физического влечения к Доркас (хотя я не обладал ею с той самой ночи в крепости близ Кровавого

Поля), потому что многократно излил мужскую силу в лодке-кувшинке с Иолентой. И все же, найди я Доркас, я задушил бы ее поцелуями, а к Иоленте, которую всегда недолюбливал, теперь испытывал истинную привязанность.

Однако ни Доркас, ни Иолента не объявлялись. Не видно было также ни спешащих к месту побоища отрядов, ни даже участников празднества. И поныне мне неведомо, как далеко простираются покои Обители Абсолюта. Существует несколько карт, но они недостаточно подробны и противоречат друг другу. Планов Второй Обители нет вообще, и даже Отец Инир говорил мне, что не помнит всех ее тайн. Странствуя по узким коридорам, я ни разу не встретил белых волков, но обнаружил лестницы, ведущие к храмам под руслом реки, и колодцы с люками, выходящие в первозданный лес. (Одни из таких выходов отмечены полуразвалившимися, заросшими травой мраморными стелами, другие — нет.) Когда я закрывал люк и с сожалением погружался в искусственную атмосферу, в которой еще некоторое время оставались намеки на живые запахи увядающей листвы, я часто задумывался, не идет ли часть подземных переходов к самой Цитадели. Ведь не зря же старый Ультан намекал, что

хранилища его библиотеки простираются вплоть до Обители Абсолюта. Разве это не означает, что сама Обитель Абсолюта тянется до хранилищ библиотеки? Некоторые закоулки Второй Обители так похожи на те слепые коридоры, в которых я когда-то искал Трискеля. Может, это те же самые коридоры, а если так, тогда я подвергался большей опасности, чем предполагал.

Я и сейчас не знаю, есть ли серьезные основания для подобных предположений, но в то время, о котором я пишу, мне ничего такого даже в голову не приходило. В своем невежестве я предполагал, что Обитель Абсолюта, которая как в пространстве, так и во времени простирается гораздо дальше, чем может вообразить неосведомленный человек, имеет четкие границы, и я приближаюсь к ним, а возможно, уже оставил их позади. Так я шел всю ночь на север, держа путь по звездам. А в пути передо мной проходила моя собственная жизнь, в точности как бывало всегда, когда я пытался заснуть, а сон никак не шел. Снова я плавал с Дроттом и Рошем в холодных водах под Колокольной Башней, снова я подменял игрушечного чертика Жозефины лягушкой и в очередной раз протягивал руку, чтобы перехватить рукоять топора, которой должен

был обрушиться на шею великого Водалуса, и тем самым спасал Теклу, еще не заключенную в тюрьму. Я видел ручеек крови, вытекающий из-под ее двери, видел мастера Мальрубиуса, склонившегося надо мной, Иону, исчезающего в бесконечности между измерениями. Я опять играл с камушками во дворе под рухнувшей стеной, а Текла увертывалась от удара копыт лошади, на которой сидел охранник моего отца.

Даже миновав последнюю балюстраду, я все еще боялся наткнуться на стражников Автарха, но за весь путь ни разу не повстречал ни единого дозорного отряда, и постепенно страх сменился презрением. Я решил, что их бездеятельность — это часть общего беспорядка, столь обычного для Содружества. Было ясно, что и без моей помощи Водалус легко мог бы справиться с кучкой этих растяп. Прямо сейчас, если бы он только вздумал нанести удар.

Тем не менее гермафродит в желтом одеянии, знавший пароль Водалуса и явно ожидавший его послания, без сомнения, и был самим Автархом, повелителем армии и, если уж на то пошло, всего Содружества — по крайней мере, в тех пределах, в которых оно вообще подчинялось какой-либо власти. Текла много раз видела его, а поскольку

воспоминания Теклы стали частью моей памяти, я мог с уверенностью сказать, что то был именно он. Если Водалус уже одержал верх, то почему он до сих пор скрывается? Или Водалус всего-навсего приспешник Автарха? (Но если так, то почему он сообщается с ним, как будто Автарх должен выполнять его распоряжения?) Я старался убедить себя, что все происходившее в комнате с фальшивой картиной просто приснилось мне. Но я тщетно обманывал свой разум: это было наяву, а огниво Водалуса больше не лежало в моей ташке.

Думая о Водалусе, я вспомнил о Когте. Автарх сам настаивал на том, чтобы я вернул его ордену Пелерин. Я достал Коготь. Теперь он светился ровным мягким светом — не сиял, как в пещере обезьянолюдей, и не был тусклым, как когда мы с Ионой смотрели на него в вестибюле. Хотя камень просто лежал у меня на ладони, он казался огромной чашей, заполненной голубой водой — несравненно более чистой, чем вода водохранилища или Гьолла. Я мог бы нырнуть в эту чашу, но погружение каким-то необъяснимым образом обернулось бы движением вверх. Я ощущал успокоение и тревогу одновременно. В конце концов, я снова сунул камень в голенище

сапога и продолжил свой путь.

Рассвет застал меня на узкой тропе, которая, казалось, с трудом пробиралась через лес, где все дышало роскошью упадка, еще более пышной, чем в старом лесу за Стеной Нессуса. Здесь в отличие от тамошних мест не было прохладных арок папоротника, но мясистые виноградные лозы льнули к огромным стволам красного дерева, как гетеры, простирая гибкие побеги в облака зеленой листвы и ниспадающие до самой земли пышные завесы, усеянные цветами. Над головой перекликались незнакомые птицы, а однажды я заметил обезьянку. Она подглядывала за мной с ветки дерева, уходящего ввысь, как шпиль, и, если бы не четыре лапы, ее можно было принять за мудрого рыжебородого человечка, укутанного в меха. У меня больше не было сил двигаться, поэтому я нашел сухое, укромное место меж толстых, как колонны, корней и завернулся в плащ.

Мне часто приходится гоняться за сном, словно это самая неуловимая из химер — полулегенда, полупризрак. Но на этот раз сон пришел сразу. Не успел я закрыть глаза, как оказался лицом к лицу с потерявшим рассудок великаном. В руке я сжимал «Терминус Эст», но вдруг он превратился в тоненький прутик. Мы стояли не на сцене, а

на узком парапете. С одной стороны светились факелы какой-то армии. С другой — крутой обрыв вел к разлившемуся озеру, которое и было и не было лазурной чашей Когтя. Балдандерс взмахнул своим чудовищным светильником, а я съежился и стал той детской фигуркой, которую как-то раз видел на дне моря. Я чувствовал приближение огромных женщин. Великан обрушил свою дубинку.

Был полдень. Рыжие муравьи проложили торную дорожку по моей груди. Еще две или три стражи я шел сквозь бледную листву этого величавого, но обреченного на смерть леса, пока не наткнулся на более широкую тропу, а еще по прошествии стражи (тени уже стали длиннее) остановился, потянул носом и удостоверился, что чувствую запах костра. К тому времени у меня уже сводило внутренности от голода, и я поспешил на запах.

Глава 26
Расставание

Неподалеку от пересечения двух тропинок вокруг крошечного костерка сидели четверо. Первой я узнал Иоленту — из-за ореола красоты, всегда окружавшего ее, полянка казалась поистине райским уголком. Почти в то же самое мгновение меня увидела Доркас и бросилась мне навстречу, а я разглядел лисью мордочку доктора Талоса, высунувшуюся из-за массивного плеча Балдандерса.

Облик великана изменился до неузнаваемости — в противном случае я, несомненно, первым узнал бы именно его. Голова гиганта была обмотана грязными тряпками, а вместо потертого черного сюртука, который он всегда носил, его могучий торс скрывался под толстым слоем мази, похожей на глину и источавшей запах тухлой воды.

— Вот так встреча! — воскликнул доктор Талос. — А мы тут как раз гадаем, что с тобой случилось. — Легким движением головы Балдандерс дал мне понять, что в действительности беспоко-

илась обо мне одна Доркас, о чем я догадался бы и без его намека.

— Я сбежал, — сказал я. — Как и Доркас. Удивительно, как вы все остались в живых.

— Да, нас едва не убили, — подтвердил доктор. Иолента повела плечами так, что это простое движение казалось изысканной церемонией.

— Я тоже убежала. — Она приподняла ладонями огромные груди. — Но, кажется, я не приспособлена к бегу, как вы думаете? Потом в темноте я столкнулась с экзультантом. Он сказал, что мне не нужно больше бежать, и обещал защитить меня. Но тут же подъехали несколько верховых. Надеюсь, когда-нибудь у меня будет карета, запряженная такими же лошадьми — они были очень красивы. Среди них оказалось какое-то высокопоставленное лицо из тех, что не интересуются женщинами. Я надеялась, что меня отведут к Автарху, чьи поры источают звездный свет, — как это едва не случается в пьесе. Но эти люди прогнали моего экзультанта, а меня привезли обратно к театру, где оказались он, — она указала на Балдандерса, — и доктор. Доктор накладывал повязки на Балдандерса. Солдаты чуть было не убили нас, хотя я видела, что убивать меня им совсем не хотелось. Все-таки они нас отпустили,

и вот мы здесь.

Доктор Талос добавил:

— Доркас мы нашли на рассвете. Вернее, это она нашла нас, потому что мы продвигались очень медленно. Медленно — из-за того, что Балдандерс — единственный, кто может нести наши пожитки, а ему совсем плохо. Мы и так бросили часть вещей, оставив лишь самое необходимое.

Я выразил удивлением тем, что Балдандерсу всего лишь «плохо», ибо я был уверен, что он мертв.

— Доктор Талос остановил его, — объяснила Доркас. — Правда, доктор? Поэтому их и схватили. Удивительно, что их не убили.

— И все же, — с улыбкой проговорил доктор, — как видите, пока мы обретаемся среди живых. Конечно, нам здорово досталось, но зато теперь мы богаты. Балдандерс, покажи Северьяну деньги.

С гримасой боли великан переменил позу и достал кожаный кошель. Когда он развязал тесемки, в его громадную ладонь хлынул поток новеньких хризосов.

Доктор Талос взял одну монету и повернул ее так, чтобы она заблестела на солнце.

— Как ты думаешь, сколько времени какой-

нибудь рыбак из деревушки на озере Диутурна согласится возводить стены вот за это?

Я ответил:

— Мне представляется, не меньше года.

— Два! Изо дня в день, зимой и летом, в солнцепек и в дождливую погоду, если выплачивать мелкой медью, как мы и сделаем. Мы сможем нанять полсотни людей, чтобы отстроить дом. Вот увидите!

Балдандерс вставил глухим басом:

— Если они и вправду станут работать.

— Станут! — взвился рыжеволосый человечек. — Еще как станут! Смею тебя уверить, за последнее время я кое-чему научился.

Я перебил его:

— Полагаю, часть этих денег принадлежит мне, а часть — женщинам.

Доктор уже успокоился:

— Ах да, я совсем забыл… С ними я уже расплатился. А половина этих — твоя. В конце концов, без тебя мы бы их не получили. — Он забрал монеты у великана, высыпал их на землю и принялся делить на две кучки. Я думал, что доктор имеет в виду мое участие в пьесе. Но Доркас, которая, должно быть, уловила нечто большее, скрывавшееся за словами доктора, спросила:

— Почему ты так считаешь, доктор Талос?

Лисья мордочка оскалилась в ухмылке.

— У Северьяна есть высокопоставленные друзья. Должен признаться, я уже давненько об этом подумываю. Палач, странствующий по дорогам как бесприютный скиталец, — согласитесь, такое даже Балдандерс вряд ли проглотит, а моя глотка много уже, чем его.

— Если у меня и есть такие друзья, — возразил я, — то мне о них неведомо.

Теперь две кучки монет стали равными по величине. Доктор подтолкнул одну из них ко мне, а другую вернул великану.

— Сначала, когда я увидел тебя спящим рядом с Балдандерсом, я подумал, что тебя прислали, чтобы предотвратить постановку моей пьесы. Ты, наверное, не мог не заметить, что в ней легко усмотреть критическое отношение к автархии.

— В некотором роде, — саркастически пробормотала Иолента.

— Однако посылать палача из Цитадели только для того, чтобы напугать кучку странствующих комедиантов, — это было бы слишком нелепо. Тогда до меня дошло, что участие в пьесе само по себе должно служить тебе прекрасным прикрытием. Вряд ли кому-нибудь придет в голову,

что верный слуга Автарха может ввязаться в подобное предприятие. Между прочим, сочиняя роль Помощника, я позаботился о том, чтобы она соответствовала твоему облику, то есть как можно более надежно обосновал твое прикрытие.

— Я об этом ничего не знал, — сказал я.

— Разумеется. У меня не было ни малейшего желания злоупотреблять твоим доверием. Но когда вчера мы сооружали сцену, явился посланец из Обители Абсолюта. Как мне показалось, кастрат, а такие всегда пользуются особым доверием властителей. Он спросил, принадлежишь ли ты к нашей труппе. Тебя и Иоленты тогда не было, но я ответил утвердительно. Потом он спросил, какую долю ты должен получить, и, услышав мой ответ, заявил, что ему поручено заплатить нам вперед за вечернее представление. Теперь я бы назвал это большой удачей, поскольку какой-то здоровый дурень едва не перебил всю публику.

Это был один из тех редких случаев, когда Балдандерс обиделся на язвительное замечание доктора. Несмотря на боль, он отодвинулся от костра и отвернулся от нас.

По словам Доркас, когда я спал в палатке доктора Талоса, я был совершенно одинок. Теперь я чувствовал, что гигант испытывает то же самое.

По мнению Балдандерса, на поляне не осталось никого, кроме него, да, может быть, нескольких наскучивших ему зверушек.

— Он дорого заплатил за свой гнев, — заметил я. — Кажется, на нем живого места нет.

Доктор кивнул.

— В сущности, больше всех повезло именно Балдандерсу. Иеродулы направили лучи ему под ноги и пытались удержать на расстоянии, хотя могли сразу убить его. Благодаря их милосердию он жив и скоро поправится.

Доркас пробормотала:

— Значит, ты его вылечишь? Хорошо бы. Не могу выразить, как мне его жалко.

— У тебя мягкое сердце. Пожалуй, даже слишком. Но ведь Балдандерс все еще растет, а дети выздоравливают быстро.

— Растет? — удивился я. — Но ведь у него уже заметна седина.

Доктор залился смехом.

— Стало быть, у него растут седые волосы. А теперь, друзья мои, — он поднялся с земли и отряхнул штаны, — теперь настал час, когда, как говорят поэты, судьба разлучает людей. Северьян, мы устроили привал на этом месте не только потому, что устали, но и из-за близости к развилке:

здесь расходятся дороги к Траксу, куда держишь путь ты, и к нам на родину — к озеру Диутурна. Мне претила сама мысль миновать это место — во всяком случае, пока у меня оставалась надежда встретиться с тобой и отдать твою долю. Но теперь дело сделано. Надеюсь, ты подтвердишь, что я честно обошелся с деньгами, если тебе придется вступить в сношения с твоими покровителями из Обители Абсолюта?

Кучка хризосов все еще лежала передо мной на земле.

— Здесь в сто раз больше, чем я когда-либо рассчитывал получить, — удивился я. — Да, конечно. — Я сгреб монеты и положил их в ташку, а женщины обменялись взглядами, и Доркас сказала:

— Если Северьян идет в Тракс, я отправляюсь вместе с ним.

Иолента протянула руку доктору, явно рассчитывая, что он поможет ей подняться.

— Мы с Балдандерсом пойдем одни, — объявил он. — Придется провести в пути всю ночь. Нам будет не хватать всех вас, но пришло время расстаться. Доркас, дитя мое, я счастлив, что ты нашла защитника. (Рука Иоленты легла ему на бедро.) Балдандерс, нам пора.

Великан с трудом встал, и, хотя он не издал ни звука, я видел, как он мучается. Его повязки насквозь пропитались потом и кровью. Я знал, что должен сделать.

— Нам с Балдандерсом надо поговорить с глазу на глаз. Могу я попросить вас отойти шагов на сто?

Женщины послушались: Иолента пошла по одной тропинке, Доркас — по другой. Но доктор Талос не тронулся с места, и я повторил свою просьбу.

— Ты хочешь, чтобы я тоже оставил вас? Но это бессмысленно. Балдандерс расскажет мне все, как только я вернусь. Иолента! Иди сюда, дорогая.

— Она ушла по моей просьбе, и я хочу, чтобы ты сделал то же самое.

— Да, но она пошла не той дорогой, а мне этого не нужно. Иолента!

— Доктор, я только хочу помочь твоему другу… рабу, или кем там он тебе приходится…

Неожиданно раздался низкий, заглушенный повязками голос Балдандерса:

— Я его хозяин.

— Совершенно верно, — согласился доктор, собирая монеты. Кошель он опустил в карман великана.

Иолента, прихрамывая, вернулась. По ее прекрасному лицу ручьем текли слезы.

— Доктор, неужели мне нельзя пойти с тобой?

— Конечно, нет, — ответил тот холодно, словно отказывая ребенку, который попросил лишний кусок сладкого пирога.

Я взглянул на великана.

— Балдандерс, я могу облегчить твои страдания. Недавно я помог своему другу, а у него были такие же ожоги, как у тебя. Но я не могу сделать этого на глазах у доктора Талоса и Иоленты. Давай отойдем немного — на тропу, которая ведет в Обитель Абсолюта.

Великан медленно покачал головой.

— Он знает, какое лекарство ты для него приготовил, — захихикал доктор. — Ему не раз приходилось испытывать его на других, но он слишком любит жизнь.

— Я предлагаю жизнь, а не смерть.

— Неужели? — Доктор поднял бровь. — А где же тот твой друг?

Великан собирал пожитки.

— Балдандерс, — снова обратился я к нему, — ты знаешь, кто такой Миротворец?

— Это было давно, — угрюмо отвечал Балдандерс. — И неважно. — Он тронулся по тропинке

— не по той, по которой ушла Доркас. Доктор Талос вместе с Иолентой, уцепившейся за его руку, догнали его. Потом доктор остановился.

— Северьян, судя по тому, что ты мне рассказывал, ты умеешь сторожить заключенных. Придержи-ка вот это существо, пока мы не отойдем на приличное расстояние, за один хризос.

На меня навалилось ощущение неимоверной усталости — и от страданий Балдандерса, и от собственной неудачи. Я выдавил из себя:

— Как член гильдии я имею право работать лишь по приказанию лиц, облеченных законной властью.

— Тогда мы убьем ее, как только ты скроешься из виду.

— Это твое дело, — сказал я и двинулся вслед за Доркас. Не успел я догнать ее, как раздались вопли Иоленты. Доркас встала как вкопанная и вцепилась в мою руку, спросила, что это было. Я передал ей слова доктора.

— И ты оставил ее?

— Я ему не поверил.

Мы бросились назад. Не успели мы сделать и дюжины шагов, как крики смолкли. Наступила столь глубокая тишина, что был слышен шелест увядающей листвы. Мы побежали дальше. К

тому времени, как мы достигли перекрестка, я почувствовал, что уже слишком поздно, и, по правде говоря, поспешил дальше лишь для того, чтобы Доркас не разочаровалась во мне. Я ошибся. Иолента бежала нам навстречу. Колени она держала сомкнутыми, будто ей мешали пышные бедра, скрещенными руками она придерживала груди. Великолепные золотисто-рыжие волосы разметались по лицу, тонкий шелк платья висел клочьями. Бросившись в объятия Доркас, она потеряла сознание.

— Эти негодяи ее избили, — в ужасе пролепетала Доркас.

— Еще мгновение назад мы думали, что они ее прикончили. — Я осмотрел кровоподтеки на спине красавицы. — Похоже на следы докторовой трости. Ей еще повезло, что он не натравил на нее Балдандерса.

— Что же нам делать?

— Можно попробовать вот это. — Я достал из сапога Коготь и показал ей. — Помнишь, мы нашли его в моей ташке? Ты еще сказала, что это не настоящий драгоценный камень. Вот что это было. Он способен залечивать раны — иногда. Я хотел полечить им Балдандерса, но он отказался.

Я подержал Коготь над головой Иоленты, потом

провел им по ссадинам на спине, но камень не засветился ярче, а Иоленте не стало лучше.

— Не действует, — разочарованно произнес я. — Придется ее нести.

— Перекинь ее через плечо. Чтобы не касаться самых больных мест.

Доркас взяла «Терминус Эст», а я взвалил Иоленту на плечи и почувствовал, что она весит не меньше мужчины. Мы успели проделать немалый путь под пологом бледно-зеленой листвы, прежде чем Иолента наконец открыла глаза. Но и тогда она не могла ни идти, ни стоять без посторонней помощи, ей трудно было даже поднять руку, чтобы откинуть с заплаканного лица свои удивительные волосы.

— Доктор не хочет брать меня с собой, — прошептала она.

Доркас кивнула.

— Похоже, действительно не хочет. — Она говорила с Иолентой так, будто та была гораздо моложе ее самой.

— От меня ничего не останется.

Я спросил, почему она так говорит, но Иолента только покачала головой. Через некоторое время она попросила:

— Можно мне остаться с тобой, Северьян? У ме-

ня нет денег — Балдандерс забрал все, что дал мне доктор. — Она искоса взглянула на Доркас. — У нее тоже есть деньги, она получила больше, чем я, — столько же, сколько и ты.

— Он знает, — проговорила Доркас. — А еще он знает, что все, что у меня есть, будет принадлежать ему, если понадобится.

Я сменил тему:

— Думаю, мне следует предупредить вас обеих, что я могу направиться и не в Тракс. То есть не прямо в Тракс, если мне удастся разузнать, где искать Орден Пелерин.

Иолента взглянула на меня так, будто я повредился в уме.

— Я слышала, что они странствуют по всему свету. Кроме того, они принимают одних женщин.

— Я не собираюсь вступать в Орден — просто хочу найти их. В последний раз мне говорили, что сейчас они продвигаются на север. Но я должен встретиться с ними любой ценой — даже если для этого придется повернуть обратно на юг.

— Я пойду за тобой куда угодно, — заявила Доркас. — Мне все равно, в Тракс или нет.

— А мне идти некуда, — вздохнула Иолента. Теперь она достаточно окрепла, чтобы идти самой, но заметно отставала от нас. Через некоторое

время я оглянулся: она больше не плакала, но я с трудом узнал в ней красавицу, которая когда-то сопровождала доктора Талоса. Та всегда шествовала, расправив плечи, гордо, даже надменно, откинув голову, а ее поразительные глаза сияли, как изумруды. Сейчас ее плечи поникли от усталости, взгляд не отрывался от земли.

— О чем ты разговаривал с доктором и великаном? — спросила меня Доркас.

— Я же тебе говорил, — отозвался я.

— Нет, один раз, когда ты заговорил громче, я расслышала: «Ты знаешь, кто такой Миротворец?» Только я не поняла, спрашивал ли ты потому, что сам не знаешь, или же хотел выяснить, знают ли они.

— Лично я знаю совсем немного — почти что ничего. Мне приходилось видеть картины, на которых он будто бы изображен, но эти изображения были слишком уж не похожи одно на другое.

— Есть еще легенды.

— Да, но чуть ли не все, что я слышал, — это какая-то нелепица. Жаль, что здесь нет Ионы. Он бы позаботился об Иоленте, и он уж наверняка знает о Миротворце. Иона — это тот человек, с которым мы повстречались у Врат Скорби, верхом

на мерихипе. Все это время он был мне верным другом.

— А где он теперь?

— Тот же вопрос мне задал доктор Талос. Я не знаю и не хочу об этом говорить. Расскажи мне лучше о Миротворце.

Это, наверное, прозвучит глупо, но как только я произнес слово «Миротворец», тишина леса вдруг стала тяжелой и зловещей. Легкий шелест ветра в самых верхушках ветвей вызывал в воображении вздохи умирающего, а бледно-зеленые от недостатка света листья напоминали истощенные личики вечно голодных детей.

— О нем никто не знает много, а я, может быть, знаю еще меньше, чем ты. И даже не помню, откуда. Одни говорят, что это был почти ребенок. Другие — что он вообще не человек, но не какоген, а овеществленная мысль некоего великого разума, для которого наше существование не более реально, чем жизнь игрушечного картонного театра. В одной истории говорится, что однажды он одной рукой коснулся руки умирающей женщины, а другой — звезды и с той поры стал обладателем силы, способной примирить вселенную с человечеством и человечество со вселенной, чтобы положить конец извечной

вражде между ними. Он любил исчезать, а потом снова появляться, когда все думали, что он умер. Иногда он появлялся после того, как его хоронили. Его можно было встретить в облике животного, говорящего человеческим языком, а благочестивым женщинам он являлся в виде розы.

Я вспомнил ритуал возложения на меня маски.

— Наверное, Святой Катарине перед казнью.

— Есть и мрачные легенды.

— Расскажи.

— Нет, раньше они меня пугали, — отказалась Доркас. — А теперь я и не помню их как следует. Разве в твоей коричневой книге о нем ничего нет?

Я достал книгу. Доркас оказалась права. Читать на ходу было неудобно, поэтому я убрал книгу в ташку, решив прочитать это место на привале, который и так пришлось бы устраивать довольно скоро.

Глава 27
К Траксу

Дорожка бежала перед нами по увядающему лесу до самого вечера. С момента наступления темноты прошла целая стража, когда мы вышли на речной берег. Река была уже и быстрее, чем Гьолл, а на другом берегу в лунном свете ночной ветер колыхал стебли тростника. Иолента давно всхлипывала от усталости, и мы наконец решили остановиться. Я ни за что не отважился бы испробовать благородный клинок «Терминус Эст» на жестких суках лесных деревьев, а трухлявые мертвые ветви под ногами были пропитаны влагой, как губка, поэтому в лесу мы остались бы без топлива. Зато на берегу валялись кучи корявых сучьев — легких и сухих.

Мы уже разложили костер, когда я вспомнил, что мне нечем его разжечь, ведь огниво осталось у Автарха, который, уверен, и был тем самым «посланцем из Обители Абсолюта», осыпавшим доктора Талоса хризосами. К счастью, среди пожитков Доркас оказались и кремень, и огниво, и трут, и скоро ревущее пламя обдало нас

приятным жаром. Как ни силился я втолковать Иоленте, что в лесу, примыкающем к садам Обители Абсолюта, не может быть ничего опасного, она все равно боялась диких зверей. Для ее спокойствия мы положили одним концом в костер три толстые ветки, чтобы в случае опасности можно было быстро выхватить их из огня и отпугнуть страшных пришельцев.

Однако никаких диких зверей поблизости не оказалось, дым разогнал москитов, и мы спокойно лежали, глядя, как искры нашего костра улетают в небо. На неизмеримо большей высоте время от времени мелькали сигнальные огни флайеров. Их яркие точки на мгновение озаряли небосвод поддельным призрачным рассветом. Это министры и генералы Автарха возвращались в Обитель Абсолюта или отправлялись к местам боевых действий. Мы с Доркас рассуждали о том, что им приходит в голову, когда они глядят вниз и — в кратчайший миг перед тем, как уносятся прочь, — замечают нашу красную звездочку. Нам хотелось верить, что они, так же как и мы при виде их огней, гадают, кто мы такие, зачем и куда держим путь. Доркас спела мне песню о девушке, которая бродит по весенней роще и тоскует о пропавших друзьях — прошлогодних листьях.

Иолента лежала между костром и рекой — я думаю, для большей безопасности. Мы с Доркас расположились по другую сторону костра. Не только из желания, чтобы она нам не мешала, но и потому, что Доркас был неприятен вид и плеск холодного, темного потока.

— Как червяк, — говорила она. — Огромная эбеновая змея. Сейчас она сыта, но знает, что мы здесь, и постепенно сожрет всех нас одного за другим. Ты боишься змей, Северьян?

Змей боялась Текла. Вопрос всколыхнул во мне отголоски воспоминаний о ней, и я утвердительно кивнул.

— Я слыхала, что в жарких северных лесах живет Автарх всех змей, Уроборос, брат Абайи. Охотники, которые находят его нору, принимают ее за огромный туннель под морским дном. Они входят туда, и, сами того не замечая, попадают ему прямо в пасть, а потом — в глотку, и думают, что живут, хотя уже умерли. Правда, говорят еще, что Уроборос — это просто большая река, которая впадает в собственный исток, или та река вытекает из моря, и там же лежит ее конец.

Доркас придвинулась ко мне поближе. Я понял, что она хочет любви, и, хотя мы оба были не уверены, что Иолента спит, обнял ее. Иолента

время от времени шевелилась. Из-за пышных бедер, тонкой талии и волнистых волос казалось, что она извивается по земле, точно змея. Доркас подняла ко мне маленькое личико, отмеченное печатью почти трагической чистоты. Я поцеловал ее и почувствовал, как ее тело, сотрясаемое дрожью желания, прижимается к моему.

— Я так замерзла, — шепнула она.

На ней ничего не было, хотя я не заметил, когда она успела раздеться. Я накинул на нее плащ. Кожа ее, как и моя, горела от жара костра. Маленькие руки скользнули под одежду, лаская мое тело.

— Как хорошо. Так спокойно, — сказала она. А потом (хотя я уже обладал ею раньше), как ребенок:

— А я не слишком маленькая?

Когда я проснулся, луна (трудно было представить себе, что это та же самая луна, сопровождавшая меня через сады Обители Абсолюта) спустилась к вершинам гор на западе. Ее берилловый свет скользил по реке, подчеркивая рябь на поверхности воды черными тенями.

Я ощущал беспричинное смутное беспокойство. Страхи Иоленты перед диким зверями уже не казались такими глупыми. Я встал, удостове-

рился, что ни с Иолентой, ни с Доркас ничего не случилось, и принес охапку дров для потухающего костра. Мне вспомнились ночницы, которых, как говорил Иона, посылают по ночам на поиски жертв, и загадочное существо в вестибюле. Над головой пролетали ночные птицы. Не только совы, которые в изобилии гнездились в разрушенных стенах Цитадели. Их было легко узнать по круглой голове, коротким широким крыльям и бесшумному полету. Но были и другие — с раздвоенными хвостами, которые плавно скользили над самой поверхностью воды и щебетали на лету. Иногда между деревьями пролетали ночные бабочки небывалой величины. Их резные крылья были длиной с человеческую руку, и они переговаривались, как люди, только такими тоненькими голосами, что их едва улавливало человеческое ухо.

Я разворошил угли и проверил, на месте ли меч. Потом я долго любовался невинным лицом Доркас, ее длинными нежными ресницами, сомкнутыми во сне. Наконец я снова лег и, наблюдая за птицами, странствующими меж созвездий, углубился в мир воспоминаний — горьких и сладких, — который никогда не бывает закрыт для меня наглухо.

Мне хотелось вызвать в памяти день Святой Катарины в тот год, когда я стал капитаном учеников, но едва начались приготовления к празднику, как это воспоминание обступила толпа других, непрошеных. Я будто бы поднес к губам чашу с украденным вином, но она обратилась в грудь, сочащуюся теплым молоком. Это была грудь моей матери. Я с трудом сдержал восторг (который мог унести прочь воспоминание) от того, что наконец-то, после стольких бесплодных попыток, сумел приблизиться к ней. Руки тянулись обнять ее. Если бы я только мог поднять глаза и увидеть ее лицо! Это, без сомнения, была моя мать, хотя дети, которых забирают палачи, не знают материнской груди. Значит, то серое по краям поля зрения — это железные стены камеры. Скоро ее уведут, и она будет исходить криком в «Аппарате» и задыхаться в «Ожерелье Аллоуна». Я жаждал удержать ее, запечатлеть это мгновение, чтобы возвращать его вновь и вновь по своему желанию. Но она растаяла, несмотря на то что я пытался привязать ее к себе. Исчезла, как рассеивается туман при дуновении ветра.

Я снова был ребенком… девочкой… Теклой. Я стояла в великолепной комнате с зеркалами вместо окон. Зеркалами, которые и источали, и

отражали свет. Меня окружали красивые высокие полуодетые женщины. Воздух был насыщен ароматом духов. Я искала кого-то, но глядя на накрашенные лица женщин, исполненные совершенной красоты, я испугалась, что не смогу узнать ее. По моим щекам покатились слезы. Три женщины подбежали ко мне, а я переводила взгляд с одного лица на другое. Потом их глаза сузились, превратившись в точки света, а мушка в форме сердечка на щеке ближайшей ко мне женщины распахнула перепончатые крылья.

— Северьян.

Я сел, пытаясь сообразить, в какой момент воспоминание перешло в сон. Голос, который я только что слышал, был нежным и в то же время очень глубоким. Я был уверен, что слышал его прежде, только не мог вспомнить где. Луна уже почти скрылась за горизонтом, а костер умирал во второй раз. Во сне Доркас сбросила с себя ветхие покрывала. Вид ее овеваемого ночным воздухом тела, похожего на тело эльфа, бледной кожи, еще более осветленной меркнущей луной, а местами подсвеченной красными отблесками тлеющих углей, пробудил во мне такое неистовое желание, какого я прежде никогда не испытывал — ни когда прижимал к себе Агию на Адамниан-

ской Лестнице, ни когда впервые увидел Иоленту на сцене, ни когда спешил на свидание с Теклой в ее камеру. И все же я желал не Доркас. Я лишь совсем недавно обладал ею и, хотя не сомневался в ее любви, подозревал, что она не отдалась бы мне с такой готовностью, если бы не знала про мои похождения с Иолентой в день празднества и не представляла, как Иолента, проснувшись, смотрит на нас через костер.

Я не вожделел и к Иоленте, которая лежала на боку и слегка похрапывала. Скорее, я хотел их обеих, а вместе с ними и Теклу, и безымянную блудницу, что подделывалась под Теклу в Лазурном Доме, и ее подругу, изображавшую Теа, которую я встретил на лестнице в Обители Абсолюта, Агию, Валерию, Морвенну и тысячи других. Я вспоминал дикие пляски ведьм в дождливые ночи на Старом Дворе, холодную, девственную красоту Пелерин, облаченных в пурпурные мантии.

— Северьян.

То был не сон — встрепенулись сонные птицы, примостившиеся на ветках деревьев близ лесной опушки. Я вынул «Терминус Эст» из ножен и повернул клинок так, чтобы его стальная поверхность поймала холодный предутренний свет.

Кому бы ни принадлежал этот голос, пусть он знает, что я не безоружен.

И снова наступила тишина, еще более глубокая, чем ночью. Я ждал, медленно поворачивая голову и пытаясь понять, откуда доносился голос, хотя отдавал себе отчет, что было бы гораздо лучше, если бы я уже знал направление. Доркас пошевелилась и застонала во сне, но ни она, ни Иолента не проснулись. Слышалось лишь потрескивание костра, шелест предрассветного ветерка в ветвях деревьев да журчание воды.

— Где ты? — шепнул я, но никто не ответил. В реке серебряной вспышкой плеснула рыбка, и снова все стихло.

— Северьян.

Каким бы низким и глубоким ни казался голос, это был голос женщины, вздрагивающий от страсти, влажный от нетерпения. Я вспомнил Агию и не вложил меч в ножны.

— Отмель…

Я боялся, что меня просто хитростью хотят заставить повернуться спиной к лесу, но все же обвел взглядом реку и увидел ее — песчаную отмель примерно в двух сотнях шагов от костра.

— Подойди ко мне…

Значит, если мне и собирались устроить ловуш-

ку, но не ту, которой я опасался вначале: голос доносился от реки.

— Подойди, прошу тебя. Мне тебя не слышно отсюда. Я проговорил:

— Но я молчал.

Ответа не было. Я подождал еще немного. Очень не хотелось оставлять Иоленту и Доркас одних.

— Прошу тебя. Когда солнце коснется воды, мне придется уйти. Другого случая не будет.

У отмели речка расширялась. Не замочив ног, я прошел по сухому песку почти до ее середины. Теперь, слева от меня, русло постепенно сужалось, а зеленоватая вода ускоряла течение. Справа же лежала глубокая заводь, шириной шагов в двадцать, из которой вода изливалась быстро, но плавно. Я стоял на песке, обеими руками сжимая рукоять меча.

— Я здесь, — сказал я. — Где ты? Теперь ты меня слышишь?

И словно мне ответила сама река, три рыбки разом выпрыгнули из воды, еще раз, еще… оставив на гладкой поверхности цепочку легких всплесков. Мокасиновая змея, чье коричневое тельце украшали золотые и черные кольца, прошелестев по песку чуть ли не у самых моих ног, повернула голову и зашипела, будто угрожая

играющим рыбкам, потом скользнула в воду и, плавно извиваясь, уплыла. Тело ее было толщиной с мое предплечье.

— Не бойся. Смотри. Ты видишь меня? Я не причиню тебе зла.

И без того зеленоватая вода позеленела. В ней, не выходя на поверхность, извивались тысячи нефритовых щупалец. Я не мог оторвать глаз от этого зрелища, слишком завороженный им, чтобы испытывать страх. Наконец среди щупалец показался медленно всплывающий белый диск.

Только когда он поднялся к самой поверхности, я понял, что это такое, — и то лишь потому, что увидел, как открываются глаза. Сквозь воду на меня глядело лицо — лицо женщины, которая могла бы нянчить Балдандерса на руках, как игрушку. Глаза ее были рубиновыми, а рот обведен полными губами такого темно-пунцового цвета, что сначала я даже не понял, что это губы. За ними открывался ровный ряд конических зубов, а зеленые щупальца были ее волосами.

— Северьян, я пришла за тобой, — вновь услышал я ее голос. — Нет, ты не спишь.

Глава 28
Наложница Абайи

Я проговорил:

— Однажды я видел тебя во сне. — Сквозь воду виднелись размытые очертания ее огромного мерцающего тела.

— Мы следили за великаном и так нашли тебя. Но, увы, мы слишком скоро потеряли тебя из виду — когда ты расстался с ним. Ты думал, что ненавидим, не ведая, что любим. Все моря мира бушевали, когда мы рыдали по тебе, а волны смывали соленые слезы и в отчаянии швыряли их о скалы.

— Чего вы хотите от меня?

— Только любви. Только твоей любви.

Ее правая ладонь вынырнула на поверхность и поплыла, как плот, связанный из пяти белых бревен. Не это ли великанья рука, на кончике пальца которой умещается карта его владений?

— Разве я не прекрасна? Где еще ты увидишь такую чистую кожу, такие красные губы?

— От твоего вида захватывает дух, — признал я. — Но позволь узнать, почему вы следили за

Балдандерсом? И почему не искали меня, если, как ты говоришь, стремились ко мне?

— Мы следили за великаном, ибо он растет. И потому что он сродни нам и нашему отцу-супругу Абайе. Когда-нибудь ему придется спуститься в море, ведь земля не в силах будет держать его. А ты можешь сделать это и сейчас, если пожелаешь. Ты станешь дышать — благодаря нашему дару — так же легко, как вдыхаешь здесь тонкий хилый ветер, а когда захочешь, вернешься на землю, чтобы принять свой венец. Эта река по имени Цефисс впадает в Гьолл, а тот течет в мирное море. Там ты будешь кататься верхом на дельфинах среди колеблемых течением коралловых и жемчужных садов. Мы с сестрами покажем тебе позабытые города, построенные в глубокой древности, где сотни поколений твоих пленных сородичей рождались и умирали, давно забытые здесь, наверху.

— О каком венце ты говоришь? Вы принимаете меня за кого-то другого.

— И все мы будем принадлежать тебе. Ты будешь обладать нами на красных и белых лужайках, где пасутся стада радужных рыб.

Ундина медленно поднимала подбородок, слегка запрокидывая голову, пока все ее лицо не

оказалось лежащим на одной глубине, совсем близко от поверхности. Потом я увидел белую шею, вслед за этим огромные груди с пурпурными сосками вспороли водную гладь, и мелкие волны, лаская, заплескались вокруг них. Вода вскипела мерцающими пузырьками. И вот она во всю длину вытянулась в струях потока — по меньшей мере сорок кубитов от алебастровых ступней до кончиков нефритовых волос.

Вряд ли найдется читатель, который поймет, как могло меня тянуть к этакому чудовищному созданию природы. И все же мне хотелось верить ей, хотелось пойти с ней — так же неудержимо, как тонущему человеку хочется вдохнуть воздуха. И если бы я полностью доверял ее обещаниям, я тут же бросился бы в заводь, позабыв обо всем на свете.

— Венец у тебя есть, хотя ты сам еще об этом не знаешь. Неужели ты думаешь, что мы, обитающие во всех водах мира и плавающие меж звезд, ограничены пределами времени? Мы видели, чем ты был, и знаем, чем ты станешь. Лишь вчера ты лежал во впадине моей ладони, и я подняла тебя, иначе ты утонул бы в Гьолле. Это я спасла тебя.

— Дай мне силу дышать водой, — попросил я. — Я испытаю твой дар там, по другую сторо-

ну отмели. И если ты сказала правду, я пойду с тобой.

Я смотрел, как шевелятся ее огромные губы. Трудно представить, насколько громко ей приходилось говорить под водой, чтобы я слышал ее, но из воды снова выпрыгнула рыба.

— Этого я не могу сделать. Ты должен мне довериться. Идем!

Она протянула ко мне руку, и в тот же самый миг я услышал безумный крик Доркас. Она звала на помощь.

Я бросился к берегу. И все равно, если бы ундина подождала меня, думаю, я вернулся бы. Но она не стала ждать. Казалось, вся река с ревом бушующего прибоя разом покинула русло. На мою голову обрушилось целое озеро воды. Поток сбил меня с ног и потащил как щепку. Мгновение спустя вода отступила, а я оказался далеко на берегу, оглушенный, промокший до нитки и без меча. В полусотне шагов белое тело ундины до пояса вздымалось над рекой. Без поддержки воды ее плоть повисла на костях — казалось, она вот-вот лопнет от собственной тяжести. Волосы лежали на влажном песке, а вода вокруг смешалась с кровью, струившейся из ее ноздрей.

Я пустился бежать. Когда я добежал до костра,

ундина уже исчезла во взбаламученной воде ниже по течению.

Лицо Доркас было таким же белым, как песок отмели.

— Что это? — прошептала она. — Где ты был?

— Значит, ты ее видела? Я боялся…

— Как страшно! — Доркас бросилась в мои объятия и прижалась ко мне всем телом. — Просто ужасно.

— Но ведь ты кричала не из-за этого, правда? Тебе не было ее видно, пока она не поднялась из воды.

Доркас молча показала на другую сторону костра. Земля под Иолентой была пропитана кровью.

На ее левом запястье виднелись две узкие ранки длиной с палец. Я коснулся их Когтем, но кровотечение не прекращалось. Когда все повязки, оторванные от платьев Доркас, промокли от крови, я прокипятил нитку и иглу в маленьком котелке и стянул края ран. Все это время Иолента находилась в полубессознательном состоянии. Время от времени она открывала глаза, но было ясно, что она никого не узнает, и глаза тут же закрывались снова. Только один раз она заговорила:

— Вот, теперь ты видишь, что тот, кого ты счи-

таешь божеством, одобряет и предлагает тебе то же самое, что и я. Давай начнем, пока не явилось Новое Солнце.

Тогда до меня даже не дошло, что это слова из ее роли.

Когда кровь остановилась, мы переложили Иоленту на чистую землю и обмыли ее. Потом я сразу же вернулся на то место, где меня оставила отступившая вода. Через некоторое время мне удалось разыскать «Терминус Эст», почти занесенный песком — только рукоять выступала на два пальца.

Пока я чистил и смазывал клинок, мы с Доркас обсуждали, что делать дальше. Я рассказал ей о своем сне накануне встречи с доктором Талосом и Балдандерсом, о том, как услышал голос ундины и что она мне говорила.

— Как ты думаешь, она все еще здесь? Ты же был там, когда искал меч. Можно ли ее разглядеть, если она лежит на самом дне?

Я покачал головой:

— Не думаю, чтобы она осталась. Ведь то, что она пыталась выйти из воды, чтобы остановить меня, не могло не причинить ей вред. А потом, у нее такая бледная кожа, что она вряд ли захочет оставаться в водах менее глубоких, чем, скажем,

Гьолл, когда светит солнце. Но если она еще там, я все равно не смог бы ее увидеть — вода слишком мутная.

Доркас, сидя на земле и уткнув подбородок в колени, казалась очаровательной, как никогда. Некоторое время она молчала, будто просто наблюдала за облаками, воспламененными извечной тайной надеждой восхода. Наконец она заговорила:

— Наверное, она очень хотела тебя.

— Ты думаешь так, потому что она выскочила из воды? Мне кажется, когда-то она жила на земле, пока не стала такой огромной, и на мгновение просто забыла, что теперь ей это не под силу.

— Но перед этим она поднялась вверх по грязному Гьоллу, а потом — по этой узкой речке. Я уверена, она надеялась поймать тебя, когда мы станем переправляться на тот берег, но не смогла протиснуться выше отмели, и тогда позвала тебя. Нельзя сказать, чтобы в целом такая прогулка могла показаться приятной тому, кто привык плавать меж звезд.

— Так ты ей веришь?

— Когда ты ушел, а я осталась с доктором Талосом, они с Иолентой все время твердили, что я слишком простодушна, поскольку верю всему

услышанному от людей, которых мы встречали по дороге, от Балдандерса, да и от них самих. А я все равно думаю, что даже лжецы гораздо чаще говорят правду, чем лгут. Это же намного проще! Если то, что она спасла тебя, — неправда, то зачем об этом говорить? Неприятные воспоминания могли лишь напугать тебя. И уж совсем бессмысленно лгать, что плаваешь меж звезд. Но тебя что-то беспокоит. Я вижу. Что?

Мне не хотелось в подробностях описывать встречу с Автархом, поэтому я ответил:

— Недавно я видел изображение — в книге — существа, обитающего меж звезд. У него были крылья, но не как у птицы, а бесконечно огромные — из какого-то тончайшего радужного материала. Крылья, которые поддерживает звездный свет.

Доркас взглянула на меня с интересом.

— В твоей коричневой книге?

— Нет, в другой. Ее здесь нет.

— Все равно я вспомнила, что мы собирались почитать о Миротворце. Коричневая книга у тебя с собой?

Я достал ее. Она была влажной после моего купания, и я положил ее в такое место, где солнце могло бы коснуться ее страниц, а ветерок, ожив-

ший, как только Урс снова взглянул ему в лицо, поиграть ими. Пока мы разговаривали, он нежно переворачивал страницы, а мой глаз ловил изображения мужчин, женщин и чудовищ. Они так и остались навсегда у меня в памяти. Вспыхивали и гасли блестки серебристых чернил, когда солнечный луч скользил по строке, высвечивая фразы и целые отрывки: «бездушный воитель!», «прозрачно-желтый», «посредством утопления». А потом: «Эти времена — времена древности, когда мир был древним». Или: «У Ада нет пределов и границ, ибо Ад там, где мы, и там, где Ад, должны мы пребывать».

— Тебе сейчас не хочется читать? — спросила Доркас.

— Нет. Я хочу узнать, что случилось с Иолентой.

— Не знаю. Я спала, и мне снилось… то, что снится всегда. Я была в лавке, где продают игрушки. Вдоль стен на полках и на крышке колодца в центре комнаты сидели куклы. Я думала о том, что мои ребенок еще слишком мал для кукол. Но они были такие хорошенькие, а я так давно не играла в куклы, что мне очень хотелось купить хотя бы одну. Я решила, что сберегу ее для ребенка, а пока буду иногда любоваться на нее и ставить перед

зеркалом у себя в комнате. Я указала на самую красивую, одну из тех, что сидели на колодце, а когда хозяин протянул ее мне, я увидела, что это Иолента. Вдруг она выскользнула у меня из рук. Я видела, как она летит куда-то вниз и вниз, в темную воду. Тут я проснулась. Разумеется, я сразу же захотела посмотреть, не случилось ли чего с Иолентой…

— И увидела, что она истекает кровью?

Доркас кивнула, и ее светло-золотистые волосы вспыхнули на солнце.

— Потому-то я тебя и позвала. Дважды. А потом увидела у отмели тебя и это существо, поднимающееся за тобой из воды.

— Ты совсем бледная, — сказал я. — Но тревожиться особенно не из-за чего. Иоленту укусил какой-то зверь — это ясно. Не знаю, какой именно, но, судя по укусу, совсем маленький, и не стоит его бояться больше, чем любого другого зверька с острыми зубками и дурным нравом.

— Северьян, я помню, мне говорили, что на севере водятся летучие мыши, которые пьют кровь. Когда я была маленькая, меня часто пугали рассказами о них. А потом, когда я стала постарше, к нам в дом залетела обыкновенная летучая мышь. Кто-то убил ее, а я спросила отца,

пьет ли она кровь и есть ли на самом деле такие летучие мыши. Он ответил, что есть, но они водятся только далеко на севере, в жарких лесах, которые раскинулись в центре мира. По ночам они кусают спящих людей и животных, а от их ядовитой слюны ранки не заживают и кровь не останавливается.

Доркас помолчала, вглядываясь в лес.

— Отец рассказывал, что город, который вначале был просто деревушкой в устье Гьолла, постепенно смещается вдоль реки к северу. Представь себе, какой будет ужас, когда он дойдет до тех мест, где живут кровососы. Они будут гнездиться в опустошенных смертью и брошенных людьми домах. Наверное, они уже наводят страх на Обитель Абсолюта. Ведь мы не так далеко ушли от нее.

— Я сочувствую Автарху, — сказал я. — Но ты еще никогда не говорила так много о своем прошлом. Теперь ты помнишь отца и дом, где убили летучую мышь?

Доркас встала. Она старалась набраться мужества, но я видел, что она дрожит.

— После своих снов я с каждым днем вспоминаю все больше и больше. Но, Северьян, надо идти. Иоленте потребуется еда и чистая вода.

Здесь оставаться нельзя.

Я и сам был страшно голоден. Я положил коричневую книгу в ташку, вложил в ножны только что смазанный клинок «Терминус Эст», а Доркас связала свои пожитки в маленький узелок.

Мы тронулись в путь, переправившись через реку гораздо выше отмели. Иолента не могла идти сама, и мы поддерживали ее с двух сторон. Лицо ее осунулось, и, хотя она пришла в сознание, когда мы поднимали ее, она почти не говорила. Если и открывала рот, то произносила лишь одно-два слова. Впервые я заметил, какие у нее тонкие губы. Нижняя губа отставала от зубов, обнажая бескровную десну. Мне почудилось, будто все ее тело, еще вчера такое упругое, размякло, как воск. Теперь она не смотрелась (как это было всегда) женщиной рядом с Доркас-ребенком, но казалась растением, слишком затянувшим свое цветение. Если Иолента подошла к самому концу лета, то время Доркас вступало в пору ранней весны.

Пока мы шли по узкому пыльному проходу среди высоких — выше человеческого роста — стеблей сахарного тростника, я поймал себя на том, что непрестанно думаю, как сильно было мое влечение к Иоленте на протяжении всего нашего непродолжительного знакомства. В памяти

возникали картины, более яркие и подробные, чем видения курильщика опиума. Я видел эту женщину такой, какой увидел ее в первый раз, когда мы с Доркас ночью обогнули рощу и далеко в поле заметили сцену доктора Талоса, сиявшую огнями. И как странно было убедиться на следующее утро, что при дневном свете красота Иоленты столь же совершенна, какой казалась при мигающем пламени факелов минувшей ночью.

Говорят, что любовь и желание — не более чем двоюродные сестры. Я тоже так думал. Но когда я шел по тропинке, а слабая рука Иоленты обвивала мою шею, я понял, что это неправда. Скорее любовь к женщине была темной стороной женского идеала, созданного мною в мечтах о Валерии, Текле и Агии, об Иоленте и Доркас, наконец, о подруге Водалуса с личиком в форме сердца и воркующим голосом — сводной сестре Теклы по имени Теа. Так вот, когда мы пробирались между стенами тростника, желание отступило, и я мог взирать на Иоленту лишь с жалостью, я осознал, что, хоть мне и казалось, будто мне нужна лишь ее пышная, розовая плоть и неловкая грация, тем не менее я любил ее.

Глава 29
Пастухи

Почти все утро мы продирались сквозь тростники и не встречали по пути никого. Судя по всему, Иоленте не становилось ни лучше, ни хуже. На мне самом, кажется, начали сказываться голод и усталость от непрерывной необходимости поддерживать Иоленту. К тому же безжалостно палило солнце. В итоге два-три раза, когда я поглядывал краем глаза на Иоленту, мне казалось, что это не она, а какая-то другая женщина, которую я смутно помню, но не могу признать окончательно. Но если я поворачивал голову и смотрел на нее прямо, это впечатление (и так совсем слабое) рассеивалось.

По пути мы почти не разговаривали. В первый раз с тех пор, как мастер Палаэмон вручил мне «Терминус Эст», я чувствовал его тяжесть, и плечо ныло под перевязью.

Чтобы утолить голод, мы жевали сладкие стебли тростника. Иоленте все время хотелось пить, а поскольку она не только не могла идти без нашей помощи, но и сжимать в руке стебель,

нам приходилось часто останавливаться. Удивительно, насколько беспомощными оказались эти длинные, совершенные по форме ноги с узкими коленями и пышными бедрами.

К середине дня мы вышли из тростника и погрузились в травяное море пампы. Здесь еще встречались одинокие деревья, стоящие так далеко друг от друга, что каждое из них могло видеть всего двух или трех соседей. К каждому дереву сыромятными ремнями было привязано тело какого-нибудь хищника с раскинутыми, как человеческие руки, передними лапами. Больше всего было пятнистых тигров, обычных для тех мест, но мы встречали и атроксов с шерстью, подобной человеческим волосам, и саблезубых смилодонов. От многих остался один скелет, хотя некоторые еще не погибли. Они издавали слабые звуки, которые, по мнению местных жителей, отпугивают других хищников и защищают от них скот.

Этот скот представлял для нас гораздо большую опасность, чем хищные кошки. Быки не раздумывая бросаются на все, что появляется вблизи их пастбищ, и потому нам приходилось обходить каждое стадо, держась на таком расстоянии, чтобы их близорукие глаза не заметили нас, да

вдобавок — с подветренной стороны. Тогда Доркас как могла поддерживала Иоленту, а я шел впереди, несколько ближе к животным. Однажды мне пришлось отпрыгнуть в сторону, а бык остался без головы. Мы сложили костер из сухой травы и поджарили кусок мяса.

В следующий раз я вдруг вспомнил о том, как Коготь остановил яростное нападение обезьянолюдей. Я достал его, и тогда несшийся на нас разъяренный бык подбежал ко мне мелкой рысцой и лизнул руку. Я посадил ему на спину Иоленту и Доркас, а сам пошел впереди, чтобы зверь все время видел голубое сияние камня.

На последнем из встреченных нами деревьев был распят еще живой смилодон. Я подумал, что бык может испугаться его, но мы спокойно прошли мимо. Спиной я чувствовал взгляд его янтарных глаз величиной с голубиное яйцо, а мой язык вдруг распух от его жажды. Я передал камень Доркас, подошел к дереву и перерезал ремни. При этом меня не покидала мысль, что он непременно нападет на меня. Но смилодон сполз на землю и даже не мог подняться на ноги от слабости, а мне нечем было напоить его, и нам ничего не оставалось, как уйти.

Ближе к вечеру я заметил, что над нами кружит

птица-падальщик. Говорят, они чуют смерть. Я тут же вспомнил, что раз или два, когда у подмастерьев бывало особенно много работы, учеников посылали во двор гонять камнями этих птиц, рассевшихся на разрушенной стене, — иначе они лишь усугубляли и без того зловещую репутацию Цитадели. Сама мысль о возможной смерти Иоленты была настолько отвратительна, что я многое отдал бы за лук, из которого, наверное, мог бы подстрелить птицу; но лука взять было неоткуда, и мне оставалось только сожалеть об этом.

Еще через некоторое время, показавшееся мне бесконечным, к ней присоединились еще две, гораздо меньших размеров. По яркой окраске головы, заметной, несмотря на расстояние, я понял, что это белоголовые сипы. Значит, первая птица, с размахом крыльев в три раза большим, была горным тераторнисом. Я слыхал, что в горах они нападают на людей, раздирают их лица ядовитыми когтями и сталкивают в пропасть ударами могучих крыльев. Иногда сипы приближались к нему, а он бросался на них. Тогда мы слышали пронзительный крик, доносившийся из их воздушной обители. Один раз, в каком-то затмении, я поманил их рукой. Тут же все трое ринулись вниз. Я отогнал их взмахом меча и впредь следил

за своими жестами.

Когда западный горизонт подобрался к солнцу, мы увидели низенькую земляную хижину. На пороге сидел изможденный старик в кожаных штанах, потягивая мате и делая вид, что любуется вечерними облаками. В действительности он наверняка уже давно наблюдал за нами, потому что сам он, маленький и смуглый, сливался с хижиной, а наши силуэты хорошо вырисовывались на фоне неба.

Заметив пастуха, я убрал Коготь, хотя и не был уверен, что без него бык не выкинет чего-нибудь. Но он продолжал все так же шагать с двумя женщинами на спине. У хижины я ссадил Иоленту и Доркас. Бык поднял морду и шумно потянул носом, косясь на меня одним глазом. Я махнул рукой в ту сторону, откуда мы пришли и где колыхалось под ветром море пампы, показав этим жестом, что бык свободен и в руке у меня ничего нет. Тогда он повернулся и помчался прочь.

Пастух вынул соломинку изо рта.

— Это ведь вол, — изрек он. Я кивнул.

— Нам нужно было довезти эту бедную женщину. Она больна, вот мы и взяли его на время. Он твой? Мы ведь не причинили ему никакого вреда.

— Нет, нет. — Пастух протестующе поднял руку. — Я спросил потому, что сначала подумал — это конь. Глаза уже не те. — Он поведал, какое удивительное зрение у него было в юности. — Так ты говоришь, это вол?

На сей раз мы с Доркас кивнули вместе.

— Вот что значит старость. Я готов был лизнуть это лезвие, — он похлопал по железной рукоятке ножа, торчавшей из-за широкого пояса, — направить его на солнце и поклясться, что между ногами у него кое-что болтается. Но не будь я таким бестолковым, мне сразу же пришло бы в голову, что никому не под силу оседлать быка пампы. Разве что рыжей пантере, но она держится за спину когтями, да и той это частенько стоит жизни. Конечно, это вымя, которое вол унаследовал от своей матери. Знавал я его мать — у нее точно такое было.

Я сказал, что я городской житель и не разбираюсь в животных.

— А-а. — Он снова присосался к мате. — Я тоже мало в чем разбираюсь. Тут живет самый что ни на есть невежественный народишко. Ты не поверишь — сама невежественность. Разве от таких соседей чему-нибудь научишься?

Доркас прервала его:

— Прошу тебя, позволь нам положить эту женщину в доме. Я боюсь, она вот-вот умрет.

— Я же сказал, что ничего не знаю. Спрашивай вон его. За ним вол — чуть было не сказал «бык» — бегает, как собака.

— Но он не может ей помочь! А ты можешь.

Пастух покосился на меня, и я понял, что, к его полному удовлетворению, он убедился, что быка приручил я, а не Доркас.

— Мне жаль твою подругу, — продолжал он. — Видно, когда-то она была красотка хоть куда. Вот я сижу тут с вами да пошучиваю, а у меня у самого друг помирает. Там, в доме. Ты только думаешь, что твоя подруга может умереть. А он точно умирает, и я хочу, чтобы его не беспокоили.

— Понятно, но мы его не побеспокоим. Может быть, даже поможем.

Пастух перевел взгляд с Доркас на меня, потом снова на Доркас.

— Вы странные люди. Что я могу знать? Я просто невежественный бедняк. Входите. Только без шума. И помните, что вы здесь гости.

Он встал и открыл дверь, такую низкую, что мне пришлось пригнуться, ступая через порог. В доме была только одна комната, темная и прокопченная. На циновке перед очагом лежал

мужчина гораздо моложе меня и, как мне показалось, гораздо выше ростом, чем наш хозяин. У него была такая же смуглая кожа, но под ней словно совсем не было крови, а на щеках и на лбу я заметил следы глины. В хижине больше не было ни одной подстилки, поэтому мы положили Иоленту прямо на земляной пол, предварительно расстелив потрепанное одеяло Доркас. На миг Иолента приоткрыла глаза, но взгляд ее по-прежнему оставался бессмысленным, а их некогда чистая зелень выцвела, как крашеная материя, забытая на солнце.

Наш хозяин покачал головой и прошептал:

— Да, видно, она проживет ненамного дольше, чем этот бедняга Манахен. Может, и раньше помрет.

— Ей нужна вода, — обратилась к нему Доркас.

— На заднем дворе, в бочке. Я принесу.

Услышав, что за ним захлопнулась дверь, я достал Коготь. На сей раз он вспыхнул таким ослепительно синим светом, что я испугался, как бы сияние не проникло сквозь стены. Юноша глубоко вздохнул, потом выдохнул со слабым стоном и задышал ровнее. Я сразу же спрятал Коготь.

— А ей не помогло, — огорченно проговорила Доркас.

— Может, ей станет легче, когда она попьет. Она ведь потеряла много крови.

Доркас нагнулась и стала приглаживать растрепанные волосы Иоленты. Наверное, они выпадали, как у старух или людей, больных лихорадкой, — так много их осталось на влажной ладони Доркас.

— Я думаю, она всегда была больна, — прошептала Доркас. — Сколько я ее знала, она держалась на каких-то лекарствах, которые ей давал доктор Талос. А теперь он бросил ее. Она стала требовать слишком многого, и вот он ей отомстил.

— Не верится, чтобы он предвидел такой оборот дела.

— И мне тоже. Послушай, Северьян, они с Балдандерсом теперь наверняка перестанут давать представления и шпионить по всей стране. Их можно будет разыскать на новом месте.

— Шпионить? — По-видимому, на моем лице отразилось неподдельное изумление.

— Мне всегда казалось, что они странствуют, не столько зарабатывая деньги, сколько разнюхивая, что происходит в мире. Доктор Талос однажды почти признался в этом, только я так и не поняла, что они ищут.

Вернулся пастух с тыквенной бутылью. Я по-

садил Иоленту, а Доркас поднесла бутыль к ее губам. Большая часть воды пролилась, замочив изодранное платье Иоленты, но все-таки немного попало ей в горло. Когда бутыль опустела и пастух опять сходил за водой, Иолента сама сделала несколько глотков. Я спросил, знает ли он, где озеро Диутурна.

— Я бедный невежа, — ответил он. — В такую даль ни разу не заезжал. Говорят, где-то там. — Он махнул рукой. — На север и запад. Ты что, туда собираешься?

Я кивнул.

— Тогда тебе придется миновать дурное место. А может, и много дурных мест, но каменный город уж наверняка.

— Значит, где-то здесь есть город?

— Город-то есть, да людей в нем нет. Как поговаривают местные, куда бы человек ни направился, каменный город передвинется так, что окажется у него на пути. — Пастух негромко засмеялся, потом помрачнел. — Не так, конечно. Но каменный город умеет кривить путь. Тебе кажется, что ты его объезжаешь стороной, а глядишь, прямо в нем и очутился. Понятно? Наверное, нет.

Я вспомнил Ботанические Сады и кивнул.

— Я понимаю. Продолжай.

— А если тебе надо на север и запад, то его никак не миновать. Тут ему и кривить нет нужды. Одни не видят в нем ничего, кроме развалин, другие, как мне приходилось слышать, находили сокровища. Некоторые возвращаются с новыми россказнями, а некоторые и вовсе не возвращаются. Думаю, обе эти женщины уж никак не девственницы…

У Доркас перехватило дыхание. Я покачал головой.

— Это хорошо. Те-то как раз чаще всего и пропадают. Постарайся проехать его днем, чтобы утром солнце стояло над правым плечом, а потом светило в левый глаз. Если вас застанет ночь, не останавливайтесь и не сворачивайте в сторону. Держите путь на звезды Ихуавулу, когда они загорятся.

Я кивнул и только собирался продолжить расспросы, как больной вдруг открыл глаза и сел. Одеяло сползло, и я увидел окровавленную повязку на его груди. Он вздрогнул, уставился на меня, потом что-то крикнул. В то же мгновение пастух приставил холодное лезвие ножа к моему горлу.

— Он не за тобой, — сказал он больному. Пастух говорил на том же диалекте, что и юноша, но медленно, поэтому я его понял. — Я уверен, он не

знает, кто ты такой.

— Отец, я же говорю тебе, это новый ликтор Тракса. За ним посылали, а клавигеры говорят, что он давно в пути. Убей его! Или он перебьет всех, кто еще не погиб.

Меня поразило его упоминание о Траксе, который находился так далеко от этих мест. Я хотел было расспросить юношу и уверен, что мне удалось бы договориться с ним, но тут Доркас ударила старика по голове тыквенной бутылью. Удар был истинно женский — неточный и хилый. Бутыль треснула, а старик, скорее всего, почувствовал лишь слабую боль. Он бросился на Доркас со своим кривым обоюдоострым ножом, но я перехватил его руку, сломав ее. Потом каблуком сломал и нож. Манахен, его сын, попытался встать, но Коготь, вернувший его к жизни, не снабдил парня прежней силой: от толчка Доркас юноша рухнул на циновку.

— Теперь мы умрем с голоду, — выдавил из себя пастух. Его смуглое лицо перекосилось от усилий сдержать крик боли.

Я сказал ему:

— Ты заботился о сыне, а он позаботится о тебе. Скоро он совсем поправится. Что он сделал?

Ни тот, ни другой не ответили.

Я вправил смещенную кость и наложил шину. Потом мы с Доркас поели и устроились на ночлег на улице, предупредив отца с сыном, что если только дверь откроется или же кто-нибудь причинит вред Иоленте, то я убью обоих. Утром, пока они еще спали, я коснулся сломанной руки Когтем. Неподалеку от дома пасся привязанный конь, а верхом я без труда поймал еще одну лошадь для Доркас и Иоленты. Подводя скакунов к дому, я обнаружил, что за ночь его сложенные из сухого дерна стены зазеленели.

Глава 30
Снова торговец

Несмотря на рассказы пастуха, я надеялся набрести на какое-нибудь селение вроде Сальтуса, где можно было бы найти чистую воду и за несколько аэсов купить пищу и место для отдыха. То, что мы нашли взамен, трудно было назвать даже останками города. Между крепких камней, которые когда-то были мостовыми, проросла трава, так что на расстоянии они ничем не выделялись из окружающей пампы. В траве, как стволы деревьев в опустошенном яростной бурей лесу, лежали колонны. Другие все еще стояли — потрескавшиеся и ослепительно белые. Ящерицы с яркими глазами и зазубренными гребнями грелись на солнце, застыв в полной неподвижности. От домов остались только небольшие возвышения, где на нанесенной ветром почве трава разрослась еще гуще.

Я не видел причины менять направление, поэтому мы так и продолжали ехать на северо-запад, подгоняя уставших лошадей. Здесь я в первый раз увидел впереди горы. В рамке по-

луразрушенной арки они казались всего лишь тонкой голубоватой полоской на горизонте, но я ощутил их присутствие, как в нашем подземелье постоянно ощущалось присутствие безумных клиентов, заключенных на нижнем ярусе, хотя они не только никогда не поднимались ни на одну ступень вверх, но даже ни разу не переступали порога своих камер. Где-то в тех горах лежало озеро Диутурна. Там же был и Тракс. И Пелерины, насколько мне было известно, странствовали меж их ущелий и пиков, помогая бесчисленным жертвам нескончаемой войны с асцианами. Война тоже шла в тех горах. Сотни тысяч погибали, чтобы удержать какой-нибудь один перевал.

Но сейчас мы вошли в город, где не раздавалось ни единого звука, кроме карканья ворон. Хотя в доме пастуха мы запаслись кожаными бурдюками с водой, она была почти на исходе. Иоленте становилось все хуже, и мы решили, что, если к вечеру не найдем воду, она, скорее всего, умрет. Когда Урс уже начал накатываться на диск солнца, нам попался разбитый жертвенный стол. В углублении, куда должна была стекать кровь, сохранилось немного дождевой воды. Она протухла и дурно пахла, но в отчаянии мы дали Иоленте несколько глотков, и ее тут же стош-

нило. Вращение Урса явило убывающую луну, подарившую нам свой зеленоватый свет вместо утраченного дневного.

Набрести здесь на обычный походный костер казалось равносильным настоящему чуду. Но нам встретилось нечто более странное, хоть и не столь желанное. Доркас показала рукой налево. Я взглянул туда и в следующее мгновение увидел, как мне показалось, метеор.

— Это падающая звезда, — объяснил я. — А ты видела другую? Иногда они проливаются дождем.

— Нет, там было здание. Разве ты не заметил? Найди темное пятно на фоне неба. Это здание с плоской крышей, а наверху кто-то чиркает железом о кремень.

Я хотел было сказать, что у нее слишком разыгралось воображение, но неожиданно там, куда упала искра, зарделась крошечная, с булавочную головку, тусклая красная точка. Еще два моих вздоха — и появился тонкий язычок пламени.

До здания было довольно близко, но мы так медленно пробирались в темноте между камнями, что, когда подъехали, огонь уже достаточно разгорелся, чтобы осветить три фигуры, сидящие возле него на корточках.

Я крикнул:

— Нам нужна помощь! Эта женщина умирает.

Все три фигуры подняли головы. Потом прозвучал старушечий скрипучий голос:

— Кто говорит? Я слышу мужской голос, а мужчины не вижу. Кто вы такие?

— Я здесь, — отозвался я, распахивая плащ и откидывая капюшон. — Слева от вас. Просто я одет в черное.

— Так-так, в черное. Кто умирает? Не маленькая со светлыми волосами… Крупная, с золотисто-рыжими. У нас только вино и огонь. Других лекарств нет. Обойдите с той стороны — там лестница.

Я сделал, как она велела. Каменная стена закрыла низкую луну, оставив нас в полной темноте, но я наткнулся на грубые ступени, должно быть, сложенные из обломков других зданий. Я привязал коней и понес Иоленту наверх. Доркас шла впереди, нащупывая дорогу и предупреждая меня в опасных местах.

Крыша оказалась не плоской. Наклон был достаточно сильным, так что на каждом шагу я боялся свалиться. Судя по всему, эту неровную поверхность покрывала черепица — одна вдруг отскочила, и я слышал, как она гремела и скрежетала о другие, покуда не упала на землю и не

разбилась.

Когда я ходил в учениках и был еще слишком мал, чтобы выполнять какие-либо поручения, кроме самых элементарных, мне однажды велели передать письмо в башню ведьм. Она стояла недалеко от нашей — на другой стороне Старого Двора. (Только потом я выяснил, что существовали веские причины посылать туда — а наша пространственная близость с ведьмами требовала обмена посланиями — только мальчиков, которым было еще далеко до возмужания.) Теперь, когда я знаю, какой ужас внушала наша башня не только всему кварталу, но и остальным обитателям Цитадели, мой страх перед ведьмами кажется неуместным и глупым. Но для маленького, некрасивого мальчика этот страх был вполне оправданным. Старшие ученики рассказывали жуткие истории, и я видел, что самые храбрые из нас боятся ведьм не меньше других. В этой самой причудливой из множества башен Цитадели всю ночь горели странные огни. Визги, которые мы слышали в дортуаре, доносились не из подземного помещения для допросов, как у нас, а с верхних ярусов, и мы знали, что это вопят сами ведьмы, а не их клиенты, ибо в том смысле, в каком у нас бытовало это слово, у ведьм клиентов не было. И

эти звуки не были похожи ни на вой помешанных, ни на крики боли, к которым мы привыкли.

Меня заставили вымыть руки, чтобы не запачкать конверта. Пока я вилял между замерзающими лужами двора, я все время думал, какие у меня распухшие, красные руки, представляя себе встречу с высокопоставленной ведьмой и собственное унижение. Конечно, она не откажет себе в удовольствии наказать меня за такие руки каким-нибудь особенно отталкивающим способом, да еще сообщит о своем неудовольствии и презрении ко мне мастеру Мальрубиусу.

Наверное, я действительно тогда был еще очень мал: мне пришлось несколько раз подпрыгнуть, чтобы дотянуться до дверного молотка. Я до сих пор слышу, как шлепают мои тонкие подошвы об изъеденную временем каменную ступеньку.

— Да? — Лицо, выглянувшее из-за двери, отстояло от земли ненамного выше, чем мое. Это лицо — единственное в своем роде из всех сотен тысяч виденных мною лиц — с первого взгляда поражало красотой и говорило о смертельном недуге. Ведьма, отворившая дверь, показалась мне немолодой. На самом деле ей было лет двадцать или даже меньше. Но ростом она не вышла и ковыляла согнувшись, как старуха. Лицо ее

— такое прекрасное и совершенно бескровное — больше всего напоминало маску, вырезанную великим мастером из слоновой кости.

Я молча протянул письмо.

— Идем со мной, — проговорила она. Это были те самые слова, которых я боялся, и теперь, произнесенные вслух, они звучали неотвратимо, как смена времен года.

Я вошел в башню, совсем не похожую на нашу. Наша подавляла своей незыблемостью. Строители так хорошо подогнали одну к другой толстые металлические пластины, что с течением времени они слились, образовав монолит, а на нижних ярусах всегда было тепло и сыро. В башне ведьм ничто не казалось прочным, и так оно и было на самом деле. Уже много позже мастер Палаэмон объяснил мне, что ее воздвигли гораздо раньше, чем остальные постройки Цитадели. В те времена в неживом материале еще пытались имитировать строение человеческого тела: металлический скелет должен был служить опорой для менее прочных материалов. По прошествии многих веков почти весь этот скелет съела ржавчина. С тех пор все последующие поколения накладывали там и сям бесчисленные железные заплаты и скрепки, так что теперь только на

них и держалось все сооружение. Слишком большие комнаты разделялись стенками толщиной с портьеру, в башне не было ни одной ровной поверхности и ни одной прямой лестницы. Мне все время казалось, что перила и поручни того и гляди останутся у меня в руках. Стены, разрисованные меловыми красками, светились белизной, зеленью и пурпуром, но я заметил почти полное отсутствие мебели, а внутри башни было холоднее, чем на улице.

Поднявшись на несколько этажей и напоследок вскарабкавшись по приставной лестнице, сколоченной из неструганых стволов какого-то пахучего дерева, я предстал перед лицом старухи, которая сидела в единственном на всю комнату кресле. Она смотрела сквозь стеклянную столешницу на то, что показалось мне искусственным ландшафтом, населенным крошечными безволосыми зверьками. Ей-то я и вручил письмо. Меня тут же увели, но один раз старуха все же подняла глаза, и ее лицо, как и лицо сопровождавшей меня молодой женщины, навеки врезалось в память.

Я рассказываю об этом только потому, что, когда я положил Иоленту на черепичную крышу у огня, мне почудилось, будто женщина, склонив-

шаяся над нею, — та самая старуха. Разумеется, я ошибался: та ведьма, которой я отдал письмо, должна была давно умереть, а молодая если и жила еще, то изменилась вместе со мной до неузнаваемости. И все же обращенные ко мне лица оказались именно теми, которые я так хороша запомнил. Может быть, во всем мире существуют всего две ведьмы, и они рождаются снова и снова?

— Что с ней случилось? — спросила молодая. Мы с Доркас объяснили как смогли. Задолго до того, как мы закончили, старуха приподняла голову Иоленты и влила ей в рот вино из глиняной бутыли.

— Крепкий напиток ей бы повредил, — заметила она, — но здесь две трети чистой воды. Вы, как я вижу, не хотите, чтобы она умерла. Тогда вам повезло, что встретились с нами. Только вот не знаю, повезло ли ей.

Я поблагодарил старуху и спросил, куда подевался тот, третий, кого мы видели у костра.

Старуха вздохнула, на мгновение подняла на меня глаза и тут же снова сосредоточила все внимание на Иоленте.

— Нас только двое, — ответила мне молодая. — А вы видели троих?

— Вполне отчетливо. Ваша бабушка — если она приходится вам бабушкой — ответила мне. Вы же и кто-то еще подняли головы, а потом снова их опустили.

— Она кумеана.

Мне приходилось слышать это слово, но я никак не мог вспомнить, что оно означает, а неподвижное, как лик ореады на картине, лицо молодой женщины не предлагало разгадки.

— Провидица, — подсказала Доркас. — А ты?

— Я помогаю и прислуживаю ей. Меня зовут Меррин. Наверное, есть особый смысл в том, что вы, будучи втроем, увидели здесь троих, в то время как мы, двое, сначала заметили лишь двоих из вас. — Она посмотрела на кумеану, как бы ища подтверждения своим словам, а потом, словно получив его, опять обратилась к нам, хотя я не заметил, чтобы женщины обменялись взглядами.

— Но я совершенно уверен, что здесь был третий. Он показался мне намного крупнее, чем вы обе, — возразил я.

— Сегодня странный вечер, а те, кто носится верхом на ночных ветрах, часто принимают человеческий облик. Вопрос в том, почему подобные силы пожелали явиться именно тебе.

Ее черные глаза и безмятежное лицо произ-

водили такое убедительное впечатление, что я, наверное, поверил бы ей, если бы не Доркас, которая едва заметным движением головы дала мне понять, что третий мог легко спрятаться за гребнем крыши, на краю другого ската.

— Она может жить, — заговорила кумеана, не отрывая взгляда от лица Иоленты. — Но не хочет.

— Хорошо, что у вас оказалось гораздо больше вина, чем требуется двоим, — заметил я.

Старуха не приняла вызова и спокойно ответила:

— Да, хорошо. Хорошо для вас, а может, и для нее.

Меррин разворошила угли веткой.

— Смерти нет.

Я рассмеялся. Пожалуй, слишком громко, но в тот миг я чувствовал невероятное облегчение. Ведь Иоленте больше не грозила смерть.

— Те, кто занимается моим ремеслом, думают иначе.

— Те, кто занимается твоим ремеслом, ошибаются.

Иолента пробормотала:

— Доктор…

— Врач тебе не нужен, — сказала Меррин. —

Она знает больше врача.

Кумеана буркнула под нос:

— Она зовет любовника.

— Значит, это не тот, кто в черном, Мать моя? Я сразу подумала, что он для нее простоват.

— Он всего-навсего палач. Тот, к кому она стремится, гораздо страшнее.

Меррин удовлетворенно кивнула сама себе, потом обратилась к нам:

— Вам, конечно, будет тяжело сейчас же отправиться в путь, но мы просим вас поступить именно так. По другую сторону развалин вы найдете сотню гораздо более удобных мест для ночлега, а здесь оставаться опасно.

— Ты говоришь о смертельной опасности? — улыбнулся я. — Но ты же только что сказала, что смерти нет. Если я поверил тебе, то чего же мне опасаться? А если не поверил, то почему должен верить теперь? — С этими словами я встал, собравшись уходить.

Кумеана посмотрела мне в лицо.

— Она права, — раздалось ее хриплое карканье. — Она права, хотя ничего не знает, а просто повторяет заученные слова, как скворец в клетке. Смерть — это ничто. Именно по этой причине ее и следует бояться. Что может быть страшнее,

чем ничто?

Я снова рассмеялся.

— Мне не под силу вести спор с мудрецами. Вы сделали все, что смогли, чтобы нам помочь. А мы выполним ваше желание и уйдем.

Кумеана не препятствовала, когда я взял на руки Иоленту, но при этом сказала:

— Я этого не хотела. Меррин все еще думает, что властна распоряжаться вселенной, как будто это не более чем дощечка, из которой можно выпилить любую форму по своему усмотрению. Маги-ясновидцы поместили мое имя в краткий перечень им подобных, но я не удостоилась бы этой чести, если бы не знала, что люди — даже такие, как мы, — всего лишь мелкая рыбешка, которая должна жить в согласии с невидимыми течениями, если не хочет погибнуть без пищи. А теперь заверни это несчастное создание в свой плащ и положи к огню. Когда тень Урса минует это место, я осмотрю ее еще раз.

Я так и остался стоять с Иолентой на руках, не зная, что, предпринять — уходить или не торопиться. Кумеана казалась довольно доброжелательной, но ее метафора воскресила неприятное воспоминание об ундине. И чем больше я смотрел на ее лицо, тем меньше оно

походило на лицо старой женщины. Это слишком явственно напомнило мне чудовищные физиономии какогенов под масками, сброшенными, когда на них ринулся Балдандерс.

— Ты услышала меня, Мать, — сказала Меррин. — Позвать его?

— Он все слышал и придет сам. Она оказалась права.

Я уже уловил шарканье башмаков по черепице за коньком крыши.

— Ты забеспокоился? Так не лучше ли положить эту бедную женщину, как я тебе велела, и взяться за меч, чтобы защитить возлюбленную? Но он тебе не понадобится.

Под конец ее фразы я уже ясно различал на фоне неба высокую шляпу, крупную голову и широкие плечи. Я положил Иоленту поближе к Доркас и вынул «Терминус Эст».

— В этом нет нужды, — послышался низкий глубокий голос. — Нет нужды, юноша. Мне следовало бы выйти чуть пораньше, чтобы мы могли возобновить знакомство, но я не знал, угодно ли это шатлене. Мой хозяин — и он — шлет тебе приветствия.

Это был Хильдегрин.

Глава 31
Очищение

— Можешь передать своему хозяину, что я вручил его послание, — сказал я. Хильдегрин улыбнулся.

— А получил ли ты ответное послание, армигер? Помни — я из лесной обители.

— Нет, — ответил я, — не получил.

Доркас подняла голову.

— Я получила. Один человек в садах Обители Абсолюта сказал, что, если мне повстречается кто-нибудь, кто произнесет эти слова, я должна передать ему: «Когда листья раскроются, лес тронется на север».

Хильдегрин почесал пальцем нос.

— Весь лес? Так он сказал?

— Он сказал именно то, что я произнесла, и ничего больше.

— Доркас, — вмешался я, — почему я ничего об этом не знаю?

— У нас ведь почти не было возможности поговорить наедине с тех пор, как мы встретились у перекрестка. А кроме того, я поняла, что это

опасное поручение. И мне не хотелось перекладывать эту опасность на твои плечи. Это был тот же самый человек, который заплатил доктору Талосу. Но доктору он ничего такого не говорил. Я знаю — слышала всю их беседу. Он только сказал, что он твой друг.

— И велел тебе передать эти слова мне?

Доркас упрямо покачала головой. Смешок, вырвавшийся из широкой глотки Хильдегрина, казалось, донесся из-под земли.

— Ну, теперь это уже на так важно, верно? Поручение выполнено, а что до меня, то я не стал бы возражать, если бы это случилось чуть погодя. Но не страшно — здесь все друзья, кроме разве что той больной девушки, а она, сдается мне, все равно ничего не слышит, а если и слышит, так не понимает. Как, ты говоришь, ее зовут? Я оттуда не расслышал.

— Это потому, что я и не называл ее имени, — объяснил я. — Ее зовут Иолента. — Произнося «Иолента», я взглянул на ее лицо, освещенное ярким светом костра, и вдруг понял, что передо мной уже не Иолента: в этой изможденной женщине не осталось ничего от красавицы, которую полюбил Иона.

— И все это от одного укуса летучей мыши?

Стало быть, в последнее время яду у них поприбавилось. Ведь меня самого пару раз кусали. — Перехватив мой взгляд, он добавил:

— Да, я видел ее раньше, молодой сьер, так же как и тебя, и крошку Доркас. Уж не думаешь ли ты, что я мог допустить, чтобы вы с той девушкой ушли из Ботанических Садов без сопровождения. Да еще когда ты твердил, что идешь на север, и затеял биться с офицером Серпентрионов. Я видел тебя в бою, я смотрел, как ты помогал одному парню расстаться с головой. Между прочим, это я способствовал его поимке — думал, что он и вправду из Обители Абсолюта. И я той ночью стоял в толпе у помоста, только в самом заднем ряду. Я упустил тебя только на следующий день после заварухи у ворот. Так что я видел тебя, и видел ее, хотя от нее мало что осталось, кроме волос, да и волосы уже не те.

Меррин обратилась к кумеане:

— Мать, рассказать им?

Старуха кивнула.

— Если можешь, дитя мое.

— Все ее тело было пропитано особыми средствами, которые наделяли ее красотой. Теперь эта красота исчезает, потому что женщина потеряла много крови и испытала большие нагрузки.

К утру от нее останутся лишь следы.

Доркас отпрянула.

— Это колдовство?

— Колдовства нет. Есть только знание, более или менее тайное.

Хильдегрин задумчиво разглядывал Иоленту.

— Никогда не думал, что можно так сильно изменить внешность. Это может пригодиться. Твоя хозяйка умеет это делать?

— Она могла бы больше, если бы пожелала.

Доркас прошептала:

— Но как это возможно?

— Ей ввели в кровь вытяжки из желез животных, чтобы изменить строение тела. От этого у нее талия стала тонкой, груди огромными, наросла плоть на бедрах и так далее. Очищением и целительными мазями омолодили кожу. Зубы тоже очистили, а некоторые загнали в десны, а на них посадили новые коронки — одна, если посмотрите, уже выпала. Волосы выкрасили и сделали гуще, вшив шелковые нити в кожу черепа. Несомненно, вытравили почти все волосы на теле, и уж это, по крайней мере, при ней останется. Но что важнее всего, ее погрузили в транс и обещали красоту. После такого внушения люди верят с неистовой силой — как дети. А ее вера в

то, что она прекрасна, завораживала и вас.

— Неужели для нее ничего нельзя сделать? — спросила Доркас.

— Я ничего не могу, а кумеаны не берутся за такие дела, разве что в случае крайней необходимости.

— Но она будет жить?

— Да, как вам и сказала Мать — только она этого не захочет.

Хильдегрин прочистил горло, сплюнул.

— Ладно, с этим покончено. Мы вроде как сделали для нее всё, что могли. Так вот что я скажу: давайте-ка приступим к делу, ради которого собрались. Как ты сказала, кумеана, совсем неплохо, что эти трое здесь объявились. Я получил весточку, и они друзья Повелителя Листьев — прямо как я. Армигер поможет мне словить этого Апу-Пунхау. Моих-то двух парней убили по дороге. Так что может помешать нам действовать?

— Ничего, — пробормотала кумеана. — Звезда восходит.

Доркас сказала:

— Если мы должны в чем-то тебе помогать, то хоть скажи, что ты собираешься делать.

— Вернуть прошлое, — торжественно объявил Хильдегрин. — Вернуть мир во времена величия

старого Урса. На этом самом месте, где мы сейчас сидим, жил некто, знавший много важного для нашего дела. Вот я и собираюсь добыть его. Это будет высшей точкой, если можно так выразиться, карьеры, которую знающие люди и так уже считают очень и очень впечатляющей.

Я спросил:

— Так ты собираешься вскрыть гробницу? Но ведь даже с помощью альзабо…

Кумеана протянула руку и отерла лоб Иоленты.

— Можно назвать это гробницей, но не его. Скорее это был его дом.

— Видишь ли, как все получилось, — стал объяснять Хильдегрин. — Я оказывал этой шатлене кой-какие услуги, если можно так выразиться. Не раз и не два. В конце концов я решил, что мне пора пожинать плоды. Будь уверен, я посвятил Хозяина Леса в свой нехитрый план. И вот мы здесь.

Я заметил:

— Мне дали понять, что кумеана служит Отцу Иниру.

— Но долги-то надо платить, — самодовольно усмехнулся Хильдегрин. — Как подобает достойным людям. А потом, необязательно быть столь

мудрой женщиной, чтобы понимать, как мудро иметь нескольких друзей на другой стороне, особенно на случай, если другая сторона выиграет.

Доркас обратилась к кумеане:

— Кто такой был этот Апу-Пунхау и почему его дворец все еще стоит, когда от остального города остались одни руины?

Старуха промолчала. Вместо нее ответила Меррин:

— Его имя не упоминается в легендах, а потому даже ученые ничего о нем не знают. Мать говорила нам, что «Апу-Пунхау» означает «Глава Дня». В древнейшие эоны он появлялся в этих краях и открывал людям много удивительных тайн. Он часто исчезал, но всегда возвращался. Но настало время, когда он не вернулся, и тогда захватчики разрушили его города. Теперь мы вернем его в последний раз.

— Без помощи колдовства?

Кумеана взглянула на Доркас глазами, сиявшими как звезды.

— Слова — это всего лишь символы. Меррин предпочитает считать, что колдовства не существует… и в этом случае его не существует. Если тебе хочется назвать то, что мы собираемся сделать, колдовством, то тогда колдовство будет

жить, пока мы это делаем. В древние времена в одной дальней стране были две державы, разделенные горами. В одной воины одевались в желтые одежды, в другой — в зеленые. И сто поколений эти державы враждовали. Я вижу, что мужчина, который пришел с тобой, знает эту историю.

— Пришел туда раз отшельник, — подхватил я, — и посоветовал предводителю желтой армии одеть своих людей в зеленое, а повелителю зеленой, чтобы он одевал воинов в желтое. Но война между ними продолжалась, как и прежде. У меня в сумке книга, которая называется «Книга Чудес Урса и Неба», и в ней есть эта история.

— Это мудрейшая из всех книг, написанных людьми, — сказала кумеана, — хотя лишь немногие извлекают пользу из прочитанного. Дитя, объясни этому человеку, который в свое время станет мудрецом, что мы должны сделать этой ночью.

Молодая ведьма согласно кивнула:

— Прошлое, настоящее и будущее сосуществуют. Эта истина заложена во всех легендах, которые рассказывают посвященные в великие таинства. Если бы будущее не существовало в настоящем, то как могли бы мы приблизиться к

нему? А если прошлого нет, то как можно войти из него в настоящее? Во сне разум разрывает оковы настоящего — вот почему спящие так часто слышат голоса умерших и получают известия о грядущем. Те, кто, как Мать, умеет приходить в такое же состояние во время бодрствования, живут в непрерывном потоке собственных жизней — так Абракс воспринимает все время как единый непреходящий миг.

Той ночью ветра почти не было, но теперь он совсем стих. В воздухе повисла гробовая тишина, и мягкий голос Доркас прозвучал в ней как удар колокола:

— Значит, женщина, которую ты зовешь кумеаной, войдет в это состояние и будет говорить с тем человеком голосами мертвых?

— Этого она не может сделать. Она очень стара, но этот город пришел в упадок задолго до того, как она появилась на свет. Ей подвластно лишь время ее собственной жизни, а для того, чтобы оживить этот город, нам понадобится помощь разума, существовавшего во времена его расцвета.

— Неужели в этом мире найдется столь древнее существо?

Кумеана покачала головой.

— В этом мире? Нет. Но все же такой разум

существует. Посмотри, дитя мое. Вон там, за облаками. Та красноватая звезда называется «Рыбья Пасть». Как раз на одном из ее доныне уцелевших миров и обретается тот древний разум. Меррин, возьмись за мою руку, а ты, Хильдегрин, за другую. Палач, дай руку больной, а другой возьмись за руку Хильдегрина. Пусть твоя возлюбленная возьмется за руки больной подруги и Меррин… Вот теперь мы слились в кольцо — женщины по одну сторону, мужчины — по другую.

— Если что-то делать, то хорошо бы поскорее, — пробурчал Хильдегрин.

— По-моему, вот-вот начнется буря.

— Постараемся успеть. Сейчас мне понадобится сила каждого сознания, а от больной не много проку. Вы почувствуете, как я направляю ваши мысли. Делайте, как я велю.

Отпустив на мгновение руку Меррин, старуха (если она и вправду была женщиной) извлекла из-за корсажа хлыст. Его концы растворялись в ночной тьме, словно выходили за пределы зрения, хотя сам хлыст был размером с небольшой нож. Когда старуха открыла рот, я решил, что она собирается взять его в зубы, но она проглотила его. Мгновение спустя я увидел сквозь сморщенную кожу ее горла расплывчатые очертания

ножа, тронутые по краям пурпуром.

— Все закройте глаза… Здесь есть незнакомая женщина, высокая, в цепях… Неважно, палач, теперь я ее знаю… Не размыкайте рук. Не размыкайте рук…

После Водалусовой трапезы я знал, что значит разделить свой разум с другим разумом. Но теперь все было по-другому. Кумеана не явилась мне ни в своем нынешнем облике, ни как молодая женщина. Скорее я чувствовал, что ее мысли окружают мои собственные, как рыбка окружена не видимым человеку водным потоком. Текла тоже была со мной, но и ее я не видел — мне только казалось, что она стоит за спиной, положив руку мне на плечо, а на своей щеке я чувствовал ее дыхание.

Потом она исчезла, и все остальное исчезло вместе с ней. Мои мысли ринулись в темноту и затерялись меж развалин.

Очнувшись, я понял, что лежу на черепичной крыше у огня. Рот был полон слюны и крови, сочившейся из прикушенных губ. В ногах ощущалась безмерная слабость, но все же я сел и огляделся вокруг.

Сначала мне показалось, что все остальные исчезли. Крыша подо мной была твердой, но

люди стали прозрачными, словно привидения. Справа от меня лежал прозрачный Хильдегрин: положив ладонь на его грудь, я убедился, что в ней бьется сердце — неровно, как мошка за стеклом. Глядя на туманные очертания тела Иоленты, я понял, что с ней сделали больше, чем предполагала Меррин: сквозь прозрачную плоть просвечивали железные проволоки и пластинки, хотя и они казались расплывчатыми. Я перевел взгляд на собственные ноги и увидел яркий свет Когтя под толстой кожей сапога. Но не хватало сил достать его.

На губах спящей Доркас не было пены, а тело на вид казалось более плотным, чем тело Хильдегрина. Меррин превратилась в куклу, одетую в черное, почти лишенную плоти. Тоненькая Доркас рядом с ней выглядела крупной и тяжелой. Теперь, когда в лицо Меррин сознание не вдыхало жизнь, я видел перед собой всего лишь маску из слоновой кости или гипсовую лепнину на костях черепа.

Как я уже давно подозревал, кумеана оказалась не женщиной. Но она не была и одним из тех чудовищ, которых мне довелось лицезреть в садах Обители Абсолюта. Вокруг светящегося хлыста клубилось нечто, отдаленно напоминавшее реп-

тилию. Как ни искал я голову у этого существа, ее не было — зато спина пресмыкающегося казалась составленной из множества лиц, а в глазах каждого из этих лиц читалось отчаяние.

В это время проснулась Доркас.

— Что с нами случилось?

Хильдегрин пошевелился во сне.

— Я думаю, мы смотрим на себя издалека — из другого времени.

Она открыла рот, но не издала ни звука. Сгустившиеся облака не принесли с собой ветра, хотя внизу, под нами, по улицам клубилась пыль. Не знаю, как лучше описать то, что происходило: словно бесчисленное множество мельчайших насекомых скрывалось в трещинах мостовых, а теперь, по воле лунного света, пробудилось к загадочной ночной жизни. Глаз не улавливал регулярности в их бесшумных перемещениях, но время от времени они сбивались в подобие роя, мечущегося, увеличивающегося в размерах и уплотняющегося, пока он снова не рассыпался по выщербленным камням мостовой. Тогда насекомые больше не пытались взлететь — они переползали друг через друга, и каждое стремилось пробраться в центр роя.

— Они живые, — сказал я. Но Доркас шепнула

в ответ:

— Смотри, они мертвы.

Она оказалась права.

Насекомые, еще мгновение назад полные жизни, замерли, выставив напоказ белые прожилки брюшек. Неведомая сила соединяла пылинки друг с другом — так усердный художник складывает обломки старинного стекла, чтобы возродить к жизни многоцветный витраж, разбитый несколько тысячелетий назад. Они складывались в человеческие черепа, отливавшие зеленью в лунном свете. Звери — элуродоны, неуклюжие спелей и скользящие тени, названия которым я не знал, — появились среди мертвых. По сравнению с нами все они казались бесплотными.

Один за другим стали подниматься мертвые, а звери исчезали. Мертвецы, сначала медленно и неуверенно, принялись восстанавливать свой город: камни громоздились друг на друга, прах превращался в деревянную обшивку воздвигаемых стен. Люди уже не казались ожившими трупами — они крепли и с каждым мгновением набирались сил. Теперь внизу ходили вразвалку, как моряки, низкорослые кривоногие мужчины, без усилий толкая гигантские валуны своими широченными плечами. Город восстал из праха.

Мы ждали, что будет дальше.

Тишину ночи разорвал грохот барабанов. По их тону я понял, что, когда они били в последний раз, город был окружен лесом — подобное эхо могли создавать только стволы могучих деревьев. По улице шествовал бритоголовый шаман. Его обнаженное тело было разрисовано цветными текстами на незнакомом языке, но форма каждой буквы, казалось, вопила о смысле слова.

За ним шла цепочка из сотни или более людей. Руки каждого из танцоров лежали на голове впереди идущего, их лица были запрокинуты к небу, и тогда мне пришло в голову (я и сейчас думаю об этом), что в их танце воплотился образ стоглазого змея, которого мы называли кумеаной. Они медленно скользили и извивались вокруг шамана, потом вернулись к дому, с высоты которого мы наблюдали за ними, и остановились перед входом. Со звуком, подобным грому, отвалилась каменная плита. Повеяло ароматами мирта и роз.

Из двери вышел мужчина и поднял руки, приветствуя танцоров. Будь у него сотня рук или неси он голову под мышкой, я не удивился бы больше, потому что я знал его лицо с самого детства. Это было лицо бронзовой фигуры из мавзолея, где

я играл ребенком. Его руки украшали тяжелые золотые браслеты, украшенные гиацинтами, опалами, сердоликами и сверкающими изумрудами. Мерными шагами он продвигался вперед, до тех пор пока не оказался в центре процессии. Потом он повернулся к нам и воздел руки. Он смотрел прямо на нас, и я понял, что он — единственный из всей толпы — видит нас.

Я был настолько заворожен происходящим внизу спектаклем, что не заметил, когда Хильдегрин успел спуститься вниз. Теперь он смешался с толпой — если это слово применимо к такому крупному человеку — и пробирался к Апу-Пунхау.

Я не знаю, как описать то, что последовало затем. В некотором роде это походило на маленькую драму, которая разыгралась на моих глазах в деревянном домике в Ботанических Садах. Но тогда я знал, что та женщина, ее брат и дикарь зачарованы. А теперь мне казалось, что это мы — Хильдегрин, Доркас и я — находимся во власти неведомого колдовства. Я уверен, что танцоры не могли увидеть Хильдегрина, но они каким-то образом ощущали его присутствие — выкрикивали угрозы и размахивали дубинками, усаженными каменными зубьями.

А вот Апу-Пунхау видел его, так же как он видел всех нас на крыше или как Исангома видел Агию и меня. И все же, мне кажется, он видел Хильдегрина не таким, каким его видел я: может быть, тот казался ему столь же странным, сколь странной казалась мне кумеана. Хильдегрин держал его, но не мог справиться. Апу-Пунхау боролся, но не мог освободиться. Хильдегрин взглянул на меня и позвал на помощь.

Не знаю, почему я откликнулся на его призыв. Ведь я уже давно сознательно не желал служить Водалусу и его делу. Возможно, продолжал действовать альзабо, а может быть, просто сработала память о том, как Хильдегрин перевозил меня с Доркас через Птичье Озеро.

Я попытался растолкать кривоногих, но один из наносимых наобум ударов дубинкой пришелся мне по голове. Я упал на колени. Когда я снова встал на ноги, Апу-Пунхау исчез среди визжащих, подпрыгивающих танцоров. Вместо него передо мною возникли два Хильдегрина: один вцепился в меня, другой сражался с кем-то невидимым. Я бешеным движением отшвырнул первого и бросился на выручку ко второму.

— Северьян!

Я очнулся от того, что на мое запрокинутое

лицо падали капли дождя — крупные, холодные, жалящие капли. Над пампой грохотал гром. На мгновение мне показалось, что я ослеп, но следующая вспышка молнии озарила примятую ливнем траву и выщербленные камни.

— Северьян!

Меня звала Доркас. Я начал подниматься, и тут рука наткнулась на кусок материи, втоптанной в глину. Я сжал пальцы и вытащил узкую длинную шелковую полоску, украшенную кисточками.

— Северьян!

В ее голосе звучал ужас.

— Я здесь! — отозвался я. Новая вспышка высветила силуэт Доркас на краю крыши. Я обогнул глухую стену и нашел ступеньки. Наши лошади исчезли. На крыше не было никого, кроме Доркас, склонившейся над телом Иоленты. В свете молнии я увидел мертвое лицо официантки, которая прислуживала доктору Талосу, Балдандерсу и мне в маленькой харчевне в Нессусе. Дождь смыл с этого лица остатки былой красоты. В конце пути с нами остается только любовь, и только этот дар небес и идет в расчет. То, что мы способны быть лишь тем, что мы есть, навсегда остается нашим неискупимым грехом.

Здесь, мой читатель, я вновь сделаю паузу. Мы

прошли с тобой вместе от одного города к другому — от маленького селения рудокопов Сальтуса до разоренного каменного города, само название которого давным-давно затерялось в вихре лет. Как Сальтус был для меня воротами в новый мир, лежащий за пределами Града Несокрушимого, так и каменный город — врата, ведущие в горы, очертания которых я узрел в рамках его обвалившихся арок. И мне еще предстоит долгий путь среди ущелий и скал, суждено заглянуть в слепые глаза и пустые лица горных вершин.

Здесь, у их подножий, самое время сделать привал. И если ты, читатель, откажешься следовать за мною дальше, я не могу винить тебя. Дорога сия — нелегка.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Социальные отношения в Содружестве

Одна из наиболее сложных задач, встающих перед переводчиком, заключается в точной передаче сведений касательно сословий и социальных позиций, в терминах, понятных в его собственном обществе. В случае с «Книгой Нового Солнца» отсутствие вспомогательного материала делает нашу задачу вдвойне сложной, и в итоге мы в состоянии представить вам не более чем самый беглый очерк.

Насколько можно определить из рукописей, общество Содружества, по-видимому, состоит из семи основных социальных групп. Из них, по крайней мере, одна представляется совершенно замкнутой. Мужчина или женщина должны родиться экзультантами и по праву рождения остаются экзультантами всю свою жизнь. Хотя внутри данного класса вполне возможны некие градации, рукописи умалчивают о них. Женщины этой социальной группы зовутся «шатленами», а мужчины носят различные титулы. За пределами города, который я предпочел

назвать Нессусом, экзультанты ведают административными делами повседневного характера. Присвоение ими власти по праву наследства серьезно противоречит духу Содружества и вполне объясняет то напряжение, что очевидно между экзультантами и автархией; однако неясно, может ли власть на местном уровне иметь более предпочтительную организацию при существующих условиях — демократия неизбежно привела бы к обыкновенному разброду, а назначаемая сверху бюрократия невозможна при отсутствии необходимого резерва образованных, но относительно безденежных исполнителей, способных занять соответствующие должности. Как бы то ни было, мудрость автархов, несомненно, включает в себя и принцип, что любое проявление полного согласия с правящим классом является наиболее опасной болезнью государства. Судя по рукописям, Текла, Теа и Водалус — вне всяких сомнений, экзультанты.

Армигеры, по-видимому, имеют много общего с экзультантами, но в социальной системе находятся ступенью ниже. Само наименование указывает на их принадлежность к военному классу, и все же нельзя сказать, что они монополизировали основные позиции в армии;

несомненно, их можно сравнить с самураями, находившимися на службе у феодалов в средневековой Японии. Ломер, Никарет, Рахо и Валерия принадлежат к армигерам.

Оптиматы — скорее всего, более или менее зажиточные торговцы. Из семи упомянутых социальных групп представители оптиматов реже всего упоминаются в рукописях. Однако есть некоторые косвенные указания, что Доркас первоначально принадлежала именно к оптиматам.

Как и во всяком обществе, подавляющее большинство населения составляют простолюдины. В основном довольные своей участью, невежественные, поскольку их страна слишком бедна, чтобы дать им образование, они возмущаются высокомерием экзультантов и испытывают благоговейный трепет перед Автархом, который в конечном счете является их собственным апофеозом. Иолента, Хильдегрин и жители Сальтуса принадлежат к простолюдинам, как и бесчисленное множество других персонажей, встречающихся в рукописях.

Окружение Автарха — который вполне обоснованно не доверяет экзультантам — это слуги трона. Эти люди исполняют официальные обязанности и являются советниками Автарха, как

военными, так и гражданскими. Судя по всему, это выходцы из простонародья, и следует отметить, что они высоко ценят полученное ими образование. (Для сравнения: подмечено у Теклы.) Самого Северьяна и других обитателей Цитадели, за исключением Ультана, можно отнести к этой социальной группе.

Жрецы почти столь же загадочны, как и божество, которому они служат, то есть божество в основе своей солярное, но не относящееся к культу Аполлона. (Поскольку Миротворец снабжен Когтем, сама собой напрашивается параллель с орлом Юпитера и солнцем; не исключено, что подобная ассоциация вполне уместна.) Подобно священнослужителям римской католической церкви в наши дни, упомянутые жрецы, похоже, являются членами различных орденов, но в отличие от первых не подчинены никакой единой власти. Временами, несмотря на их очевидный монотеизм, в них проглядывают отдельные черты индуизма. Пелерины, занимающие в рукописях больше места, чем любая другая религиозная община, очевидно, представляют собой сестринскую общину жриц, которых сопровождает вооруженная мужская прислуга (что неудивительно для странствующей группы в по-

добное время и при известных обстоятельствах).

Наконец, **какогены** олицетворяют (к сожалению, они оставляют у нас лишь смутное представление) тот чуждый элемент, который благодаря именно своей инородности является наиболее универсальным, существуя практически во всех известных нам обществах. Их распространенное наименование, по-видимому, демонстрирует, что простолюдины боялись или, по крайней мере, испытывали к ним ненависть. Появление какогенов на празднестве Автарха указывает на то, что их принимали (вероятно, по принуждению) при дворе. Хотя во времена Северьяна народные массы рассматривают их в качестве однородной группы, не исключено, что на самом деле они отличаются друг от друга. В рукописях данный элемент представляют кумеана и Отец Инир.

Почтительное обращение, переведенное мною как сьер, по-видимому, относится лишь к представителям высших классов, однако им часто злоупотребляют и на нижних ступенях общественной лестницы. Хозяином, в узком смысле этого слова, называют главу семьи.

Деньги, меры и время

Я посчитал невозможным выяснить точную цену монет, упомянутых в оригинале «Книги Нового Солнца». За отсутствием прямых аналогий всякий кусок золота с оттиснутым профилем автарха мне пришлось назвать **хризосом**; несомненно, несколько отличаясь весом и пробой, они тем не менее, похоже, имеют приблизительно равную цену.

Еще более разнообразным серебряным монетам этого периода я дал общее название **азими**.

Крупные медные монеты (которые, судя по рукописям, являются главным средством обмена среди простого люда) я назвал **орихальками**.

Несметное число мелких медных и бронзовых денежных знаков (не чеканившихся центральным правительствам, но при необходимости выпускавшихся местными властями и предназначенных лишь для хождения в провинции) я назвал **аэсами**. Один **аэс** — стоимость куриного яйца; **орихальк** — дневной оклад чернорабочего; на **азими** можно приобрести пристойно сшитое верхнее платье, подходящее для оптимата; на **хризос** — хорошего скакуна.

Нелишне напомнить, что меры длины или

расстояния, строго говоря, сами по себе несоизмеримы. В этой книге лига обозначает расстояние примерно в три мили; данной мерой правильно исчислять расстояние между населенными пунктами и в рамках таких крупных городов, как Нессус.

Пядь — расстояние между оттопыренным большим и указательным пальцами, то есть приблизительно восемь дюймов.

Чейн — длина мерной цепи в сто звеньев, где каждое звено составляет пядь; таким образом, чейн — это примерно семьдесят футов.

Эль представляет традиционную длину боевой стрелы — пять пядей, или приблизительно сорок дюймов.

Шаг, приведенный в рукописях, — это примерно два с половиной фута. При упоминании широкого шага указанную длину следует помножить на два.

Наиболее распространенную здесь меру — расстояние от мужского локтя до кончика среднего пальца (приблизительно восемнадцать дюймов) я назвал **кубитом**. (Нетрудно заметить, что в процессе перевода, стараясь передать — посредством латинского алфавита — оригинальные термины, я выбирал современные слова, понятные каждо-

му читателю.)

Термины, обозначающие временные отрезки, редко встречаются в рукописях; периодически приходит на ум, что ощущение течения времени, присутствующее у автора и в обществе, к которому он принадлежит, притупилось из-за общения с интеллектуалами, попавшими под влияние или же преодолевшими временной парадокс Эйнштейна. Там, где эти термины все-таки появляются, **хилиад** означает период в тысячу лет. **Век** — интервал между истощением какого-либо минерала или других ресурсов в их естественном состоянии (например сера) и принятием ими следующей формы. Под **месяцем** имеется в виду лунный месяц из двадцати восьми дней, и **неделя** таким образом, в точности совпадает с нашей неделей — то есть четверть лунного месяца, или семь дней. **Стража** — период дежурства часового: одна десятая ночи или приблизительно час и пятнадцать минут.

Дж. В.